

Полное
собрание
сочинений

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Полное
собрание
сочинений

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

ЭМИЛЬ
ИЗ
ЛЕННЕБЕРГИ

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Полное собрание сочинений

*Эмиль
из Лённеберги*

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука-классика"

2002

УДК 82-93
ББК 84.4 ШВ
Л 59

Автор проекта Л. Ю. Брауде

© Lindgren Astrid. Emil i Lönneberga 1963,
Nya hyss av Emil i Lönneberga 1966, Än lever Emil i Lönneberga 1970,
Ida och Emil i Lönneberga 1989, Kajsa Kavav och andra barn 1950.
First published by Rabén & Sjögren, Stockholm.

Издатели выражают благодарность
госпоже Черстин Квинт (KERSTIN KVINT)
за помощь в приобретении прав
на произведения А. Линдгрэн

*Оформление Вадима Пожидаева
Иллюстрации Виктора Боковни
Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева*

Линдгрэн А.

Л 59 **Собрание сочинений: В 10 т. Эмиль из Лённеберги /**
Пер. со шв. Л. Брауде, Е. Паклиной, Н. Беляковой. —
СПб.: Азбука-классика, 2002. — 384 с.

ISBN 5-352-00056-7

ISBN 5-352-00133-4

Героем четырех повестей этой книги Астрид Линдгрэн является проказник и сорванец Эмиль, от проделок которого трепещет весь хутор Лённеберга. В сборнике рассказов «Бойкая Кайса и другие дети», также вошедшем в этот том, увлекательные приключения и поэзия будней оттеняются присутствием писательнице добрым юмором.

© Л. Брауде, перевод, 1986, 1997, 1994

© Е. Паклина, перевод, 1986, 1997, 1994

© Н. Белякова, перевод, 1994

© Л. Брауде, статья, 2002

© Л. Брауде, комментарии, 1999

© «Азбука-классика», 2002

ISBN 5-352-00056-7
ISBN 5-352-00133-4

Жив еще Эмиль из Лённеберги!

«Угадай, что натворил однажды Эмиль из Лённеберги?» — с отчаянием в голосе спросила Астрид Линдгрэн плачущего внука. И мальчик тут же умолк. А не подозревавшая за минуту до этого о существовании своего будущего героя писательница начала описывать проделки упрямого и строптивого мальчишки из селения Лённеберга. Проделки, которые известны теперь всему миру.

Так родился Эмиль из Лённеберги. Родился неожиданно, как почти все герои шведской писательницы. Постепенно мальчик обрел внешность, характер и, по словам Линдгрэн, «ожил и начал отчаянно проказничать».

О нем писательница и рассказала в трилогии «Эмиль из Лённеберги» (1963), «Новые похождения Эмиля из Лённеберги» (1966), «Жив еще Эмиль из Лённеберги!» (1970). Позднее появилась еще одна книга «Ида и Эмиль из Лённеберги», куда вошли три рассказа: «Как маленькой Иде пришлось стать проказницей» (1982), «Проделка Эмиля № 325» (1985) и «Нечего жадничать! — заявил Эмиль из Лённеберги» (1965).

Жизнь всегда была неиссякаемым источником творчества Линдгрэн, особенно ее книг об Эмиле. Из детства писательницы — описание природы и городка Виммербю, конской ярмарки и богадельни, знакомых

ей так же, как и работник Пелле из Неса, изображенный в повестях об Эмиле под именем Альфреда.

«У нас был конь, которого никто не мог подковать, — вспоминает Линдгрэн, — он не позволял даже дотронуться до своих ног. И только Пелле понял, что тот боится щекотки. Пелле схватил его прямо за копыто, и конь дал себя подковать. Должно быть, — лукаво заключает писательница, — тот самый Эмиль из Лённеберги слышал эту историю!»

Живым справочником во время работы над повестями об Эмиле служил для Линдгрэн ее отец. Это он проказничал на ярмарках и аукционах, открывал за деньги ворота на дороге, ловил раков... Он помнил даже, что сколько стоило в те далекие времена!

Действие книг об Эмиле происходит, судя по всему, в начале XX века, в «эпоху лошади», по излюбленному выражению Линдгрэн. Она описывает шведскую провинцию, благополучную жизнь работающих хуторян, праздники и пиры, чудесную природу Смоланда. Однако в этих повестях Линдгрэн касается и темных сторон жизни, рассказывает о воре по прозвищу Воробей, о нищенском существовании бедняков в богадельне. Облегчить их жизнь помогают сердечность и доброта матери Эмиля (она посылает беднякам на Рождество лакомства, а Эмиль приводит этих бедняков к себе на пир), бесстрашие детей, сумевших прогнать вора. А причины нищеты, толкающей людей на преступления, объясняются в этих книгах, как в сказках, действиями злобных персонажей, таких как Командорша, которая морит обитателей богадельни голодом. Как и в сказках, зло наказывается: вора уводят полицейские, Командорша попадает в волчий ров, вырытый Эмилем.

Сильной стороной этих произведений Линдгрэн является не только описание шведской провинции и крес-

тьянских усадеб, но и жизненно достоверные характеристики героев. Какой-либо штрих, деталь, выпукло обрисованная черта — и читатель живо представляет все. Запоминается крестьянской расчетливостью Антон, отец Эмиля (в конце концов расчетливость обращается против него же самого); трудолюбие и домовитость матери Эмиля, мещанская ограниченность фру Петрель, доброта работника Альфреда. Сам Эмиль вовсе не заядлый проказник, как Вождь Краснокожих в рассказе О'Генри, или бездумный озорник, как Макс и Мориц в книге В. Буша. Все гораздо сложнее, так как в Эмиле сочетаются и достоинства, и недостатки. Прежде всего мальчик уже многое умеет делать — например, обрабатывать дерево, управляться с лошадьми. Ему удастся подковать лошадь, с которой не смог справиться даже опытный кузнец. Эмиль наблюдателен, бесстрашен, ловок, сообразителен и хитер. Он добр: жалеет бедняков, хочет сделать приятное отцу, спасает работника Альфреда — везет его во время страшного бурана к врачу. Но вместе с тем Эмиль очень легкомысленный, он немедленно поддается зову своей озорной, увлекающейся природы (сажает лягушку в корзинку с едой, вздергивает вместо флага на флагшток сестренку Иду, устраивает фейерверк в саду бургомистра, целует учительницу «по доброте душевной» и т. д.). Однако он делает это вовсе не со зла. Напротив, он пытается всем помочь, но каждый раз попадает впросак. Он веселый, живой, смысленный мальчуган. Этот герой Линдгрена несколько напоминает Пиноккио из повести К. Коллоди, тот, вопреки благим намерениям, без конца попадает в различные переделки. Но, в отличие от Пиноккио, Эмиль вовсе не собирается менять свое поведение, и, когда (в конце первой книги) матушка спрашивает его, как он будет вести себя в школе, Эмиль вначале обещает перестать проказничать,

но, поразмыслив, с лукавой улыбкой добавляет: «Но я не ручаюсь».

Когда мальчик отправился в школу, вся Лённеберга замерла в ожидании. Но ничего особенно нового не случилось. Он по-прежнему проказничал, хотя и не каждый день, и на вопрос, что он теперь делает, Эмиль спокойно ответил: «Один день хожу в школу, а другой — проказничаю!»

А как он помогал служанке Лине, когда у нее болел зуб! Чего только не напридумывал изобретательный мальчуган! Вот, обмотав больной зуб Лины длинной и крепкой медвежьей жилой, Эмиль, привязав другой конец жилы к поясу, садится верхом на своего коня и пускает его во весь опор. А Лина изо всех сил бежит сзади, боясь, что жила затянется и вырвет зуб. Вот Эмиль, привязав все ту же жилу к шпеньку на крыше, заставляет Лину спрыгнуть вниз. Да, всех его проделок не перечислишь!

Для понимания характера персонажа очень важен один из эпизодов во второй книге. Эмиль хочет изловить прижившуюся на кухне крысу. Он выгоняет кошку из кухни и ставит крысоловку под стол. Да вот беда, именно туда угодил ногой отец. Линдгрэн постоянно подчеркивает, что ребенок часто совершает скверные проделки не со зла, а нечаянно, по неумению или незнанию. Порой он пытается осмыслить свои поступки. Так, в конце второй книги на робкий вопрос Иды, не шалость ли то, что они накормили бедняков, мальчик дает вполне обоснованный ответ, продиктованный горячим и добрым сердцем.

Запоминается и история с пьяными вишнями. Эмиль по недомыслию позволил съесть их петуху и поросенку, а потом наелся этих вишен и сам. После чего страшно опьянел. И жители Лённеберги заставили его дать клятву трезвости, которую он и приносит вместе с поросенком.

В цикле, посвященном Эмилю, в повествование вкрапливаются записи из дневника его матери, которая ежедневно фиксирует все его проделки. Чтобы уберечь сына от отцовского гнева, мать Эмиля по нескольку раз в день тащит его в одной рубашонке в столярную мастерскую, где он, отбывая наказание, вырезает деревянных человечков (целых 325 штук!). Иногда бывают дни, когда Эмиль так проказничает, что в дневнике не хватает места для записей, но зато, когда у мальчика поднимается высокая температура, он целый день ведет себя так хорошо, что матери просто нечего записывать.

Рассказ ведется от лица автора, который непринужденно беседует с читателем, растолковывает сложные с точки зрения детской психологии ситуации (например, историю Альфреда и Лины). Вот почему норвежский критик Турдис Эрьясэттер заметила, что Линдгрэн хорошо известно «тяготение ребенка к увлекательным и опасным ситуациям, к нежности и к верности, к одиночеству и к общению с другими людьми».

Повести об Эмиле разбиты на отдельные главы-новеллы, в которых развиваются самостоятельные сюжетные линии. Это облегчает восприятие. Для детей младшего возраста трудными покажутся разве что несколько искусственные финансовые операции Эмиля с монеткой в пять эре и иногда чересчур умные для ребенка речи.

Важным средством эмоционального воздействия в книгах об Эмиле является юмор. Чаще всего это юмор ситуаций (Эмиль надевает на голову супницу, попадает головой в черничный кисель, остатки которого выливает на фру Петрель, залепляет тортом лицо бургомистра).

По мнению С. В. Михалкова, люди скучноватые, прочитав трилогию об Эмиле, могут строгим голосом спросить:

— Зачем писать о мальчике, который только и делает, что озорничает? Зачем подавать нашим детям

дурной пример? Но вряд ли есть основания опасаться, — продолжает, обращаясь к ребятам, писатель, — что вы, прочитав эту книгу, со всех ног кинетесь поднимать своих сестренек на флагшток или станете засовывать голову в фарфоровые супницы. Зато вы, несомненно, посмеетесь над проделками Эмиля. Ведь... из самых шаловливых мальчишек и девчонок, если они добры, честны и сердечны, со временем вырастают вполне замечательные люди.

Получив два номера журнала «Костер», где в 1969 году в переводе Л. Ю. Брауде и Е. А. Паклиной были опубликованы две первые книги об Эмиле, Линдгрэн написала Л. Ю. Брауде: «Приятно, что русские дети познакомятся с Эмилем, надеюсь, что он им понравится. А не появятся ли эти истории отдельной книгой? Ведь журналы так быстро изнашиваются. Этой осенью я издаю третью, последнюю повесть об Эмиле. Она называется „Жив еще Эмиль из Лённеберги!“, и я пошлю ее Вам, как только она выйдет в свет».

Рассказы сборника Линдгрэн «Бойкая Кайса и другие дети» (1950) в прессе Швеции были охарактеризованы как «изысканные», «солнечные» произведения. Этот сборник пользуется большой популярностью на родине писательницы. Многие рассказы по своей тематике связаны с повестями и повестями-сказками Линдгрэн. Маленькая Анн из рассказа «Под вишней» богатством фантазии, умением приврать напоминает Пиппи Длинныйчулок и Карлссона. Как и в повестях об Эмиле, в рассказе «Укротитель из Смоланда» встречается бык по кличке Адам Энгельбрект, а герой этого произведения мальчик по имени Калле так же храбр, как и Эмиль.

В заключительной сцене сквозит восхищение подвигом Калле, там описывается, как маленький мальчик медленно и с достоинством ведет разъяренного быка

прямо к дверям хлева. «Адам Энгельбрект был большой-пребольшой бык, а Калле был маленький-премаленький торпарский мальчишка, и... они составляли весьма трогательную пару... Те, кто видел эту картину, никогда ее не забудут».

Рассказ «Спокойной ночи, господин бродяга!» в какой-то степени перекликается с книгой «Расмус-бродяга», и его герой, веселый и увлекательный собеседник, чем-то напоминает Оскара. Капризный и трогательный Пелле сродни Лотте с улицы Бузотеров. И если даже темы и образы рассказов и не связаны непосредственно с другими произведениями Линдгрена, то их роднит главное: наряду с обычными детьми писательница выводит на сцену персонажей, в известной степени продолжающих линию Эмиля и Пиппи.

Глубокое впечатление оставляют те рассказы, где дети помогают взрослым, жертвуют собой ради других. Так, шестилетняя Кайса, несмотря на свой возраст, оказывается необычайно ловкой, умелой, способной накормить заболевшую бабушку. (Этот рассказ, написанный в традициях сказки Андерсена «Девочка со спичками», создан в более сентиментальном ключе, нежели другие произведения Линдгрена.)

Линдгрена подчеркивает трудолюбие Кайсы, говорит, что стоит посмотреть на нее, когда она расхаживает с косынкой на голове и пыльной тряпкой в руках. Запоминается рассказ о девочке из бедной семьи Мэрит, пожертвовавшей жизнью ради мальчика — единственного, кто был добр к ней. В тональности повествования чувствуются горечь и боль писательницы. «Может, — говорит Линдгрена, — надо родиться в лачуге и иметь шестерых братьев и сестер, чтобы так обрадоваться коробочке с карамельками!»

Для этого сборника характерны описания людей, которым живется нелегко, — это местные жители, ра-

ботники поместья, слуги и батраки-статари. По дорогам скитаются оборванные бродяги, а маленькие герои Линдгрена живут в бедных, серых домишках.

Эти произведения важны с педагогической точки зрения. Обращенные к чистому, неиспорченному детскому сердцу, они воспитывают в ребятах трудолюбие, чувство ответственности, самоотверженность и, по словам шведского критика Эвы фон Цвейбергк, «излучают тепло, сочувствие к людям и юмор, доставляющий такое наслаждение большинству детей».

К сборнику рассказов «Бойкая Кайса и другие дети» можно полностью отнести слова норвежской писательницы и критика Ингер Маргреты Гордер о том, что пафос книг Линдгрена состоит в поэтическом описании будней, «богатых добрым юмором и увлекательными переживаниями».

Людмила Брауде

Эмиль
из Лённеберги

Эмиль из Лённеберги. Так звали мальчика, который жил близ Лённеберги. Эмиль был маленький сорванец и упрямец, вовсе не такой славный, как ты. Хотя на вид неплохой парнишка — что правда, то правда. И то пока не начнет кричать. Глаза у него были круглые и голубые. Лицо круглое и розовое, волосы светлые и вьющиеся. Посмотришь на него — ну просто ангелочек. Только не умиляйся раньше времени. Эмилю было пять лет от роду, но силой он не уступал молодому бычку. Жил он на хуторе Каттхульт, близ селения Лённеберга, в провинции Смоланд. И разговаривал этот плутишка на смоландском наречии. Но тут уж ничего не поделаешь! В Смоланде все так говорят. Если ему хотелось надеть свою шапку, он не говорил, как ты: «Хочу шапку!» — а кричал: «Хочу шапейку!» Его шапка была всего-навсего обыкновенной, довольно неказистой кепчонкой с черным козырьком и синим верхом. Ее однажды купил ему отец, когда ездил в город. Эмиль обрадовался обновке и вечером, ложась спать, сказал: «Хочу шапейку!» Его маме не понравилось, что Эмиль

собрался спать в кепке, и она хотела положить ее на полку в снях. Но Эмиль завопил так, что стало слышно во всей Лённеберге: «Хочу шапайку!»

И целых три недели Эмиль спал в кепке каждую ночь. Что ни говори, своего он добился, хотя для этого и пришлось ему поскандалить. Уж он-то умел настоять на своем. Во всяком случае, не делал того, чего хотела его мама. Однажды под Новый год она попыталась уговорить его поесть тушеных бобов: ведь овощи так полезны детям. Но Эмиль наотрез отказался:

— Не буду!

— Ты что ж, *совсем* не будешь есть овощи и зелень? — спросила мама.

— Буду! — ответил Эмиль. — Только *взаправдашнюю* зелень.

И, притаившись за новогодней елкой, Эмиль принялся грызть зеленые веточки.

Но скоро ему надоело это занятие, уж больно колючи елочные иголки.

И упрямый же был этот Эмиль! Он хотел командовать и мамой, и папой, и всем Каттхультом, и даже всей Лённебергой. Но лённебержцы не желали ему подчиняться.

— Жаль этих Свенссонов из Каттхульты! — говорили они. — Ну и балованный же у них мальчишка! Ничего путного из него не выйдет, это уж как пить дать!

Да, вот что думали о нем лённебержцы. Знай они наперед, кем станет Эмиль, они бы так не говорили. Если бы они только знали, что он будет председателем муниципалитета, когда вырастет! Ты, верно, не знаешь, кто такой председатель муниципа-

литета?¹ Это очень-очень важный человек, можешь мне поверить. Так вот, Эмиль и стал председателем муниципалитета, только не сразу, конечно.

Но не будем забежать вперед, а расскажем по порядку о том, что случилось, когда Эмиль был маленький и жил на хуторе Каттхульт близ Лённеберги, в провинции Смоланд, со своим папой, которого звали Антоном Свенссоном, и со своей мамой, которую звали Альмой Свенссон, и своей маленькой сестренкой Идой. Был у них в Каттхульте еще работник Альфред и служанка Лина. Ведь в те времена, когда Эмиль был маленьким, и в Лённеберге, и в других местах еще не перевелись работники и служанки. Работники пахали, ходили за лошадьми и быками, скирдовали сено и сажали картошку. Служанки доили коров, мыли посуду, скребли полы и баюкали детей.

Теперь ты знаешь всех, кто жил в Каттхульте, — папу Антона, маму Альму, маленькую Иду, Альфреда и Лину. Правда, там жили еще две лошади, несколько быков, восемь коров, три поросенка, десяток овец, пятнадцать кур, петух, кошка и собака.

Да еще Эмиль.

Каттхульт был небольшим уютным хуторком. Хозяйский дом, выкрашенный в ярко-красный цвет, возвышался на холме среди яблонь и сирени, а вокруг лежали поля, луга, пастбища, озеро и огромный-преогромный лес.

Как спокойно и мирно жилось бы в Каттхульте, не будь там Эмиля!

¹ Муниципалитет — выборный орган местного самоуправления. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

— Ему бы только проказить, этому мальчишке, — сказала как-то Лина. — А коли и не проказит, все одно — с ним беды не оберешься. В жизни не видывала этакого постреленка.

Но мама Эмиля взяла его под защиту.

— Эмиль вовсе не плохой, — сказала она. — Вот смотри, сегодня он всего один раз ущипнул Иду да пролил сливки, когда пил кофе. Вот и все проказы... Ну еще гонялся за кошкой вокруг курятника! Нет, что ни говори, он становится куда спокойнее и добрее.

И верно, нельзя сказать, что Эмиль был злой. Он очень любил и сестренку Иду, и кошку. Но Иду ему пришлось ущипнуть, иначе она ни за что не отдала бы ему хлеб с повидлом. А за кошкой он гонялся без всякого дурного умысла, просто хотел посмотреть, кто быстрее бегает, а кошка его не поняла.

Так было седьмого марта. В день, когда Эмиль был такой добрый, что всего один раз ущипнул Иду, да пролил сливки, когда пил кофе, и еще гонялся за кошкой.

А теперь послушай, что приключилось с Эмилем в другие, более богатые событиями дни. Не важно, просто ли он проказил, как говорила Лина, или все получалось само собой, потому что с Эмилем вечно что-нибудь приключалось. Итак, начинаем наш рассказ.

Вторник, 22 мая

Как Эмиль угодил головой в супницу

В тот день на обед в Каттхульте был мясной суп. Лина перелила суп в расписанную цветочками суп-

ницу и поставила ее на кухонный стол. Все с аппетитом принялись за еду, в особенности Эмиль. Он любил суп, и это было заметно по тому, как он его хлебал.

— Что это ты так чавкаешь? — удивленно спросила мама.

— А иначе никто и не узнает, что это суп, — ответил Эмиль.

Правда, ответ его прозвучал иначе. Но что нам до этого смоландского говора! Послушай-ка, что было дальше!

Все ели вволю, и вскоре супница опустела. Лишь на доньшке осталась малюсенькая-премалюсенькая капелька. И эту-то каплю захотел съесть Эмиль. Однако слизнуть ее можно было, только всунув голову в супницу. Эмиль так и сделал, и все услышали, как он причмокнул от удовольствия. Но можете себе представить, Эмиль *не смог* вытащить голову обратно! Супница плотно сидела на голове. Тут Эмиль перепугался и выскочил из-за стола. Он стоял посреди кухни, а на голове, словно кадушка, возвышалась супница, сползавшая ему на глаза и на уши. Эмиль силился стащить супницу с головы и вопил во весь голос. Лина всполошилась.

— Ах, наша чудесная супница! — запричитала она. — Наша чудесная супница с цветочками! Куда мы теперь станем наливать суп?

Раз голова Эмиля в супнице, понятно, туда уж супа не нальешь. Это Лина сообразила, хотя вообще-то была довольно бестолкова.

Но мама Эмиля больше думала о сыне:

— Милые вы мои, как же нам спасти ребенка? Давайте разобьем супницу кочергой!

— Ты что, с ума сошла?! — воскликнул папа. — Ведь супница стоит целых четыре кроны¹.

— Попробую-ка я, — сказал Альфред, ловкий и находчивый парень.

Ухватившись за обе ручки супницы, он с силой потянул ее вверх. Ну и что толку? Вместе с супницей Альфред приподнял и Эмиля, потому что Эмиль крепко-накрепко застрял в супнице. Он так и повис в воздухе, болтая ногами и желая как можно скорее снова очутиться на полу.

— Отстань... пусти меня... отстань, кому говорю! — кричал он.

И Альфред поставил его на пол.

Теперь все окончательно расстроились и, столпившись вокруг Эмиля, думали, что делать. И никто — ни папа Антон, ни мама Альма, ни маленькая Ида, ни Альфред и Лина — никто не мог придумать, как высвободить Эмиля.

— Ой, Эмиль плачет, — сказала маленькая Ида.

Несколько крупных слезинок вытекло из-под супницы и покатились по щекам Эмиля.

— Это не слезы, — возразил Эмиль. — Это мясной суп.

Он по-прежнему хорохорился, но, видно, ему было совсем не сладко. Подумать только, вдруг он *никогда* не избавится от супницы? Бедный Эмиль, на что же он теперь напялит свою «шапейку»? Мама Эмиля очень жалела малыша. Она снова хотела схватить кочергу и разбить супницу, но папа сказал:

¹ Крона — денежная единица в Швеции и некоторых других странах.

— Ни за что! Супница стоила четыре кроны. Лучше поедем в Марианнелунд к доктору. Уж он-то освободит Эмиля. И возьмет с нас всего три кроны, так что одну крону мы все же выгадаем.

Маме понравилась папина затея. Ведь не каждый день удастся выгадать целую крону. Сколько всего можно купить на такие большие деньги! Перепадет что-нибудь и маленькой Иде, которая будет сидеть дома, пока Эмиль разъезжает по докторам.

В Каттхульте начались поспешные сборы. Надо было привести в порядок Эмиля, умыть и одеть его в праздничный костюмчик. Причесать его, разумеется, было невозможно. Правда, мама ухитрилась просунуть в супницу палец, чтобы выскрести грязь из ушей мальчика, но это кончилось плохо: палец тоже застрял в супнице.

— Тяни его, вот так тяни, — советовала маленькая Ида, а папа Антон здорово разозлился, хотя вообще-то был человек добрый.

— Ну, кто еще? Кому охота прицепиться к супнице? — закричал он. — Пожалуйста, не стесняйтесь! Я возьму большой воз для сена и заодно свезу к доктору в Марианнелунд весь Каттхульт!

Но тут мама Эмиля сильно дернула руку и вытащила палец из супницы.

— Видно, не мыть тебе сегодня ушей, — сказала она, подув на палец.

Из-под супницы мелькнула довольная улыбка, и Эмиль сказал:

— Хоть какой-то прок от этой супницы.

Тут Альфред лихо подогнал повозку к крыльцу, и Эмиль вышел из дому. Он был такой нарядный

в полосатом праздничном костюмчике, в черных башмаках на пуговках и с супницей на голове. По правде говоря, супница на голове была, пожалуй, и ни к чему, но, яркая и пестрая, она, если на то пошло, напоминала какую-то необычайно модную летнюю шляпку. Плохо только, что она то и дело съезжала Эмилю на глаза.

Пора было ехать в Марианнелунд. Вскоре все были готовы, и повозка тронулась в путь.

— Присматривай без нас хорошенько за Идой! — закричала Лине мама Эмиля.

Она устроилась на переднем сиденье рядом с папой. На заднем сиденье восседал Эмиль с супницей на голове. Рядом с ним лежала его кепчонка. Не возвращаться же с непокрытой головой!

Хорошо, что он заранее подумал об этом.

— Что приготовить на ужин? — крикнула вдогонку Лина.

— Что хочешь! — ответила мама. — Не до того мне сейчас!

— Тогда сварю мясной суп! — сказала Лина. И тут же, увидев, как яркая, в цветочках, супница исчезает за поворотом, она вспомнила о случившемся и, обернувшись к Альфреду и маленькой Иде, грустно сказала:

— Вместо супа будут пальты¹ и шпик!

Эмиль уже не раз ездил в Марианнелунд. Ему нравилось сидеть высоко на облучке и смотреть, как петляет дорога. Ему нравилось разглядывать хутора, мимо которых они проезжали, живших там ребятшек, лаявших у калиток собак, лошадей и коров,

¹ Пальты — шведское национальное блюдо.

которые паслись на лугах. Однако на этот раз поездка была не из веселых. На этот раз он сидел с супницей на голове. Она совсем закрыла ему глаза, и он ничего не видел, кроме носков своих собственных башмаков, которые с трудом различал из-под супницы сквозь узкую щелку. Поминутно ему приходилось спрашивать отца:

— Где мы сейчас? Уже проехали «Блины»? Скоро «Поросенок»?

Эмиль сам придумал эти названия для всех хуторов вдоль дороги. Один он назвал «Блины», потому что однажды, проезжая мимо, видел, как двое толстых мальчуганов у калитки уписывали за обе щеки блины. «Поросенком» он окрестил другой хутор в честь маленького резвого поросенка, которому иногда почесывал спинку.

Теперь Эмиль мрачно сидел сзади, уставившись на носки башмаков, и не видел ни блинов, ни резвых поросят. Неудивительно, что он все время ныл:

— Где мы сейчас? Далеко еще Марианнелунд?..

Когда Эмиль с супницей на голове вошел в приемную доктора, там было полно народа. Все, кто сидел в приемной, пожалели мальчика. И понятно: с ним стряслась беда. Только один щупленький старикашка при виде Эмиля не удержался от смеха, словно это так весело — застрять в супнице.

— Хо-хо-хо! — смеялся старикашка. — Уши у тебя, что ли, зябнут, малыш?

— Не-а, — отозвался Эмиль.

— Зачем же ты тогда нацепил этот колпак? — спросил старикашка.

— Чтоб уши не озябли, — ответил Эмиль.

Он за словом в карман не лез, даром что был мал!
Но тут Эмиля позвали к доктору. Доктор не смеялся, он только сказал:

— Здравствуй, здравствуй! Что ты там делаешь в супнице?

Эмиль не мог, конечно, видеть доктора, но поздороваться с ним было просто необходимо. Эмиль вежливо поклонился, низко склонив голову вместе с супницей. И тут раздался звон: дзинь! Супница, расколотая на две половинки, лежала на полу. Потому что Эмиль ударился головой о письменный стол доктора.

— Плакали наши четыре кроны, — тихонько сказал папа Эмиля маме.

Но доктор его услышал.

— Нет-нет, одну крону вы все-таки выгадали, — заметил он. — Когда я вытаскиваю из супниц маленьких мальчиков, я беру за это пять крон. А на этот раз он сам себя вытащил.

Папа очень обрадовался. Он даже был благодарен Эмилю за то, что тот разбил супницу и выгадал одну крону. Проворно подняв обе половинки супницы, папа вышел из кабинета с Эмилем и его мамой. На улице мама сказала:

— Подумать только, мы *опять* выгадали. На что же мы потратим крону?

— Ни на что, — ответил папа. — Мы ее сбережем. А пять эре¹ Эмиль честно заработал. Пусть он их положит дома в копилку.

Вынув из кошелька монетку в пять эре, папа дал ее Эмилю. Угадай, обрадовался Эмиль или нет?

¹ Эре (швед.) — мелкая монета, грош.

И вот они отправились в обратный путь. Довольный Эмиль, напялив на голову свою кепчонку, сидел позади, зажав в кулачке монетку. Он смотрел на всех детей и на всех собак, на всех лошадей, коров и поросят, какие только попадались ему на глаза. Будь Эмиль просто заурядным малышом, с ним бы в тот день ничего больше не случилось. Но Эмиль *был не такой*, как все. Вот и отгадай, что он еще натворил! Он засунул пятиэровую монетку в рот, как раз когда они проезжали мимо «Поросенка». И сразу до мамы с папой с заднего сиденья донесся странный звук — «плюк». Легонько икнув, Эмиль проглотил монетку.

— Ой! — сказал Эмиль. — Вот здорово! Как быстро я ее проглотил!

Мама Эмиля снова запричитала:

— Милые вы мои, как нам достать из ребенка монетку в пять эре? Едем обратно к доктору.

— Нечего сказать, здорово ты умеешь считать, — сказал папа. — Неужто мы будем платить доктору пять крон за монетку в пять эре? Что у тебя было в школе по арифметике?

Эмиль спокойно отнесся к происшедшему. Похлопав себя по животу, он сказал:

— Я сам буду своей копилкой: хранить монетку в животе куда надежней, чем дома в копилке. Отсюда ее никому не достать, а из копилки можно. Я уже пробовал открывать ее кухонным ножом, так что знаю...

Но мама Эмиля не сдавалась. Она во что бы то ни стало хотела показать Эмиля доктору.

— Я ведь ничего не говорила в тот раз, когда он съел все пуговицы от штанишек, — напомнила она

папе. — Но переварить монетку куда труднее, как бы не было беды!

Она так напугала папу, что тот повернул лошадь и поехал назад в Марианнелунд. Потому что папа Эмиля тоже беспокоился за своего мальчика.

Запыхавшись, вбежали они в кабинет доктора.

— Вы что-нибудь забыли? — спросил доктор.

— Нет, только наш Эмиль проглотил монетку в пять эре, — сказал папа. — Не согласитесь ли вы, доктор, его немножко прооперировать... за четыре кроны и... еще монетку в пять эре в придачу?

Но тут Эмиль дернул папу за сюртук и прошептал:

— Попробуй только отдать ему монетку! Монетка — моя!

А доктор вовсе не думал отбирать у Эмиля монетку в пять эре.

— Никакой операции не надо. Через несколько дней монетка вернется к тебе сама, — сказал он Эмилю. — Съешь-ка пяток булочек, чтобы монетке не было скучно одной и чтобы она не оцарапала тебе животик.

Какой чудесный доктор! Ни эре не взял за совет. Папа Эмиля был ужасно доволен и весь сиял, когда снова вышел на улицу с Эмилем и его мамой.

Мама Эмиля тотчас собралась в булочную сестер-фрёкен¹ Андерссон, чтобы купить Эмилю пять булочек.

— Вот еще! — сказал папа. — Булочки есть у нас дома.

¹ Фрёкен (швед.) — барышня, девушка.

Эмиль задумался, хотя и ненадолго. Он кое-что соображал в счете, и, кроме того, ему хотелось есть. Похлопав себя по животу, он сказал:

— У меня тут монетка в пять эре, добраться бы только до нее, и я сам купил бы себе булочек. — Подумав еще немножко, он добавил: — Пап, а ты не сможешь одолжить мне пять эре на несколько дней? Я верну их тебе, честное слово!

Тут папа сдался, и они пошли к сестрам-фрёкен Андерссон и купили Эмилю пять булочек. Булочки были очень аппетитные, круглые и румяные, обсыпанные сахарной пудрой. Эмиль их быстро съел.

— Самое вкусное лекарство на свете, — сказал он.

А у папы на радостях голова пошла кругом, и он решил позволить себе неслыханную роскошь.

— Мы заработали сегодня уйму денег, — весело сказал он и, махнув на все рукой, накупил на целых пять эре мятных леденцов для маленькой Иды.

Знаешь, в те времена дети были глупы и непредусмотрительны, они не задумывались над тем, потребуются ли им в жизни зубы или нет. Теперь дети в Лённеберге не едят столько конфет, зато и зубы у них целы!

Потом хуторяне покатали обратно в Катхульт. Едва переступив порог, еще в сюртуке и в шляпе, папа принялся склеивать супницу. Это было проще простого — она ведь раскололась на две равные половинки. Лина от радости запрыгала и закричала Альфреду, который распрягал лошадь:

— У нас в Катхульте снова будет мясной суп!

Неужто Лина и вправду на это надеялась? Видно, она забыла про Эмиля.

В тот вечер Эмиль долго играл с маленькой Идой. На лужайке между громадными валунами он построил сестренке игрушечный шалаш. Ей было страшно весело. А щипал он ее легонько и только тогда, когда ему хотелось съесть мятный леденец.

Но тут начало смеркаться, и Эмиль с маленькой Идой стали подумывать, не пора ли спать. Они забежали на кухню посмотреть, нет ли там мамы. Ее там не было. И вообще там никого не было, была только супница — уже склеенная, она красовалась на столе. Эмиль и маленькая Ида, прильнув к столу, устались на чудо-супницу, которая пропутешествовала целый день.

— Ишь ты, доехала до самого Марианнелунда! — с завистью сказала маленькая Ида. А потом с любопытством спросила: — Эмиль, а как тебе удалось засунуть туда голову?

— Это пара пустяков! — ответил Эмиль. — Вот так!

Тут в кухню вошла мама Эмиля. И первое, что она увидела, был Эмиль с супницей на голове. Эмиль срывал супницу с головы, а маленькая Ида визжала. Визжал и Эмиль, потому что супница снова крепко сидела у него на голове.

Тут мама схватила кочергу и так стукнула ею по супнице, что только звон пошел по всей округе. Дзинь! — и супница разлетелась на тысячу мелких черепков. Осколки дождем посыпались на Эмиля.

Папа был в овчарне, но, услышав звон, кинулся на кухню. Застыв на пороге, он молча переводил взгляд с Эмиля на черепки, с черепков на кочергу в руках у мамы. Не проронив ни слова, папа повернулся и ушел обратно в хлев.

Два дня спустя он получил от Эмиля пять эре — все же утешение, хоть и небольшое.

Вот теперь ты примерно знаешь, какой был Эмиль.

Эта история с супницей случилась во вторник, двадцать второго мая. Но, может, тебе хочется услышать и о другой проделке Эмиля?

Воскресенье, 10 июня

Как Эмиль поднял на флагшток маленькую Иду

В воскресенье, десятого июня, в Каттхульте был праздник. Ожидалось великое множество гостей из Лённеберги и из других мест. Мама Эмиля начала готовить угощение еще загодя.

— В копеечку влетит нам этот праздник, — сетовал папа. — Но пировать так пировать! Нечего скряжничать! Хотя котлеты можно было бы лепить чуть поменьше.

— Я делаю котлеты какие надо, — сказала мама. — В самый раз. В меру большие, в меру круглые, в меру поджаристые.

И она продолжала стряпать. Она готовила копченую грудинку, телячьи фрикадельки, селедочный салат и маринованную селедку, яблочный торт, запеченного угря, тушеное и жареное мясо, пудинги, две большущие сырные лепешки и особенную, необыкновенно вкусную колбасу. Отведать этой знаменитой колбасы гости охотно приезжали издалека, даже из Виммербю и Хультсфреда.

Эмиль тоже очень любил эту колбасу.

Денек для праздника выдался на славу. Сияло солнце, цвели яблони и сирень, воздух звенел от птичьего пения, и весь хутор Каттхульт, раскинувшийся на холме, был прекрасен, как сон. Всюду был наведен порядок: двор расчищен граблями до самого последнего уголка, дом прибран, угощение приготовлено. Все было готово к приезду гостей. Не хватало только одного!

— Ой, мы забыли поднять флаг, — сказала мама.

Ее слова будто подстегнули папу. Он помчался к флагштоку, а следом за ним мчались Эмиль и маленькая Ида. Им хотелось посмотреть, как на верхушке флагштока взвьется флаг.

— Сдается мне, праздник нынче будет на славу! — сказала мама Эмиля Лине, когда они остались на кухне вдвоем.

— Только перво-наперво надо запереть Эмиля — так будет вернее, а то как бы чего не случилось, — заметила Лина.

Мама Эмиля укоризненно на нее посмотрела, но ничего не сказала.

Мотнув головой, Лина пробормотала:

— Мне-то что! Поживем — увидим!

— Эмиль — чудесный малыш! — твердо сказала мама.

В окошко было видно, как «чудесный малыш» носится словно угорелый по лужайке, играя с сестренкой. «До чего оба хороши! — подумала мама. — Ну просто ангелочки». Эмиль был в своем полосатом праздничном костюмчике и в кепке на кудрявой головке, а пухленькая Ида — в новом красном платьице с белым пояском.

Мама заулыбалась. Но, взглянув беспокойно на дорогу, сказала:

— Гости будут с минуты на минуту, только бы Антон успел поднять флаг.

Дело с флагом как будто шло на лад. Но вот досада! Не успел папа Эмиля развернуть флаг, как со скотного двора прибежал Альфред и закричал:

— Корова телится! Корова телится!

Понятно, то была Брука — ну и вредная же корова! Приспичило ей телиться, когда дел по горло и еще не поднят флаг. Папа кинул флаг и помчался на скотный двор. У флагштока остались Эмиль с Идой.

Закинув голову, Ида любовалась позолоченным шпилем на верхушке флагштока.

— Как высоко! — сказала она. — Оттуда сверху небось все видать до самого Марианнелунда?

Эмиль призадумался. Но ненадолго.

— А мы сейчас проверим, — сказал он. — Хочешь, я тебя туда подниму?

Маленькая Ида засмеялась от радости. Какой Эмиль добрый! И чего только не придумает!

— Еще бы не хотеть! Хочу увидеть Марианнелунд! — сказала Ида.

— Сейчас увидишь, — ласково и предупредительно пообещал Эмиль.

Он взял крюк, к которому прикрепляли флаг, и, крепко зацепив его за поясok Иды, обеими руками потянул за веревку.

— Ну, поехали! — сказал Эмиль.

— Хи-хи-хи! — засмеялась маленькая Ида.

И поехала вверх. На самую верхушку флагштока. Затем Эмиль ловко закрепил веревку внизу, точь-

в-точь как делал папа. Ему вовсе не хотелось, чтобы Ида свалилась вниз и разбилась. И вот она уже висит наверху так же надежно и красиво, как, бывало, раньше висел флаг.

— Видишь Марианнелунд? — закричал Эмиль.

— Не-а, — откликнулась маленькая Ида, — только Лённебергу.

— Эка невидаль, Лённеберга... Тогда, может, спустить тебя вниз? — спросил Эмиль.

— Не-а, пока нет! — закричала Ида. — Смотреть на Лённебергу тоже интересно... Ой, гости едут!

И верно, в Каттхульт прикатили гости. Лужайка перед скотным двором была уже вся забита повозками и лошадьми. Но вот гости хлынули во двор и чинно зашагали к дому. Впереди всех шествовала сама фру¹ Петрель. Она приехала на дрожках из Виммербю только затем, чтобы отведать колбасы мамы Эмиля.

Да, фру Петрель была шикарная дама в шляпе со страусовыми перьями и вуалью.

Фру Петрель с удовольствием огляделась. Каттхульт всегда был на редкость красив, а сейчас, залитый солнечным светом, в яблонево и сиреневом цвету, он казался особенно праздничным. И даже флаг был поднят... Да, поднят. Фру Петрель увидела его, хотя и была чуть близорука.

Флаг?! Внезапно фру Петрель остановилась в замешательстве. И чего только не взбредет в голову этим Свенссонам из Каттхульты, просто диву даешься!

Папа Эмиля как раз выходил со скотного двора, и фру Петрель крикнула ему:

¹ Фру (*швед.*) — госпожа.

— Любезный Антон, что это значит? Почему вы подняли Даннеброг?

Эмиль стоял рядом с фру Петрель. Он не знал, что за штука такая — Даннеброг. Он понятия не имел, что так называется красно-белый флаг Дании, страны, где живут датчане. Но он отлично знал, что красно-белое на верхушке флагштока никакой не Даннеброг.

— Хи-хи-хи! — засмеялся Эмиль. — Это ведь всего-навсего маленькая Ида.

И маленькая Ида на верхушке флагштока тоже засмеялась.

— Хи-хи-хи! Это же всего-навсего я! — закричала она. — Я вижу всю Лённебергу!

Но папа не смеялся. Он поспешно спустил маленькую Иду на землю.

— Хи-хи-хи! — сказала она. — Ой, до чего было весело, прямо как тогда, когда Эмиль окунул меня в брусничное варенье!

Она вспомнила тот случай, когда они с Эмилем играли в индейцев и Эмиль пихнул ее в большой медный таз с брусничным вареньем, чтобы она стала краснокожей, как настоящая индианка.

Что правда, то правда, Эмиль всегда заботился о том, чтобы Ида не скучала. Но никто ему не говорил спасибо за это. Наоборот!

Схватив Эмиля, папа хорошенько его встряхнул.

— Ну, что я говорила! — торжествующе сказала Лина, увидев, как папа Эмиля тащит мальчика в столярную, куда его обычно сажали за всякие проказы.

Эмиль сопротивлялся и, всхлипывая, кричал:

— Она ведь сама хотела посмотреть Ма...ри...анне...лу...унд!

Ну разве это честно со стороны папы? Ведь никто никогда не говорил Эмилю, что маленькой Иде нельзя показывать Марианнелунд. Разве он виноват, что она ничего, кроме Лённеберги, не увидела?

Эмиль ревел во все горло. Но только до тех пор, пока папа не запер дверь и не ушел. Тогда рев тотчас смолк. Вообще-то в столярной было очень уютно. Там валялось сколько хочешь разных палок, и чурок, и досок, из которых можно было вырезать разные замечательные вещи. Всякий раз, когда Эмиль после очередной шалости сидел в сарае, он вырезал маленького смешного деревянного старичка. Старичков набралось уже пятьдесят четыре, и похоже, что со временем их могло стать еще больше.

— Чихал я на их дурацкую пирушку, — сказал Эмиль. — Пусть папа сам теперь вешает флаг, без меня! А я выстрогаю новенького деревянного старичка и буду всегда злой и страшный, и все станут меня бояться.

Эмиль, конечно, знал, что его скоро выпустят. Долго его никогда в столярной не держали.

«Будешь сидеть до тех пор, пока хорошенько не расквасишься в своей проделке, — обычно говорил папа. — И не вздумай приниматься за старое».

Но Эмиль был благоразумным и редко повторял одну и ту же проделку дважды, он всегда придумывал новую.

Он строгал своего деревянного старичка и думал о том, как он поднял Иду на флагшток вместо флага. Он это сделал быстро, раз-два — и готово!

Что тут голову-то ломать! Да и строгал он тоже быстро и умело.

Потом Эмилю захотелось выйти на волю. Однако родители и гости на своем пиру о нем, видимо, совсем забыли. Он ждал-ждал, но никто не приходил. Тогда Эмиль начал размышлять, как бы ему самому выбраться отсюда.

«Может, через окошко? Наверное, это пара пустяков», — подумал Эмиль. Окошко было высоко, под самой крышей, но Эмиль без труда добрался до него по доскам, наваленным у самой стены.

Отворив окошко, мальчик собрался было спрыгнуть, но увидел, что земля внизу сплошь заросла этой подлой крапивой. А прыгнуть в заросли крапивы — приятно мало! Однажды Эмиль уже проделал это — только чтобы попробовать, как она жжется. Теперь он знал — *как*, и повторять свой опыт ему не хотелось.

— Я еще в своем уме, — сказал Эмиль. — Нет уж, придумаю что-нибудь получше.

Если тебе случалось бывать на таком хуторе, как Каттхульт, ты сам знаешь, сколько там нагорожено всяких строений и пристроек. Стоит попасть на хутор — и сразу захочется играть в прятки. В Каттхульте были не только конюшня, скотный двор, свинарник, курятник и овчарня, но и множество разных пристроек и сараев. Была там и коптильня, где мама Эмиля коптила свою знаменитую колбасу, и прачечная, где Лина стирала грязную одежду, и еще два сарая, стоявших рядом друг с другом. В одном держали дрова и разный столярный инструмент, а в другом — скалку для белья, валёк и разную вкусную снедь.

Эмиль и маленькая Ида любили по вечерам играть в прятки, бегая между всеми этими постройками. Конечно, там, где не было крапивы.

Но сейчас Эмиль не мог ни во что играть. Он сидел взаперти, и выпрыгнуть из окошка тоже было нельзя, потому что маленькая площадка между столярной и кладовой густо заросла крапивой.

Вдруг Эмиль увидел, что окошко кладовой открыто, и ему пришла в голову необыкновенно удачная мысль. Ерундовое дело! Он положит доску между окошками столярной и кладовой и перелезет по ней. Ему порядком надоела эта столярная, да к тому же он проголодался.

Эмиль никогда долго не раздумывал, когда ему в голову приходили необыкновенно удачные мысли. Он мигом перекинул доску из одного окошка в другое и пополз по ней! Это было небезопасно, потому что доска была тонкая, а Эмиль тяжелый.

«Если все обойдется, отдам Иде моего Петрушку», — мысленно пообещал Эмиль. Доска под ним предательски потрескивала, и, взглянув случайно вниз на крапиву, он испугался и потерял равновесие.

— Помогите! — завопил Эмиль, повиснув на руках. Он чуть не свалился прямо в крапиву, но в последнюю секунду ему удалось зацепиться ногами за доску и снова вскарабкаться наверх. Не прошло и минуты, как он оказался в кладовой.

— Ерундовое дело и есть, — сказал Эмиль. — Но Петрушку все равно отдам Иде... может... только, я думаю... в другой раз... а может, он к тому же сломался. Ну да я еще погляжу...

Он пнул доску ногой, и она скатилась обратно в столярную. Эмиль любил во всем порядок.

Спрыгнув на пол, он подбежал к двери и подергал ее за ручку. Дверь была заперта.

— Так я и знал, — сказал Эмиль. — Но скоро они придут за колбасой, и тогда... угадайте: кто тогда выскочит отсюда?

Эмиль потянул носом воздух. В кладовой пахло чем-то вкусным. Значит, найдется чем полакомиться. Эмиль внимательно огляделся. И в самом деле, в кладовой было полно еды! Наверху, под потолком, нанизанные на жердь, висели копченые окорока и пальты. Их было немало, потому что папа Эмиля обожал пальты со шпиком и белым соусом. В углу стоял ларь с караваями чудесного душистого пшеничного хлеба, а рядом с ним складной стол — на нем лежали желтые головки сыра и красовались глиняные горшки со свежесбитым маслом. Сзади, за столом, примостилась деревянная кадушка с соленым шпиком, рядом, в большом шкафу, мама Эмиля держала малиновый сок, маринованные огурцы, чернослив и свое лучшее клубничное варенье. А на средней полке она хранила свою знаменитую колбасу.

Эмиль просто обожал эту колбасу.

Праздник в Каттхульте был в полном разгаре. Гости уже выпили кофе со сдобными булочками и теперь сидели и ждали, когда у них снова разыграется аппетит, чтобы начать все сначала и отведать копченой грудинки, селечного салата, колбасы и еще всякой всячины.

Но тут мама воскликнула:

— Ой, мы совсем забыли про Эмиля! Бедняжка, засиделся он в этой столярке!

Папа тотчас помчался в столярную, а маленькая Ида следом за ним.

— Ну, Эмиль, выходи! — крикнул папа, отворяя дверь настежь.

Угадай — удивился папа или нет? Эмиля там не было.

— Он сбежал через окошко, плутишка этакий! — сказал папа.

Но, выглянув в окошко, он увидел, что густая крапива под окном по-прежнему стоит высокая и пышная и нисколько не примятая. Тут папа перепугался.

«Что-то неладно, — подумал он. — Крапива не помята, по ней никто не ходил».

Маленькая Ида разревелась. Куда девался Эмиль? Лина часто пела грустную песенку о девочке, которая обернулась белой голубкой и улетела, чтобы не сидеть взаперти. Эмиля тоже заперли, и кто знает, не обернулся ли он голубем и не улетел ли от них? Маленькая Ида оглянулась — не видать ли где голубя. Но возле сарая разгуливала, выклевывая червей, лишь одна-единственная жирная белая курица.

Маленькая Ида еще пуще разревелась и, указав на курицу, спросила:

— Может, это Эмиль?

Папа так не думал. Но на всякий случай побежал к маме спросить, не замечала ли она, что Эмиль умеет летать.

Нет, мама ничего такого не замечала. В Каттхульте поднялся страшный переполох. Какой уж тут праздник. Все бросились на поиски Эмиля.

— Ясное дело, где же ему быть, как не в столярке, — сказала мама папе.

И все кинулись туда и стали обыскивать все углы.

Но Эмиля в столярной не было. Там было всего-навсего пятьдесят пять деревянных старичков, выстроившихся рядами на полке. Фру Петрель никогда не видела столько деревянных старичков зараз и удивилась, кто бы это мог их выстругать.

— Кто, как не наш Эмиль! — сказала мама и заплакала. — Он был такой чудесный малыш!

— Еще бы! — поддакнула, дернув головой, Лина. А потом добавила на чистейшем смоландском наречии: — Поглядим-ка лучше в кладовке!

Для Лины это было совсем не глупо. Все ринулись в кладовую. *Но и там Эмиля не было!*

Маленькая Ида горько и безутешно заплакала, потом подошла к белой курице и прошептала:

— Не улетай, миленький Эмиль! Я буду кормить тебя куриной едой, буду таскать тебе полные ведерки воды, только оставайся в Каттхульте!

Но курица ничего определенного не пообещала. Она только закудахтала и удалилась.

Да, досталось бедным обитателям Каттхультя! Где они только не искали! В дровяном сарае и в гладильне — но и там Эмиля не было! В конюшне, на скотном дворе и в свинарнике — но и там его не было! В овчарне и в курятнике, в коптильне и в прачечной — мальчика не было! Тогда они заглянули в колодец — но даже там Эмиля не было. Вообще-то ничего худого пока не случилось, но хозяйева и гости ревели все хором. Лённебержцы, приглашенные на праздник, перешептывались:

— Верно, чудесный был малыш этот Эмиль! И не такой уж сорванец! Я-то никогда его так не называл!..

— А может быть, он в ручей плюхнулся? — предположила Лина.

Ручей в Каттхульте был бурный, быстрый и опасный — маленьким детям недолго и потонуть.

— Ты ведь знаешь, Эмилю туда ходить не разрешалось, — строго сказала мама.

— Хе, именно потому он и отправился туда, — мотнув головой, дерзко ответила Лина.

Тогда все помчались к ручью. Хотя даже там Эмиля, к счастью, не нашли, слезы у всех потекли в три ручья. А каково было маме Эмиля! Она так надеялась, что праздник удастся на славу!

Больше искать было негде.

— Что будем делать? — спросила мама.

— Пожалуй, немного подкрепимся, — ответил папа.

Лучше и не скажешь, потому что, покуда горевали и искали Эмиля, все снова успели проголодаться.

Мама сразу же принялась накрывать на стол. Ее слезы капали в селедочный салат, когда она ставила его на стол вместе с телячьими фрикадельками, копченой грудинкой, сырными лепешками и прочими лакомствами. Фру Петрель облизнулась. Все было так аппетитно. Хотя колбасы что-то не было видно, и это немного беспокоило ее.

Тут мама Эмиля и сама спохватилась:

— Лина, а колбасу-то мы забыли! Неси ее скорее!

Лина побежала в кладовую. Все терпеливо ждали, а фру Петрель сказала, кивнув:

— Наконец-то принесут колбасу! Уж теперь мы полакомимся, несмотря на нашу горе.

Тут вернулась Лина, но без колбасы.

— Идемте! — таинственно сказала она. — Я вам кое-что покажу.

Вид у нее был немножко чудной, но она ведь всегда-то была чудная, так что никто не обратил на это внимания.

— Что еще за глупости ты выдумала? — строго спросила мама Эмиля.

Лицо у Лины сделалось еще более странным, и она тихонько и чудно рассмеялась.

— Идемте! — повторила она.

И все, кто был на празднике в Каттхульте, пошли с нею.

Лина шла впереди, а остальные, недоумевая, сзади. Слышно было, как она тихонько и чудно хихикает. Отворив тяжелую дверь, Лина переступила высокий порог, и все устремились за ней в кладовую. Лина подвела гостей к большому шкафу и, распахнув с грохотом дверцы, указала на среднюю полку, где мама Эмиля обычно хранила свою знаменитую колбасу.

Теперь там никакой колбасы не было. Зато там был Эмиль. Он спал. Приютившись на полке посреди колбасной кожеры, он спал, этот чудесный, этот золотой мальчик. А его мама так обрадовалась, словно нечаянно-негаданно обнаружила в шкафу слиток золота. Эка важность, что Эмиль слопал всю колбасу! В тысячу раз лучше найти на полке Эмиля, чем даже несколько килограммов колбасы. И папа думал то же самое.

— Хи-хи-хи! — засмеялась маленькая Ида. — Вот и Эмиль. Он вовсе не превратился в голубя. Пока это не очень заметно.

Подумать только, один-единственный мальчишка, объевшийся колбасой, может осчастливить столько людей сразу! В конце концов пир в Каттхульте удал-

ся на славу. Мама отыскала случайно уцелевший кусок колбасы, который Эмиль не в силах был достать, и он достался фру Петрель, к ее величайшей радости. Но и другие гости, которым колбасы не перепало, тоже не ушли домой голодными. Ведь на празднике угощали еще копченой грудинкой и телячьими фрикадельками, маринованной сельдью, селедочным салатом, и тушеным мясом, и пудингом, и запеченным угрем. А под конец гостям подали отличнейшую сырную лепешку с клубничным вареньем и взбитыми сливками.

— Вкуснее сырной лепешки ничего на свете нет, — сказал Эмиль на чистейшем смоландском наречии.

И если тебе довелось когда-нибудь отведать такой сырной лепешки, как в Каттхульте, то ты знаешь: Эмиль сказал правду!

Наступил вечер, и над Каттхультом, над всей Лённебергой и над всем Смоландом сгустились сумерки. Папа Эмиля опустил флаг. Эмиль и маленькая Ида стояли рядом и внимательно наблюдали за ним.

Так закончился праздник в Каттхульте. Все стали собираться по домам. Повозки одна за другой выезжали на дорогу. Последней укатила на своих дрожках знатная фру Петрель. Эмиль и маленькая Ида слушали, как за холмами замирает цокот лошадиных копыт.

— Только бы она не обидела моего крысенка, — озабоченно сказал Эмиль.

— Какого крысенка? — удивилась Ида.

— Которого я запихнул ей в сумку, — невозмутимо сказал Эмиль.

— А зачем? — спросила маленькая Ида.

— Мне стало жалко крысенка, — ответил Эмиль. — Он еще ничего не видел в своей жизни, кроме шкафа с колбасой. Вот я и подумал: пусть посмотрит хотя бы Виммербю.

— Только бы Петрелиха его не обидела, — добавила Ида.

— Как же, не обидит, жди! — сказал Эмиль.

Это случилось десятого июня, когда Эмиль поднял на флагшток сестренку Иду и съел всю колбасу. Может, послушаешь и о другой его проделке?

Воскресенье, 8 июля

Как Эмиль вволю повеселился на Хультсфредской равнине

Альфред, тот самый, что служил в Каттхульте, очень любил детей. Особенно Эмиля. Эмиль без конца проказничал и был настоящий сорванец, но Альфред не обращал на это внимания. Он все равно любил Эмиля и даже вырезал ему из дерева прекрасное деревянное ружье. С виду оно было как настоящее, хотя, ясное дело, не стреляло. Но Эмиль орал «пиф-паф!» и все равно стрелял, так что каттхультовские воробьи от страха подолгу не показывались на дворе хутора. Эмиль обожал свое ружье и не желал расставаться с ним даже ночью.

— Хочу ружейку! — вопил он на чистейшем смоландском наречии и совсем не радовался, когда мама, ослышавшись, приносила его кепчонку.

— Не хочу шапайку! — орал Эмиль. — Хочу ружейку!

И мама приносила ружье.

Да, Эмиль обожал свое ружье, а еще больше — Альфреда, который смастерил ему ружье. И неудивительно, что Эмиль расплакался, когда Альфреду пришлось ехать на Хультсфредскую равнину отбывать воинскую службу. Ты, верно, не знаешь, что значит «отбывать воинскую службу»? Видишь ли, так в прежние времена назывались военные сборы, на которых учили солдатскому делу. Все работники из Лённеберги, да и из других селений, должны были отбывать военную службу и учиться воевать.

— Подумать только! И надо же такому случиться, как раз когда пришло время сено возить, — сказал папа Эмиля.

Ему вовсе не улыбалось потерять Альфреда в разгар сенокоса, в самую горячую пору. Но ведь работниками из Лённеберги командовал не папа Эмиля, а король со своими генералами. Они-то и решали, когда этим парням ехать в Хультсфред учиться быть солдатами. Правда, Альфред должен был снова вернуться домой, когда его хорошенько обучат солдатскому ремеслу. А на это много времени не потребуется. Так что Эмилю незачем было реветь. Но он все равно ревел, а заодно с ним ревели и Лина. Потому что не только Эмиль любил Альфреда.

Альфред не плакал. Он сказал, что в Хультсфреде можно вволю повеселиться. А когда повозка с Альфредом покатила со двора и опечаленные домочадцы замахали ему на прощание, Альфред

ухмыльнулся и запел, чтобы никто больше не горевал. Вот какой куплет он спел:

В городе Экшё на Рённской долине
Шведскую польку пляшут шутя,
И с хуторов на Хультсфредской равнине
Девицы в танцах кружат до утра.
Халли-дайн, халли-далли-да,
Балли-дайн, балли-далли-да...

Больше из песенки Альфреда они ничего не слышали, потому что всю заголосила Лина, а вскоре повозка с Альфредом скрылась за поворотом.

Мама Эмиля пыталась утешить Лину.

— Не горюй, Лина, — уговаривала она. — Успокойся хотя бы до восьмого июля. Тогда в Хультсфреде будет праздник, и мы съездим туда и навестим Альфреда.

— Я тоже поеду в Хультсфред. Я тоже хочу вволю повеселиться и навестить Альфреда, — заявил Эмиль.

— И я, — сказала маленькая Ида.

Но мама покачала головой:

— На этих праздниках ничего веселого для детей нет. Вы только потеряетесь в такой давке.

— Потеряться в давке тоже весело, — убежденно сказал Эмиль, но это ему все равно не помогло.

Утром восьмого июля папа, мама и Лина поехали на праздник в Хультсфред, оставив Эмиля и маленькую Иду дома с Крёсой-Майей, которой велели присмотреть за детьми. Крёса-Майя была маленькая щедрая старушка; иногда она приходила в Каттхульт помочь по хозяйству.

Маленькая Ида была доброй и послушной девочкой. Она тотчас забралась к Крёсе-Майе на колени и потребовала страшных-престрашных сказок о привидениях. Сказки отвлекли и развеселили Иду.

Другое дело Эмиль. Он просто кипел от злости. С ружьем в руках он взбежал на пригорок к конюшне, приговаривая:

— Дудки, так я их и послушаюсь! Я тоже поеду в Хультсфред и вволю повеселюсь. Чем я хуже других! Решено. Поняла, Юллан?

Последние слова были обращены к старой кобыле, которая паслась на лужайке за конюшней. Был в Каттхульте и молодой жеребец, его звали Маркус. Но в эту минуту Маркус бежал по дороге в Хультсфред, увозя маму, папу и Лину. Да, некоторым так можно уезжать из дому и веселиться!

— Ничего! Кое-кто поскачет за ними следом, да так быстро, что только ветер в ушах засвистит! — сердито пробурчал Эмиль. — Едем, Юллан!

Сказано — сделано! Эмиль накинул на кобылу узду и повел ее с лужайки.

— Не бойся, — сказал он лошади. — Альфред обрадуется, когда я приеду, а ты наверняка найдешь себе под пару какую-нибудь подружку, старую добрую кобылку. Будете вместе ржать, раз уж ты не сможешь, как я, вволю повеселиться.

Он подвел Юллан к калитке, ему ведь нужно было на что-нибудь влезть, чтобы вскарабкаться ей на спину. Ух и хитер был этот мальчишка!

— Гоп-ля! — сказал Эмиль. — Халли-даиен, халли-дали-да! Да, а попрощаться с Крёсой-Майей? Ладно, прощаемся, когда вернемся назад.

Юллан затрусил вниз с холма. На спине у нее гордо восседал Эмиль, держа ружье наперевес. Ружье он, конечно, прихватил с собой в Хультсфред! Раз Альфред солдат, Эмиль тоже надумал пойти в солдаты; у Альфреда — винтовка, у Эмиля — ружье. Это все едино, теперь они оба солдаты. Иначе и быть не может, решил Эмиль.

Юллан была совсем старой. Она не спеша трусила по холмам, а чтобы лошадь не утратила интереса к путешествию, Эмиль напевал ей песенку на чистейшем смоландском наречии:

— Кобылка чуть трусит рысцой,
Совсем плоха, совсем стара.
Ну не беда! Ну не беда!
Пусть только довезет меня!
Дорога ровная легла!

И хотя Юллан на ходу дремала, едва переставляя копыта и спотыкаясь на каждом шагу, все-таки в конце концов они прибыли в Хультсфред.

— Эй! — закричал Эмиль. — Теперь мы вволю повеселимся!

Но он тут же замолчал, широко раскрыв глаза от удивления. Он слышал, конечно, что людей на свете тьма-тьмушая, но не знал, что все они соберутся именно здесь, в Хультсфреде. Никогда не доводилось ему видеть столько народу. Тысячи людей окружили огромную равнину со всех сторон, а посередине, на площадке, шли военные учения. Солдаты вскидывали ружье на плечо, равнялись направо и налево и вообще делали все то, что обычно делают солдаты. Какой-то толстый старикашка разъезжал верхом на коне; он фыркал, кричал на солдат

и приказывал им, а они слушались его не возражая и делали все, что он велел. Эмиля это удивило.

— Кто же тут командует? Разве не Альфред? — спросил он стоявших поблизости крестьянских мальчишек.

Но они только смотрели во все глаза на солдат и ничего не ответили.

Сначала Эмиля тоже забавляло, как солдаты вскидывают ружья. Но вскоре ему это надоело, и он захотел разыскать Альфреда. Ради чего же он приехал сюда? Но все солдаты были в одинаковых синих мундирах и похожи друг на друга. Найти здесь Альфреда было делом нелегким.

— Ну и что ж, пусть Альфред сам меня увидит! — сказал Эмиль своей лошади. — Он засмеется, подбежит ко мне, и пусть тогда этот злющий старикашка сам вскидывает ружье на плечо сколько ему вздумается.

Чтобы Альфред поскорее заметил его, Эмиль выехал вперед из толпы и, остановившись перед строем солдат, завопил что есть мочи:

— Альфред, где ты? Выходи, давай повеселимся хорошенько! Разве ты не видишь, что я здесь?

Конечно, Альфред увидел Эмиля — Эмиля в его кепчонке и с ружьем, Эмиля верхом на старой кобыле. Но Альфред стоял в строю вместе с другими солдатами и не смел подойти к Эмилю, опасаясь толстого злого старикашки, который фыркал, орал и командовал без конца.

Вместо Альфреда к Эмилю подъехал сам толстый злой старикашка и очень добрым голосом спросил:

— Что случилось, мальчик? Ты потерялся? Где твои мама с папой?

Таких дурацких вопросов Эмиль давным-давно не слышал.

— Это я-то потерялся? — спросил Эмиль. — Я-то здесь! А если кто и потерялся, так это мама с папой.

Эмиль был совершенно прав. Его мама сказала, что на Хультсфредской равнине маленькие дети могут потеряться. Но теперь она сама вместе с папой и Линой попала в страшную давку, и все они чувствовали себя потерянными, потому что никто из них не мог даже пошевелиться.

Правда, они видели Эмиля! Да, они видели, как он появился в своей «шапке», со своей «ружейкой» верхом на старой кобыле, и папа Эмиля сумрачно сказал:

— Ну, чует мое сердце, придется Эмилю стругать еще одного старичка!

— Похоже на то! — подтвердила мама. — Но как бы нам добраться до Эмиля?

В этом-то все и дело! Если тебе доводилось бывать на празднике, подобном хультсфредскому, ты поймешь, что там творилось. Как только солдаты кончили маршировать и ушли, огромная толпа, окружавшая равнину, хлынула туда со всех сторон. Началась страшная давка, и о том, чтобы найти Эмиля, нечего было и думать, самому бы не потеряться. Эмиля искали не только мама с папой, но и Альфред, который получил увольнительную. Он хотел повеселиться вместе с Эмилем. В страшной толчее на Хультсфредской равнине было, однако, совсем не просто кого-нибудь найти. Почти все, кто там был, кого-то искали. Альфред искал Эмиля, Эмиль — Альфреда, мама Эмиля — сына, Лина — Альфреда,

а папа Эмиля искал маму. Вот она-то потерялась *по-настоящему*, и папе пришлось искать ее битых два часа, пока он наконец не увидел ее, совершенно отчаявшуюся, зажатую в толпе толстых горожан из Виммербю.

Но Эмиль не нашел никого, и никто не нашел Эмиля. Тогда он понял, что пора хорошенько повеселиться одному, иначе он все упустит.

Но прежде чем начать развлекаться, ему надо было пристроить Юллан к какой-нибудь подружке, старой доброй кобылке, чтобы они ржали за компанию, ведь он почти обещал ей это.

Никакой старой кобылки для Юллан Эмиль не нашел. Но зато он нашел Маркуса, а это было куда лучше. На опушке леса, крепко привязанный к дереву, Маркус жевал сено. А рядом стояла их собственная старая повозка из Каттхульты, которую Эмиль тотчас признал. Встретив Маркуса, Юллан заметно обрадовалась. Эмиль привязал ее к тому же дереву и бросил ей охапку сена из повозки — сено в эту пору всегда возили с собой, — и Юллан тоже принялась жевать. Тут и Эмиль почувствовал, что от голода у него сосет под ложечкой.

— Но сена мне, однако, не хочется, — сказал он.

Да и зачем ему сено? Ведь вокруг столько палаток, где продают сколько угодно бутербродов с колбасой, булочек и пряников. Конечно, тем, у кого в кармане водятся денежки.

И было на ярмарке полным-полно всяких развлечений для тех, кто хотел вволю повеселиться. Цирк и танцевальная площадка, увеселительные аттракционы, ресторанчики, карусель и другие развлечения. Подумать только! Там был и шпагоглотатель,

который умел глотать шпаги, и огнеглотатель, который умел глотать огонь, и одна очень внушительного вида дама с окладистой бородой, которая ничего не умела глотать, кроме разве кофе с булочками, и то не чаще одного раза в час. От этого, конечно, не разбогатеешь, но ей повезло: у нее была борода. Она показывала свою бороду за деньги и неплохо на этом зарабатывала.

На Хультсфредской равнине за все надо было платить, а денег у Эмиля не было.

Зато, как вы уже знаете, он был хитрый мальчишка, и ему хотелось увидеть как можно больше. Он начал с цирка, потому что это оказалось проще всего. Надо было только взобраться на ящик по другую сторону балагана и заглянуть в дырочку в парусине. Эмиль так смеялся над потешавшим всех клоуном, что в конце концов с грохотом свалился с ящика и ударился головой о камень. Тогда он махнул рукой на цирк. К тому же он сильно проголодался.

— Какое уж тут веселье натошак, — сказал Эмиль, — а без денег еду не получишь. Надо что-то придумать.

Он видел, что здесь, на Хультсфредской равнине, много разных способов заработать деньги, так что и ему какой-нибудь мог пригодиться. Огонь и шпаги он глотать не умел, бороды у него не было, что же ему оставалось делать?

Эмиль стоял в нерешительности и размышлял. Вдруг он увидел, что посреди толпы сидит на ящике бедный слепой старик и распевает песни. Песни были грустные и жалостные, но за них ему подавали деньги. На земле рядом с нищим лежала шапка, и добрые люди все время бросали в нее мелкие монетки.

«Так и я могу, — подумал Эмиль. — Здорово мне повезло, шапайка как раз при мне».

Положив кепку на землю, он встал в позу и принялся горланить песню «Кобылка чуть трусит рысцой...» для всех, кому не лень было его слушать.

Вокруг сразу же столпился народ.

— Какой славный мальчуган, — говорили люди. — Наверное, он очень бедный, раз поет здесь за деньги.

В те времена было много бедных детей, которым нечего было есть. И вот одна добрая женщина подошла к Эмилю и спросила:

— Скажи, дружок, тебя чем-нибудь кормили сегодня?

— Да ничем, кроме сена! — ответил Эмиль.

Тут все стали его жалеть. А у доброго крестьянина-коротышки из селения Вена даже слезы выступили на глазах. Он плакал от жалости к этому несчастному ребенку, бедному сироте с такой красивой кудрявой головкой.

В кепку Эмиля полетели монетки в два, пять и десять эре. И добрый крестьянин-коротышка из селения Вена выудил из карманов штанов монетку в два эре, но тут же пожалел об этом и сунул ее обратно в карман, шепнув Эмилю:

— Если подойдешь к моей повозке, я накормлю тебя сеном вволю.

Но теперь у Эмиля было полным-полно денег. Он подошел к палатке и закупил целую гору бутербродов, булочек, пряников и много-много сока.

Проглотив мигом всю эту еду, он за четыре кроны и двадцать эре сорок два раза прокатился на карусели. Никогда раньше Эмилю не приходилось ка-

таться на карусели, он и не знал, что на свете бывают такие веселые развлечения.

«Ну уж теперь-то я веселюсь от души, — думал он, крутясь на карусели так быстро, что его кудрявые волосы развевались по сторонам. — Много интересного было в моей жизни, но такого — никогда».

Потом он вволю насмотрелся на шпагоглотателя, на огнеглотателя и на бородатую даму. После всех этих удовольствий у него осталось всего-навсего два эре.

«Спеть, что ли, еще и снова набрать денег? — подумал Эмиль. — Здесь все такие добрые!»

Но тут он почувствовал, что устал. Петь ему больше не хотелось, и не до заработка было... последнюю монетку в два эре он отдал слепому старику.

Потом он еще немного послонялся в толпе, пытается найти Альфреда, но безуспешно.

Эмиль был не прав, думая, что все люди добрые. Попадались и злые; кое-кто из них приехал в тот день на Хультсфредскую равнину. В те времена в округе бесчинствовал дерзкий вор по прозвищу Воробей. Его боялся весь Смоланд, а об отчаянных выходах Воробья немало писали в газетах — и в «Смоландском вестнике», и в «Хультсфредской почте». На всех праздниках и ярмарках, везде, где бывали люди и водились деньги, откуда ни возьмись появлялся Воробей и тащил все, что попадалось под руку. Чтобы никто не мог его узнать, он всякий раз нацеплял на себя новую бороду и усы. В тот самый день он приехал на Хультсфредскую равнину с черными усами и в надвинутой на глаза черной широкополой шляпе и так и шнырял повсюду в поисках добычи. Но никто не знал, что на равнине рыщет Воробей, иначе бы все перепугались до смерти.

Будь Воробей поумнее, он не явился бы на Хультсфредскую равнину в тот самый день, когда туда прискакал со своим ружьем Эмиль из Лённеберги. Угадай, что же там произошло.

Эмиль не спеша бродил в поисках Альфреда и случайно вновь оказался у балагана бородатой дамы. Занавеска, прикрывавшая дверной проем, была приподнята, и он увидел, что она считает деньги, проверяет, сколько заработала в этот праздничный день на Хультсфредской равнине.

Выручка была, как видно, немалая, потому что она довольно ухмыльнулась и погладила свою бороду. Вдруг она увидела Эмиля.

— Заходи, малыш! — крикнула она. — Можешь посмотреть на мою бороду совсем бесплатно. Ты такой славный!

Эмиль уже видел эту бороду, но ему неудобно было сказать «нет», раз его так любезно пригласили. И к тому же совсем бесплатно. Он вошел в балаган со своей «шапкой» и своей «ружейкой» и устоял на бородатую даму. Он насмотрелся на ее бороду не меньше чем на двадцать пять эре.

— Откуда у вас такая красивая борода? — вежливо спросил он.

Но бородатая дама не успела ему ответить. В ту же минуту чей-то нагоняющий ужас голос прошептал:

— Выкладывай деньги, а не то бороду оторву!

Это был Воробей, который незаметно прокрался в балаган.

Бородатая дама побледнела. Бедняжка, она немедленно отдала бы все деньги Воробью, не будь с ней Эмиля. Он шепнул:

— Возьми скорей мою ружейку!

И бородатая дама схватила его ружье, которое Эмиль так предусмотрительно ткнул ей в руки. В полутьме балагана бородатая дама подумала, что ружье настоящее и из него можно стрелять. Но самое интересное... так думал и Воробей!

— Руки вверх! Стрелять буду! — завопила бородатая дама.

Воробей побледнел и поднял руки. Он весь дрожал от страха, пока бородатая дама зычным голосом, гремевшим над всей Хультсфредской равниной, звала на помощь полицейских.

Явились полицейские, и с тех пор никто и никогда больше не видел Воробья ни в Хультсфреде, ни в каком-либо другом месте. И тогда настал конец воровству в Смоланде. Право слово, я не вру, вот как бывает на свете!

Бородатую даму очень хвалили и в «Смоландском вестнике», и в «Хультсфредской почте» за то, что она поймала Воробья. Но никто ни словом не обмолвился об Эмиле и о его «ружейке». Так что, по моему, настало время рассказать правду о том, как все было на самом деле.

— Повезло, что я захватил в Хультсфред и шапке, и ружейку, — сказал Эмиль, когда полицейские увели Воробья в кутузку.

— Да, да, ты замечательный мальчуган, — сказала бородатая дама. — Можешь смотреть на мою бороду сколько хочешь совсем бесплатно.

Но Эмиль устал. Ему не хотелось смотреть ни на какую бороду. Ему даже не хотелось вволю повеселиться, и вообще ничего не хотелось. Только бы поспать. Потому что над Хультсфредской равниной

уже спустился вечер. Подумать только, прошел целый долгий день, а Эмиль так и не нашел Альфреда!

Папа и мама Эмиля, да и Лина, тоже устали. Они без конца искали Эмиля, Лина же не переставая искала Альфреда, и больше искать у них не было сил.

— Ой, мои ноги! — простонала мама Эмиля, а папа угрюмо покачал головой.

— Веселенький праздник, нечего сказать, — проворчал он. — Поехали домой в Каттхульт, больше нам здесь делать нечего.

И они потащились к лесной опушке, чтобы запрячь коня и тронуться в путь. И тут они увидели, что к дереву рядом с Маркусом привязана и Юллан и что они вместе жуют сено.

Мама зарыдала.

— Где мой маленький Эмиль? — причитала она. Лина, дернув головой, в сердцах сказала:

— Вечно он со своими проделками, этот мальчишка! Вот уж настоящий сорвиголова!

И тут вдруг папа, мама и Лина услышали, что кто-то несется к ним во всю прыть. Это был вконец запыхавшийся Альфред.

— Где Эмиль? — спросил он. — Я искал его целый день.

— А мне-то что до него, — зло сказала Лина и уселась в повозку, чтобы ехать домой.

Подумать только! Она тут же наткнулась на Эмиля!

В повозке оставалось еще немного сена, и на этом-то сене и спал Эмиль. Понятно, он проснулся, когда Лина взгромоздилась на него. И сразу же разглядел

того, кто прибежал сюда запыхавшись и стоял рядом с ним.

Эмиль обхватил шею Альфреда, одетого в синий солдатский мундир.

— Это ты, Альфред?! — спросил он. И тут же снова заснул.

Потом хуторяне поехали домой в Каттхульт. Маркус тянул повозку, а привязанная к повозке Юллан трусилась сзади. Время от времени Эмиль просыпался и видел темный лес и светлое летнее небо; он чувствовал свежесть ночи, вдыхал запах сена и лошадей, слышал, как стучат их копыта и поскрипывают колеса повозки. Но все-таки бóльшую часть пути он спал, и ему снилось, что Альфред скоро вернется домой, в Каттхульт, к нему — Эмилю. Альфред непременно должен вернуться.

Это было восьмого июля, когда Эмиль повеселился от души на празднике в Хультсфреде. Угадай, кто еще искал Эмиля в тот день? Спроси Крёсу-Майю. Нет, лучше не надо, а то она очень расстроится и на руках у нее выступят красные пятнышки, которые очень чешутся и потом долго-долго не сходят.

Теперь ты слышал, что натворил Эмиль и седьмого марта, и двадцать второго мая, и десятого июня, и восьмого июля, но в календаре найдется еще сколько угодно свободных дней для того, кто хочет проказничать. А Эмиль хотел. Он проказничал почти каждый день, весь год напролет, и в особенности девятнадцатого августа, одиннадцатого октября и третьего ноября. Ха-ха-ха! Я просто умираю от смеха, как вспомню, что он натворил третьего ноября! Но я обещала маме Эмиля никому никогда про это не рассказывать! Хотя именно в тот день

лённебержцы пустили по всей округе подписной лист. Жалея своих соседей Свенссонов из Каттхульты, тех самых, у которых не ребенок, а настоящий сорвиголова, они сложились по пятьдесят эре каждый, завязали собранные деньги в узелок и пришли к маме Эмиля.

— Хватит этих денег, чтобы отправить Эмиля в Америку? — спросили они.

Нечего сказать, здорово придумали! Отправить Эмиля в Америку!.. Еще неизвестно, кто тогда достался бы им в председатели муниципалитета! Ну, когда настал бы срок. К счастью, мама Эмиля не согласилась на это дурацкое предложение. В сердцах она швырнула узелок с такой силой, что деньги разлетелись по всей Лённеберге.

— Эмиль — чудесный мальш, — сказала мама, — и мы любим его таким, какой он есть!

Хотя мама и защищала всегда своего Эмиля, сама она немного беспокоилась за него. Мамы всегда беспокоятся, когда люди приходят жаловаться на их детей. И вот как-то вечером, когда Эмиль лежал в кровати со своей «шапкой» и своей «ружейкой», она подошла и села рядом.

— Эмиль, — сказала она, — ты скоро подрастешь и пойдешь в школу. Как же ты будешь вести себя в школе, раз ты такой сорванец и проказам твоим нет конца?

Эмиль лежал в постели — ну просто ангелочек: светлый, кудрявый, голубоглазый.

— Халли-дайен, халли-далли-да, — запел он, так как и слушать не желал такую болтовню.

— Эмиль, — строго повторила мама, — как ты будешь вести себя в школе?

— Хорошо, — пообещал Эмиль. — Может, я перестану проказничать... когда пойду в школу.

Мама Эмиля вздохнула.

— Ну что же, будем надеяться, — сказала она и пошла к двери.

Тогда Эмиль, приподняв голову и улыбнувшись, лукаво добавил:

— Но я не ручаюсь...

Новые проделки
Эмilia
из Лённеберги

еужто ты никогда не слыхал об Эмиле из Лённеберги? Ну о том самом Эмиле, что жил на хуторе Каттхульт близ Лённеберги, в провинции Смоланд? Вот как, не слыхал? Удивительное дело! Поверь мне, во всей Лённеберге не найдется ни одного человека, который не знал бы ужасного маленького сорванца из Каттхульты, этого самого Эмиля. Проделок за ним водилось больше, чем дней в году; однажды он так напугал лённебержцев, что они решили отправить его в Америку. Да, да, в самом деле, я не вру! Лённебержцы завязали собранные деньги в узелок, пришли к маме Эмиля и спросили:

— Хватит этих денег, чтобы отправить Эмиля в Америку?

Они думали, что стоит избавиться от Эмиля, как в Лённеберге станет много спокойнее, и они были правы. Но мама Эмиля страшно рассердилась и в сердцах швырнула деньги с такой силой, что они разлетелись по всей Лённеберге.

— Наш Эмиль — чудесный малыш, — сказала она, — и мы любим его таким, какой он есть.

А Лина, хуторская служанка, испуганно добавила:

— Надо ведь хоть капельку подумать и об американцах. Они-то нам ничего плохого не сделали, за что же мы им спихнем Эмиля?

Мама пристально посмотрела на Лину, и та сообразила, что сказала глупость. Ей захотелось исправить оплошность, и она промямлила:

— Видишь ли, хозяйка, в газете «Виммербю» писали, что у них в Америке было жуткое землетрясение... Не слишком ли много — такая напасть, да еще и Эмиль в придачу...

— Замолчи, Лина. Это не твоего ума дело, — сказала мама. — Иди на скотный двор, тебе пора доить коров.

Схватив подойник, Лина побежала на скотный двор и принялась доить коров... Когда она хоть чуточку злилась, работа у нее спорилась. На этот раз Лина доила еще быстрее, чем обычно, и брызги летели во все стороны. При этом она все время бормотала себе под нос:

— Должна же быть на свете хоть какая ни на есть справедливость! Нельзя же, чтобы все беды сыпались на головы американцев. Но я бы с ними поменялась. Может, написать им: «Вот вам Эмиль, подавайте сюда землетрясение!..»

По правде говоря, Лина просто хвасталась! Где уж ей было писать в Америку! В Смоланде и то не разобрали бы ее каракулей, не то что в Америке. Нет, уж если кто мог бы написать туда, так это мама Эмиля. Вот уж кто был мастер писать! Она писала обо всех проделках сына в синюю тетрадь, которую хранила в комодке.

— Пустое дело, — говорил папа, — писать обо всех шалостях этого мальчишки. Никаких карандашей не напасешься. Ты об этом подумала?

Мама Эмиля пропускала его слова мимо ушей. Она добросовестно вела учет проделкам Эмиля. Когда мальчик подрастет, пусть узнает, что вытворял в детстве. Да, тогда он поймет, почему поседела его мать, и, может, будет больше любить ее: ведь волосы Альмы побелели только из-за него.

Но ты, пожалуйста, не думай, что Эмиль был злой, вовсе нет. Он был добрый. Его мама была права, когда говорила, что вообще-то он чудесный малыш. Да он и в самом деле был похож на ангелочка со своими светлыми кудрявыми волосами и кроткими голубыми глазенками. Конечно, Эмиль был добрый, и его мама совершенно правильно записала двадцать седьмого июля в синей тетради:

«Вчера Эмиль был хороший — целый день не протоптал. Эта патану, что у него была высокая температура и он ничиво не мок».

Но уже двадцать восьмого июля температура у Эмиля упала, и описание его шалостей заняло в синей тетради сразу несколько страниц. Этот мальчонка был силен, как молодой бычок, и стоило ему поправиться, как он проказничал без удержу.

— В жизни не видала такого мальчишки, — говорила Лина.

Ты, видно, уже смекнул, что Лина не очень-то благоволила к Эмилю. Она больше любила Иду, его младшую сестренку, добрую и послушную. Но уж если кто любил Эмиля, так это работник Альфред, а почему — никто не знает. Эмиль тоже любил

Альфреда, и, после того как Альфред управлялся со своей работой, они проводили время вдвоем. Альфред учил Эмиля всяким полезным вещам: запрягать лошадь, ловить неводом щук и жевать табак. По правде говоря, жевать табак не очень-то полезно, и Эмиль попробовал это всего один-единственный раз. Да и то лишь потому, что хотел уметь делать все, что умел Альфред. Альфред вырезал Эмилю деревянное ружье. Вот ведь добряк, правда? Ружье это было самым драгоценным сокровищем мальчика. А другим драгоценным его сокровищем была невзрачная кепчонка, которую однажды, сам не зная что творит, купил ему в городе отец.

— Люблю мою шапейку и мою ружейку! — говорил Эмиль на чистейшем смоландском наречии и каждый вечер брал с собой в кровать кепчонку и ружье.

Ты помнишь, кто жил в Каттхульте? Помнишь папу Эмиля — Антона, маму Эмиля — Альму, сестренку Эмиля — Иду, работника Альфреда, служанку Лину и самого Эмиля?

И еще Крёсу-Майю, о ней тоже не надо забывать. Крёса-Майя была сухонькая бабка-торпарка. Знаешь, кто такие торпари? Это такие крестьяне в Швеции, у которых нет своей земли и они за деньги берут на время чужой участок. Он-то и называется торп. Вот и Крёса-Майя жила на таком торпе в лесу, но частенько приходила в Каттхульт помочь по хозяйству: погладить, нафаршировать колбасу, а заодно и нагнать страху на Эмиля и Иду своими жуткими рассказнями о чертях, привидениях и призраках, об убийцах и страшных ворах и прочими приятными и интересными историями. А знала она их предостаточно.

Но теперь ты, может, хочешь послушать о новых проделках Эмиля? Ведь он проказничал все дни напролет, кроме тех дней, когда у него была высокая температура. Так что мы можем взять какой угодно день и посмотреть, чем же тогда занимался Эмиль. Ну вот, к примеру, двадцать восьмое июля.

Суббота, 28 июля

**Как Эмиль нечаянно уронил на голову отцу
блюдо с тестом для пальтов и вырезал
сотого деревянного старичка**

На кухне в Каттхульте стоял старый деревянный диван, выкрашенный в синий цвет. На этом диване спала Лина. В те времена, о которых идет речь, все смоландские кухни были заставлены диванами с жесткими тюфяками, на которых спали служанки. А над служанками всюду жужжали мухи. Каттхульт ничем не отличался от других хуторов. Лина сладко спала на своем диване. Ничто не могло разбудить ее раньше половины пятого утра, когда на кухне трещал будильник. Тогда она вставала и шла доить коров.

Стоило Лине уйти из кухни, как туда тихонько прокрадывался папа, чтобы спокойно выпить чашечку кофе, пока не проснулся Эмиль.

«До чего хорошо посидеть вот так одному за столом, — думал папа. — Эмиля рядом нет, на дворе поют птицы, кудахчут куры. Знай попивай кофек да покачивайся на стуле. Прохладные половицы под ногами, которые Лина выскребла добела...» Ты

понял, что выскребла Лина? Половицы, конечно, а не папины ноги, хотя, может, их тоже не мешало бы поскрести, кто знает. Папа Эмиля ходил по утрам босиком, и не только потому, что ему так нравилось.

— Не мешает поберечь обувь, — сказал он однажды маме Эмиля, которая упорно отказывалась ходить босиком. — Если все время топтать в башмаках, как ты, придется без конца покупать их, без конца... каждые десять лет.

— Ну и пусть, — ответила мама Эмиля, и больше об этом разговора не было.

Как уже было сказано, никто не мог разбудить Лину, пока не затрещит будильник. Но однажды утром она проснулась по другой причине. Это случилось двадцать седьмого июля, как раз в тот день, когда у Эмиля была высокая температура. Уже в четыре часа утра Лина проснулась оттого, что огромная крыса прыгнула прямо на нее. Вот ужас-то! Лина страшно закричала, вскочила с дивана и схватилась за полено, но крыса уже исчезла в норке возле двери чулана.

Услышав про крысу, папа вышел из себя.

— Хорошенькая история, нечего сказать, — пробурчал он. — Крысы на кухне... Они ведь могут сожрать и хлеб, и шпик!

— И меня, — сказала Лина.

— И хлеб, и шпик, — повторил папа Эмиля. — Придется на ночь пустить на кухню кошку.

Эмиль услышал про крысу и, хотя у него еще держалась температура, тут же стал придумывать, как бы ее поймать, если не удастся пустить на кухню кошку.

В десять часов вечера двадцать седьмого июля температура у Эмиля совсем спала, и он снова был весел и бодр. В ту ночь весь Каттхульт мирно спал. Папа Эмиля, мама Эмиля и маленькая Ида спали в горнице рядом с кухней, Лина на своем диване. Альфред в людской возле столярной. Поросята спали в свинарнике, а куры в курятнике. Коровы, лошади и овцы — на зеленых выгонах. Не спалось только кошке, тосковавшей на кухне о скотном дворе, где водилась уйма крыс. Бодрствовал и Эмиль; выбравшись из постели, он, осторожно ступая, прокрался на кухню.

— Бедняжка Монсан, тебя заперли, — сказал Эмиль, увидев у кухонной двери горящие кошачьи глаза.

— Мяу, — мяукнула в ответ Монсан.

Эмиль, любивший животных, пожалел кошку и выпустил ее из кухни. Хотя он, конечно, понимал, что крысу надо изловить во что бы то ни стало. А раз кошки на кухне нет, надо придумать что-нибудь другое. Он раздобыл крысоловку, насадил на крючок кусочек вкусного шпика и поставил крысоловку возле норки у чулана. И тут же призадумался. Ведь стоит крысе высунуть из норки нос, она первым делом увидит крысоловку, заподозрит недоброе и не даст себя провести. «Пусть лучше крыса побегает спокойненько по кухне, а потом вдруг — бац, когда она меньше всего ждет, наткнется на крысоловку», — решил Эмиль. Он чуть было не пристроил крысоловку на голову Лине — ведь крысе нравилось туда прыгать, — но побоялся, что Лина проснется и все испортит. Нет, придется поставить крысоловку куда-нибудь в другое место. Может, под

кухонный стол? Крыса часто возится там в поисках упавших на пол хлебных крошек. Но ставить крысоловку туда, где сидит папа, бесполезно — возле его стула крошками не больно-то разживешься.

— Ой! Вот страх-то! — внезапно сказал Эмиль, застыв посреди кухни. — А вдруг крыса окажется как раз у папиного стула, не найдет там никаких крошек и начнет грызть вместо них папины пальцы?..

Нет уж, Эмиль позаботится о том, чтобы так не случилось. И он поставил крысоловку туда, куда обычно папа ставил ноги, а потом снова улегся спать, очень довольный самим собой.

Проснулся он, когда на дворе уже рассвело, от громкого вопля, донесшегося из кухни.

«Кричат от радости, видно, крыса попалась», — подумал Эмиль. Но в следующую секунду в горницу вбежала мама. Вытащив сынишку из кровати, она зашептала ему на ухо:

— Марш в столярку, пока папа не вытащил ногу из крысоловки. А не то тебе несдобровать!

И, схватив Эмиля за руку, мама потащила его из дому. Он был в одной рубашке, так как впопыхах не успел одеться, но беспокоило его совсем другое.

— А ружейка и шапайка! — завопил Эмиль. — Я возьму их с собой!

И, схватив ружье и кепчонку, он помчался в столярку с такой быстротой, что его рубашка заполоскалась на ветру. За все проделки Эмиля обычно сажали в столярную. Мама Эмиля заложила снаружи дверь на засов, чтобы Эмиль не мог выйти, а Эмиль закрылся на крючок изнутри, чтобы папа не мог войти, — разумно и предусмотрительно с обеих сто-

рон. Мама Эмиля считала, что пока Эмилю не стоит встречаться с папой. Эмиль не возражал. Потому что он так старательно запер дверь. Затем спокойно уселся на чурбан и принялся вырезать забавного деревянного старичка. Он занимался этим всякий раз, как только оказывался в столярной после очередной шалости, и успел вырезать уже девяносто семь фигурок. Старички были красиво расставлены на полке по порядку, и Эмиль радовался, глядя на них. Скоро их наверняка наберется целая сотня. Вот когда будет настоящий праздник!

«Закачу-ка я в тот день пир в столярке, но приглашу одного Альфреда», — решил про себя Эмиль, сидя на чурбане с резак¹ в руке.

Издали доносились крики отца, потом они постепенно стихли. И вдруг раздался чей-то пронзительный визг. Эмиль удивился и забеспокоился, не стряслось ли еще чего с мамой. Но вспомнил, что сегодня собирались заколоть свинью, — видно, это она и визжала. Бедная свинья! Невеселый выдался у нее денек двадцать восьмого июля! Ну да кое-кому другому тоже не очень-то сегодня повезло!

К обеду Эмиля выпустили из столярной, и, когда он пришел на кухню, навстречу ему кинулась сияющая Ида.

— А у нас на обед будут пальты, — радостно сообщила она.

Может, ты не знаешь, что такое пальты? Это большие темные хлебцы, начиненные салом, которые по вкусу напоминают кровяную колбасу, только они еще вкуснее. И готовят пальты почти так же,

¹ Резак (спец.) — нож для резьбы по дереву.

как и кровяную колбасу, из крови и муки, с пряно-стями. Когда в Каттхульте закалывают свинью, там всегда варят пальты.

Мама месила на столе в большом глиняном блюде кровяное тесто, а на плите кипела в чугуне вода. Скоро пальты будут готовы, да такие вкусные, что пальчики оближешь!

— Я съем восемнадцать, — похвасталась Ида, хотя была совсем крошечной худышкой, ей бы и полпальта за глаза хватило.

— Так тебе папа и позволит! — заметил Эмиль. — А где же он?

— Отдыхает, — ответила Ида.

Эмиль выглянул в окошко. И правда: надвинув на лоб свою широкополую соломенную шляпу, папа Эмиля, как всегда, разлегся на траве. Обычно он отдыхал после обеда, но сегодня, как видно, изрядно устал. Да и как не устать, если чуть свет первым делом попадаешь в крысоловку.

Тут Эмиль увидел, что у папы только правая нога в башмаке. Сначала Эмиль решил, что папа не надел второго башмака из бережливости. Но потом Эмиль заметил окровавленную тряпицу, намотанную вокруг большого пальца на левой ноге, и сразу понял, в чем дело: у папы так сильно болел палец, что он не мог надеть второй башмак. Эмилю стало очень стыдно, и он раскаялся в своей глупой проделке с крысоловкой. Ему захотелось чем-нибудь порадовать папу. Он знал, что папа обожает свежие пальты. Эмиль схватил обеими руками глиняную миску с тестом и просунул ее в окно.

— Погляди-ка, папа! — восторженно крикнул он. — У нас на обед пальты!

Папа сдвинул со лба соломенную шляпу и мрачно посмотрел на Эмиля. Видно, он еще не забыл кры-солонку. А Эмиль просто из кожи лез, лишь бы за-гладить свой проступок.

— Взгляни-ка! Ух ты, сколько кровавого тес-та! — не унимался Эмиль и высунул миску еще даль-ше из окна.

И подумать только, вот ужас — он нечаянно вы-ронил миску из рук, и она вместе с кровавым тестом шлепнулась прямо на папу, который лежал под ок-ном лицом кверху.

— Бу-бу-бу! — только и вымолвил папа.

Да, попробуй сказать что-нибудь еще, когда ты весь залеплен кровавым тестом! Папа медленно под-нялся с травы и завопил так, что вопль его, сперва чуть приглушенный тестом, разнесся по всей Лённе-берге. Глиняная миска сидела у него на голове, слов-но шлем викинга¹, а с подбородка медленно стекало жидкое кровавое тесто. В этот момент из прачечной вышла Крёса-Майя, которая перемывала там потро-ха зарезанной свиньи. Увидев залитого кровью папу Эмиля, она завизжала громче свиньи и убежала со двора с ужасной вестью.

— Конец дорогому хозяину Каттхультя! — при-читала она. — Эмиль, горяшко наше, стукнул его, кровь так и брызнула, ах-ах-ах, беда-то какая!

Когда мама Эмиля увидела, что случилось, она схватила Эмиля за руку и опрометью бросилась с ним в столярную. Эмиль, все еще в одной рубаш-ке, снова уселся там на чурбан и начал вырезать своего девяносто девятого деревянного старичка.

¹ Викинг — древнескандинавский воин, морской разбойник.

Тем временем маме пришлось изрядно потрудиться, отмывая папу.

— Соскребай поосторожней, хоть бы теста на три-четыре пальта осталось, — сказал папа Эмиля, но мама покачала головой:

— Что с воза упало, то пропало. Придется теперь готовить рагмунк.

— Хи-хи-хи, у нас не будет обеда до ужина, — захихикала маленькая Ида, но тотчас умолкла, увидев заляпаные кровяным тестом мрачные папины глаза.

Мама Эмиля усадила Лину тереть картошку для рагмунка. Может, ты не знаешь, что такое рагмунк? Это блюдо вроде оладий из тертой картошки. И уверяю тебя, оно куда вкуснее, чем может показаться с моих слов.

Вскоре Лина замесила серо-желтое картофельное тесто в глиняной миске, которую папа снял с головы. Ведь он вовсе не собирался целый день расхаживать в ней, словно викинг в шлеме. Как только папу немного отмыли, он отправился в поле косить рожь и за делом переждать, пока готовят рагмунк. Тут-то мама и выпустила Эмиля из столярной.

Эмиль слишком долго просидел взаперти не двигаясь и почувствовал, что не мешает размяться.

— Давай играть в «ветер-ветрило», — сказал он сестренке, и маленькая Ида тут же пустилась бежать.

«Ветер-ветрило» — это такая игра, которую Эмиль придумал сам. Надо со всех ног бежать по кругу и возвращаться на то же место, где началась игра: из кухни — в сени, из сеней — в горницу, из горницы — в кухню, из кухни — снова в сени, и так все

снова и снова, круг за кругом, чтобы только ветер свистел в ушах. Бежать надо было в разные стороны, и всякий раз, когда брат и сестра встречались, они тыкали друг дружке пальцем в живот и кричали: «Ветер-ветрило!» Игра потому так и называлась, и оба — Эмиль и Ида — веселились до упаду.

Но когда Эмиль на восемьдесят восьмом круге вбежал как оглашенный в кухню, он налетел на Лину, которая с глиняной миской в руках как раз подходила к плите, чтобы наконец-то начать печь рагмунк. Эмилю захотелось развеселить и Лину — он ткнул ей пальцем в живот и закричал: «Ветер-ветрило!» Вот этого-то делать и не следовало! Он же знал, как Лина боится щекотки.

— И-и-и-и... — закатилась Лина, изогнувшись, точно дождевой червяк. И представь себе, вот ужасно — миска выскользнула у нее из рук! Как это произошло, никто не знает. Одно известно: все картофельное тесто угодило на голову папе Эмиля — голодный как волк, злой, он как раз в этот миг переступил порог кухни.

— Бу-бу-бу! — только и вымолвил папа. Да, попробуй сказать еще что-нибудь, когда ты весь залеплен картофельным тестом!

Позднее Эмиль и Ида сложили что-то вроде маленькой присказки из этого его слова. «Бу-бу-бу-бу, наелся папа картофельного теста», — любили повторять они, хихикая. Или: «Бу-бу-бу-бу, наелся папа кровавого теста».

Но тогда Эмилю было не до смеха. Он и пикнуть не успел, как мама схватила его за руку и опрометью бросилась вместе с ним в столярную. За спиной Эмиль услышал папин крик. Сперва чуть приглушенный

картофельным тестом, он разносился уже по всей Лённеберге.

Эмиль сидел на чурбане и вырезал своего сотого деревянного старичка, но настроение у него было вовсе не праздничное. Скорее наоборот! Он был зол, как кусачий муравей! Нет, уж это слишком — сидеть в столярке по три раза в день, да к тому же ни за что ни про что.

— Виноват я, что ли? Папаша сам все время попадаетея под руку, — бурчал он. — Крысоловку в укромном местечке и то нельзя оставить! Бац, а он тут как тут. И зачем он все время подставляет голову то под кровавое, то под картофельное тесто?

Не подумай только, что Эмиль не любил папу или папа не любил Эмиля. Они очень любили друг друга. Но и люди, которые любят друг друга, могут иногда ссориться, когда им не везет с крысоловками, кровавым или картофельным тестом и так далее.

Суббота, двадцать восьмое июля, подходила к концу. Сидя в столярной, Эмиль злился все больше и больше. Вовсе не так представлял он себе юбилей по случаю сотого деревянного старичка. Праздник этот пришелся на субботний вечер, а как же ему пригласить в столярную Альфреда, если у того по субботним вечерам совсем другие дела? Альфред сидит в это время на крылечке людской, милуется с Линой, играет ей на гармошке, и, право слово, недосуг ему ходить в гости к Эмилю.

Эмиль отбросил в сторону резак. Он остался совсем один. Даже Альфреду теперь не до него. И чем больше он думал об этом, тем яростнее злился. Где это видано — просидеть взаперти всю бесконечную

субботу, да еще в одной рубашке! Ведь у него не было времени даже одеться — его то и дело волокли в столярку. Видно, папа с мамой, да и Альфред тоже, хотят навсегда запереть его в столярке! Ну так они еще у него узнают!

Эмиль ударил кулачком по верстаку, и тот закрипел. *Так вот вам, получайте!* В этот миг Эмиль принял роковое решение. Он останется в столярке на всю жизнь. В одной рубашке и шапчонке, одинокий и всеми покинутый, он будет сидеть там до самой смерти.

«Вот они обрадуются-то, и мне не придется попусту бегать взад-вперед, — подумал он. — Но и они пусть не суются ко мне в столярку, нет уж. Понадобится папе постругать доски, а негде. Да это и к лучшему, а не то он еще оттяпает себе пальцы. Не знаю никого другого, кроме папы, кому выпадало бы столько бед в один день!»

Когда совсем стемнело, пришла мама Эмиля и отодвинула наружный засов на двери столярной. Потянув дверь на себя, она увидела, что та заперта изнутри. Мама улыбнулась и ласково позвала:

— Эмиль, миленький, не бойся, папа уже лег спать. Можешь выйти!

Но в ответ из столярной донеслось лишь жуткое:

— Ха! Ха! Ха!

— Почему ты говоришь «Ха! Ха! Ха!»? — удивилась мама. — Отопри дверь и выходи, миленький Эмиль!

— Никогда больше я отсюда не выйду, — заморгивая глазами, ответил Эмиль. — Суньтесь только, стрелять буду!

Тут мама Эмиля увидела, что ее мальчуган стоит у окна столярной с ружьем в руках. Вначале она не поверила, что он грозитя всерьез. А когда наконец поняла, что он не шутит, с плачем бросилась в дом и разбудила папу.

— Эмиль сидит в столярке и не хочет выходить, — всхлипывала она. — Что нам делать?

Маленькая Ида тоже проснулась и заревела. И все вместе — папа с мамой и маленькая Ида — помчались в столярную. Альфред и Лина, миловавшиеся на крылечке людской, вынуждены были, к великой досаде Лины, бежать вместе с ними. Надо было помочь уговорить Эмиля выйти из столярной.

Поначалу папа был настроен весьма решительно.

— Ничего, выйдешь сам, когда проголодаешься! — закричал он.

— Ха! Ха! Ха! — только и ответил снова Эмиль.

Папа не знал, что хранилось у Эмиля в жестяной банке за верстаком. А был там небольшой, но все же хороший запас еды! Хитрый Эмиль заранее позаботился о том, чтобы не умереть с голода. Ведь никогда не знаешь, в какой день и час снова угодишь в заточение. Поэтому он всегда держал про запас еду в своей банке. Теперь там лежали белый хлеб и сыр, несколько ломтиков холодной свинины, горсточка сушеных вишен и довольно много сухарей. Воины в осажденных крепостях выдерживали осаду с меньшим запасом провизии.

Эмиль представил себе, что столярка — осажденная крепость, и он будет защищать ее от всех врагов. Храбрый, как настоящий полководец, он стоял у слухового оконца и целился из ружья.

— Ни с места, стрелять буду! — вопил он.

— О, Эмиль, милый мой мальчик, не говори так, а лучше выходи скорее, — всхлипывала мама.

Но и ее слова не помогли. Эмиль был неумолим, не помогло даже предложение Альфреда:

— Слышь, Эмиль, выходи, пойдем на озеро купаться вдвоем — только мы с тобой! *Ты и я!*

— Нет уж! — с горечью закричал Эмиль. — Сиди себе на крылечке с Линой, на здоровье! А я... я посижу здесь!

Так оно и вышло. Эмиль остался сидеть где сидел. И когда все увидели, что ни угрозы, ни просьбы не помогают, папе с мамой и маленькой Иде пришлось вернуться домой и лечь спать.

Печальный был этот субботний вечер. Мама и маленькая Ида плакали в три ручья, а папа только вздыхал, лежа в постели, — ведь и ему не хватало его мальчугана, который обычно лежал вон там в кроватке: кудрявая головка на подушке, а сбоку — кепчонка и ружье.

Понятно, Лина была не из тех, кто скучал по Эмилю, и не из тех, кому хотелось идти спать. Ей хотелось спокойно посидеть на крылечке с Альфредом, и она была даже рада, что Эмиль остался в столойной.

— Кто его знает, сколько этот проказник усидит на месте, — пробурчала она и, тихонько подойдя к двери, закрыла дверь на засов.

Альфред так рьяно играл на гармошке и пел, что не заметил коварства Лины. «Скачет с поля брани молодой гусар...» — распевал он. Эмиль слушал его, сидя на своем чурбане, и тяжело вздыхал.

Лина, обвив шею Альфреда, как всегда, нашептывала ему что-то на ухо, а Альфред отвечал, как всегда:

— Ну да ладно, женюсь на тебе, так уж и быть, коли тебе это в самом деле позарез надо, только спешить-то некуда...

— Хоть бы на будущий год, а? — упрямо твердила Лина, и тогда Альфред, вздохнув еще более тяжело, чем Эмиль, запел про «Невесту льва». Эмиль слушал эту песню, сидя в столярной, и думал о том, как было бы здорово пойти с Альфредом на озеро.

— Ясное дело, — пробурчал он себе под нос. — Я мог бы спокойненько пройтись с Альфредом и искупаться, а потом снова залезть в столярку, раз мне так теперь захотелось...

Эмиль бросился к двери и откинул крючок. Но что толку, если зловредная Лина заперла дверь на засов? Дверь не поддавалась, хотя Эмиль толкал ее изо всех сил. Тут Эмиль все понял. Он догадался, кто его запер.

— Ну я ей покажу! — пригрозил он. — Она у меня еще узнает. Она еще увидит!

Он огляделся по сторонам. В сарае начало темнеть. Однажды, после одной из своих самых отчаянных проделок, Эмиль убежал отсюда через окошко. Но после этого случая папа приколотил снаружи поперек окна доску, чтобы Эмиль не повторил своего номера, а то еще, чего доброго, свалится в крапиву, которая растет под окном. Папа явно заботился о своем мальчугане и не хотел, чтобы он обжегся крапивой.

«Через окошко теперь нельзя, — размышлял Эмиль, — через дверь тоже. Звать на помощь — ни за что в жизни не стану! Как же мне отсюда выбраться?»

Он задумчиво уставился на открытый очаг. Очаг сложили в столярной, чтобы зимой там было тепло и чтобы папа мог, когда понадобится, развести огонь и растопить столярный клей.

— Придется через трубу, — решил Эмиль и тут же забрался в очаг, где было полно золы, оставшейся с прошлой зимы. Зола ласково обволокла его босые ноги и забила между пальцами.

Эмиль заглянул в трубу и увидел кое-что интересное. В дымовом отверстии прямо над головой висел красный июльский месяц и глазел на него.

— Эй, ты, месяц! — крикнул Эмиль. — Сейчас ты увидишь, как я умею лазить! — И, упираясь в закопченные стенки трубы, он полез вверх.

Если ты когда-нибудь лез по узкой трубе, ты знаешь, как это трудно и каким чумазым выбираешься оттуда. Только не подумай, что это остановило Эмиля.

Ни о чем не подозревая, бедняжка Лина, сидя на крыльце людской, висла на шее у Альфреда. Но ведь Эмиль пообещал, что она еще кое-что увидит, и она в самом деле увидела. Подняв глаза, чтобы взглянуть на месяц, она в тот же миг закричала так, что крик ее разнесся по всей Лённеберге.

— Мюлинг! — заорала Лина. — Мюлинг на трубе!

В Смоланде мюлингами называли привидения в обличье маленьких детей, и в старые времена их все очень боялись. Лина, верно, тоже наслушалась от Крёсы-Майи жутких историй про страшных мюлингов, которые могут привидеться людям, и поэтому так испуганно закричала, увидев на трубе одного из этих маленьких страшилищ с черным-пречерным лицом.

Альфред же, взглянув на мюлинга, только рассмеялся.

— Этого маленького мюлинга я знаю, — сказал он. — Давай-ка спускайся вниз, Эмиль!

Выпрямившись во весь рост, в почерневшей от сажи рубашонке, Эмиль стоял на крыше, решительный, как полководец. Подняв к небу свой черный от сажи кулачок, он заорал так, что слова его разнеслись по всей Лённеберге:

— Сегодня вечером столярка будет разрушена, и я никогда больше не стану здесь сидеть!

Альфред подошел к стенке столярной и встал, раскинув руки, как раз под трубой, откуда вылез Эмиль.

— Прыгай, Эмиль! — пригласил он.

И Эмиль прыгнул. Прямо в объятия Альфреда. И они пошли вдвоем на озеро — купаться. Эмилю это было просто необходимо.

— В жизни не видала такого мальчишки! — сказала злющая-презлющая Лина, устраиваясь спать на своем диване.

Эмиль и Альфред купались в черной воде хуторского озера среди белых водяных лилий, а в небе висел красный, как фонарь, июльский месяц и светил им.

— Здорово, что мы вдвоем — только мы с тобой! Ты и я, Альфред, — сказал Эмиль.

— Да, только мы с тобой! *Ты и я*, Эмиль, — подтвердил Альфред.

Наискосок через озеро пролегла широкая лунная дорожка, а берега окутала черная мгла. Наступила ночь, и вместе с ней пришел конец и дню двадцать восьмого июля.

Но последовали новые дни, и что ни день — новые проделки Эмиля. Его мама столько писала в синюю тетрадь, что у нее даже рука заболела, и в конце концов тетрадь была исписана вдоль и поперек.

— Мне нужна новая тетрадь, — сказала мама Эмиля. — Скоро в Виммербю ярмарка, и, раз я все равно поеду в город, воспользуюсь случаем и куплю тетрадь.

Так она и сделала. И очень кстати! А то как бы она описала все проделки Эмиля в день ярмарки!

«Памаги мне Бог с этим рибенком, — писала она. — Он пайдет далеко, если доживет до тех пор, когда навзраслеет. Правда, отец его в это ни верит».

Но папа Эмиля ошибся, а мама оказалась права. Эмиль, конечно, мало-помалу повзрослел, а потом стал председателем муниципалитета и самым славным парнем во всей Лённеберге.

Но теперь расскажем по порядку о том, что случилось однажды на ярмарке в Виммербю, когда Эмиль был еще маленький.

Среда, 31 октября

Как Эмиль добыл коня и перепугал насмерть фру Петрель и всех жителей Виммербю

Каждый год в последнюю среду октября в Виммербю бывала ярмарка. И уж поверьте мне, с самого раннего утра до позднего вечера в городке не пре-

крашлась веселая суতোлка и царило праздничное оживление. Жители Лённеберги и окрестных приходов все до одного спешили на ярмарку, кто за чем: продать быков, купить свиней, выменять лошадей, встретиться со знакомыми, присмотреть жениха, полакомиться мятными леденцами, сплясать шоттис¹, вязаться в драку и вообще развлечься каждый на свой лад.

Однажды мама Эмиля, которой хотелось узнать, сметлива ли ее служанка, спросила Лину, может ли она перечислить самые крупные праздники в году. И Лина ответила:

— Сдается мне, это — Рождество, Пасха да ярмарка в Виммербю!

Теперь ты понимаешь, почему каждый спешил в Виммербю именно тридцать первого октября. В пять утра, когда на дворе еще стояла кромешная тьма, Альфред впряг Маркуса и Юллан в большую повозку, и все обитатели Каттхульты — папа и мама Эмиля, Альфред и Лина, Эмиль и маленькая Ида — отправились в путь. Лишь Крёса-Майя осталась дома — присматривать за скотиной.

— Бедная Крёса-Майя, неужто тебе не хочется съездить на ярмарку? — спросил добряк Альфред.

— Я пока что еще в своем уме, — ответила Крёса-Майя. — Это нынче-то ехать, когда прилетит большая комета? Нет уж, спасибо, я хочу помереть дома, в Лённеберге, где мне каждый камень знаком.

Дело в том, что в последнее время жители Смоланда ждали появления огромной кометы, и в городской газете оповестили, что как раз тридцать первого

¹ Шоттис — шведский народный танец.

октября и прилетит дымящаяся комета. Возможно, она упадет с такой силой, что наша Земля разлетится на тысячи кусочков.

Ты, верно, не знаешь, что это за штука — комета, да и я не очень-то в этом смыслю, но, кажется, это отколовшаяся часть звезды, которая несется в пространстве неведомо куда. Все жители Смоланда до смерти боялись кометы, которая ни с того ни с сего могла расколоть Землю и положить конец всякому веселью.

— Чего тут гадать, эта дрянь упадет точно в день ярмарки в Виммербю! — в сердцах сказала Лина. — Ну да пускай, лишь бы не принесло ее раньше, до того, как мы успеем вернуться домой!

Она таинственно ухмыльнулась и подтолкнула локтем Альфреда, сидевшего рядом с ней на заднем сиденье. Лина многого ждала от этого дня.

Впереди разместились мама и папа Эмиля. На коленях у них пристроились маленькая Ида и Эмиль. Угадай, кто правил? Сам Эмиль. Я и забыла рассказать, каким знатным конюхом и кучером был Эмиль. Альфред обучил его всему, что только можно знать о лошадях. Вот Эмиль и поднаторел в этом деле, как никто другой в Лённеберге, и обходился с лошадьми половчее самого Альфреда. Теперь он сидел на коленях у отца и правил, как заправский кучер. В самом деле, этот парень умел держать вожжи в руках!

Ночью прошел дождь, а утром туманная осенняя мгла плотной пеленой окутала Лённебергу и весь Смоланд. Над верхушками деревьев еще не забрезжил рассвет, и лес вдоль дороги, по которой ехали обитатели Каттхульты, стоял мрачный, отяжелевший

от дождя. Однако никто не унывал, а Маркус и Юллан бежали так резво, что только комья размокшей глины летели из-под копыт.

Юллан, пожалуй, не очень-то радовалась. Это была старая, заезженная кобыла, которая охотнее дремала бы у себя в стойле. Эмиль давно приставал к отцу, чтобы тот купил молодого жеребца в пару Маркусу. И вот теперь, думал Эмиль, настал долгожданный час, ведь они едут на ярмарку.

Но отец сказал:

— Ты, верно, думаешь, у меня денег куры не клюют. Как бы не так! Старушке Юллан еще придется побегать в одной упряжке с Маркусом не один годок. Ничего не попишешь!

И право же, Юллан не отставала. Она терпеливо трусила рысцей по холмам, и Эмиль, который любил старую добрую лошадь, пел, как всегда, когда хотел ее немножко подбодрить:

— Кобылка чуть трусит рысцей.
Совсем плоха, совсем стара.
Ну не беда! Ну не беда!
Пусть только довезет меня!
Поклажа, чай, невелика!

Наконец хуторяне добрались до Виммербю. Подыскав удобное местечко для Маркуса и Юллан неподалеку от ярмарки, все отправились по своим делам. Мама Эмиля с маленькой Идой, ухватившейся за ее подол, пошла купить синюю тетрадь да продать шерсть и яйца, которые привезла на ярмарку. Лина тотчас потянула Альфреда в кондитерскую выпить кофейку; ей и в самом деле удалось утащить его с собой, хотя он отчаянно сопротивлялся, потому

что ему очень хотелось пойти вместе с Эмилем и его папой на ярмарку.

Если ты когда-нибудь бывал в Виммербю в базарный день, то знаешь, что такое ярмарка. Ты знаешь, что именно там идет купля-продажа коров и лошадей. Вот и сейчас на зеленом выгоне уже всюду шла бойкая торговля. Эмилю понадобилось туда позарез. А его папа, хоть и не собирался ничего покупать, тоже был не прочь посмотреть, как там и что.

— Не забудь, что мы приглашены на обед к фру Петрель ровно в полдень! — крикнула напоследок мама и скрылась в толпе вместе с маленькой Идой.

— Зря беспокоишься, уж о таком деле я не забуду, — ответил папа и отправился вместе с Эмилем.

Не прошло и пяти минут, как Эмиль увидел на выгоне прекрасного коня! Как раз о таком он и мечтал. Сердце его заколотилось так сильно, как никогда в жизни. Вот это конь! Красавец трехлетка буланой масти! Конь стоял на привязи и доверчиво смотрел на Эмиля, словно надеясь, что мальчик купит его. А Эмилю только этого и хотелось. О, как ему хотелось купить этого коня! Он оглянулся и искал глазами отца, собираясь завопить так, чтобы отец, *хочет не хочет*, купил бы коня. Но вот беда: отец исчез! Его угораздило затеряться в толчее среди крестьян, которые шумели, орали и смеялись, среди лошадей, которые ржали и били копытами, среди быков и коров, которые ревели и мычали на все голоса в этой сумятице.

«Вот вечно так, — с горечью думал Эмиль. — Стоит взять отца с собой, как он сразу куда-то запропастится».

А дело было спешное. Появился какой-то дюжий верзила-барышник из Молиллы и уставился на коня Эмиля.

— Сколько хочешь за него? — спросил барышник хозяина коня, шуплого бледного крестьянина с хутора Туна.

— Триста крон, — ответил крестьянин из Туны, а у Эмиля даже похолодело в животе, когда он услышал такую цену. Он знал, что выжать триста крон из отца не легче, чем добыть их у скалистого утеса, это уж точно.

«Надо все-таки попытаться», — подумал Эмиль, потому что мальчишки упрямее его не было не только во всей Лённеберге, но и во всем Смоланде. И он ринулся в толпу — разыскивать отца. Он сновал туда-сюда, все больше распаляясь и злясь. Он хватал и тянул за полы незнакомых крестьян, которые со спины походили на его отца. Но когда они оборачивались, то оказывались совсем чужими людьми — либо из Сёдрави, либо из Локневи. Не было только Антона Свенссона с хутора Каттхульт Лённебергского прихода.

Но не подумай, что это обескуражило Эмиля! Он заметил врытый среди ярмарки невысокий флагшток, мигом вскарабкался наверх, чтобы быть на виду у всех, и закричал что было мочи:

— Эй, люди, знает кто-нибудь из вас меня?! Мой отец где-то потерялся!

Тут же он увидел, как внизу под ним толпа крестьян, коров и лошадей всколыхнулась, словно там прорубили просеку, по которой кто-то сломя голову несся прямо к флагштоку. Ясное дело, это был его отец.

Антон Свенссон стряхнул сынишку с шеста, будто спелое яблоко с дерева, и схватил за ухо.

— Ах ты, неслух! — заорал он. — Где ты пропадал? Как ни пойдешь с тобой, вечно ты потеряешься!

Эмилю некогда было препираться с отцом.

— Идем! — сказал он. — Ты должен посмотреть коня.

Отец Эмиля и впрямь увидел коня, только тот был уже продан. Вот невезение! Эмиль с отцом подоспели как раз в ту минуту, когда барышник из Молиллы раскрыл кошелек, вытащил три сотенных и сунул их в руку крестьянину из Туны.

Эмиль разревелся.

— Конь-то смирный? — спросил барышник.

— Куда какой смирный, — ответил крестьянин из Туны. Но при этом он покосился в сторону и, казалось, думал совсем о другом.

— Я вижу, конь-то еще не подкован, — сказал барышник, — придется его подковать, прежде чем ехать...

Эмиль залился горячими слезами, и отцу стало жаль своего бедного мальчика.

— Не реви, Эмиль, — произнес он и решительно тряхнул головой. — Мы с тобой купим кулек мятных леденцов, была не была...

Он повел Эмиля на базар, где в палатках сидели торговки карамелью, и купил ему полосатых леденцов на десять эре. Потом он встретил знакомого крестьянина из Лённеберги, разговорился с ним и забыл про Эмиля. А Эмиль, набив рот леденцами, со слезами на глазах все еще думал о коне. Вдруг он увидел Альфреда. На руке у него повисла Лина.

У бедного Альфреда был усталый вид, да и немудрено — ведь Лина семнадцать раз провела его мимо лавки золотых дел мастера, пытаясь затащить туда, чтобы Альфред купил ей наконец обручальное кольцо.

— И не упирайся я обеими ногами, — гордо воскликнул Альфред, — еще неизвестно, чем бы это кончилось!

Понятно, увидев Эмиля, он обрадовался. Эмиль тотчас рассказал ему про коня, и они посетовали, что у них в Каттхульте никогда не будет такого красавца. А потом Альфред купил у гончара Эмилю глиняную кукушку.

— Это тебе от меня на память о ярмарке, — сказал Альфред, и на душе у Эмиля чуть полегчало.

— Небось свистульки покупаешь, — упрекнула Лина. — Когда же наконец заявится эта комета? Сдается мне, ей давно бы пора прилететь.

Но никакой кометы не было видно. Часы на площади еще не пробили полдень, так что комете спешить было незачем.

А вот Альфреду и Лине пришлось время кормить лошадей, да заодно и самим перекусить. Съестные припасы лежали в повозке. Эмиль увязался было за Альфредом и Линой, но вспомнил, что его с мамой, папой и сестренкой пригласила на обед к двенадцати часам фру Петрель, и стал глазеть по сторонам. Где же отец? Хочешь — верь, хочешь — нет, отец *снова* исчез! Он ухитрился затеряться среди всего этого ярмарочного люда: лоточниц, гончаров, корзинщиков, щеточников, торговцев воздушными шарами, шарманщиков и прочих завсегдаев ярмарки.

— Видали такого непоседу, — пробормотал Эмиль. — В другой раз поеду в город — пусть остается дома, сил моих больше нет.

Однако Эмиль не очень огорчился, что его отец куда-то пропал. Эмиль уже бывал в городе и примерно знал, где живет фру Петрель. У нее был красивый белый домик с застекленной верандой в конце улицы Стургатан, и Эмиль решил, что его найти совсем не трудно.

Фру Петрель была одной из самых знатных горожанок Виммербю, и нельзя не удивиться, почему это она пригласила к себе в гости наших хуторян. Уж наверно, не потому, что мама Эмиля всегда привозила ей свою знаменитую колбасу, ведь никто еще не потерял разум из-за колбасы. Нет, просто фру Петрель частенько заезжала в гости в Каттхульт. На праздник сбора вишен, на праздник ловли раков, на праздник сыра и прочие торжества. Там ее угощали колбасой и копченой грудинкой, телячьими фрикадельками и котлетами, омлетами, запеченным угрем и другими яствами. Но ведь нельзя только вечно ездить в гости, иной раз надо и к себе пригласить, считала фру Петрель.

— Должна же все-таки быть на свете справедливость, — сказала она и пригласила к себе в гости хозяев Каттхульты к двенадцати часам в тот самый день, когда они все равно приедут в город на ярмарку и можно будет их накормить подогретым рыбным пудингом и черничным киселем. Сама же фру Петрель еще в одиннадцать часов съела всего-навсего телячье филе и большой кусок марципанового торта, поскольку рыбного пудинга у нее было в обрез. В самом деле, некрасиво, если она будет сидеть и

уплетать пудинг, а гости останутся голодными. Нет, этого она не может допустить!

И вот гости расселись вокруг стола на застекленной веранде — папа Эмиля, мама Эмиля и маленькая Ида.

— Что за непослушный мальчишка, легче уследить за горстью блох, чем за ним, — блохи и те не так быстро исчезают, — сказал папа Эмиля.

Речь, конечно, шла об Эмиле.

Мама хотела было побежать на поиски сынишки, но папа принялся уверять ее, что он уже искал его повсюду.

Тут вмешалась фру Петрель:

— Не сомневаюсь, что Эмиль сам отыщет сюда дорогу.

Фру Петрель была права. В эту самую минуту в воротах ее дома показался Эмиль. Но тут он увидел такое, от чего замер на месте.

По соседству с фру Петрель, в доме, выкрашенном в красный цвет и окруженном садом, жил бургомистр. А в саду, под яблонями, ковылял на высоких ходулях сын бургомистра Готфрид. Он тоже покосился на Эмиля и тотчас полетел кубарем в куст сирени. Если ты когда-нибудь ходил на ходулях, то поймешь, почему так случилось, — нелегко сохранять равновесие на длиннющих палках с прибитыми к ним лишь маленькими дощечками для ног. Готфрид мгновенно высунул нос из куста и уставился на Эмиля. Когда встречаются двое мальчишек одинакового норова, то в глазах обоих словно зажигаются огоньки. Готфрид и Эмиль осмотрели друг друга с ног до головы и молча улыбнулись.

— Мне бы такую кепчонку, как у тебя, — сказал Готфрид. — Дай поносить!

— Не-а, — сказал Эмиль, — но могу поменяться на твои ходули.

Такой обмен показался Готфриду стоящим.

— Только вряд ли у тебя получится, — сказал он.

— Посмотрим! — ответил Эмиль.

Эмиль оказался проворнее, чем предполагал Готфрид. Он мигом вскочил на ходули и быстро заковылял среди яблонь. Про обед у фру Петрель он начисто забыл.

А на застекленной веранде хуторяне угощались рыбным пудингом. Скоро с ним было покончено, и настал черед черничного киселя. Его-то было вволю: посреди стола возвышалась налитая до краев громадная фарфоровая миска.

— Ешьте, ешьте, — угощала фру Петрель, — надеюсь, аппетит у вас хороший.

У нее самой никакого аппетита не было, и она не притронулась к киселю, зато болтала без умолку. Говорила она, ясное дело, об огромной комете, потому что в тот день все в Виммербю только о ней и толковали.

— Это ужасно! — воскликнула она. — Из-за какой-то кометы все должно полететь в тартарары!

— Кто знает, может, этот кисель — последнее, что ешь в жизни, — сказала мама Эмиля, и папа Эмиля поспешно протянул тарелку фру Петрель.

— Налейте, пожалуйста, еще, — попросил он. — Не ровен час...

Но прежде чем фру Петрель успела подлить ему киселя, случилось нечто невероятное. Послышался звон разбитого стекла, раздался крик, что-то с грохотом вле-

тело через широкое окно, и по веранде пронесся вихрь из осколков стекла и брызг черничного киселя.

— Комета! — закричала фру Петрель и без чувств рухнула на пол.

Нет, это была не комета, а всего-навсего Эмиль, который, словно пушечное ядро, влетел в окно и угодил головой в фарфоровую миску, откуда фонтаном брызнул кисель.

Что тут началось на веранде! Мама Эмиля голосила, папа орал, маленькая Ида плакала. Только фру Петрель была совершенно спокойна, так как лежала на полу в глубоком обмороке.

— Быстрее на кухню за холодной водой! — командовал папа Эмиля. — Надо намочить ей лоб!

Мама опрометью бросилась на кухню, а папа побежал следом — поторопить ее. Эмиль осторожно вытащил голову из миски. Лицо у него стало синим-пресиним.

— И чего ты всегда так торопишься на обед?! — упрекнула брата маленькая Ида.

Эмиль ничего не ответил.

— *Готфрид прав*, — вздохнул он. — *На ходулях через забор не перелезть. Это уж точно.*

Тут он увидел на полу несчастную фру Петрель, и ему стало жаль ее.

— Что же это они так долго не несут воду? — пробурчал он. — Надо поторопиться.

Эмиль не долго раздумывал. Он быстрехонько схватил миску с остатками черничного киселя и выплеснул его прямо в лицо фру Петрель. Хочешь — верь, хочешь — нет, это сразу помогло!

— Буль-буль... — Фру Петрель очнулась и мгновенно вскочила на ноги.

Вот как хорошо варить много черничного киселя, чтобы хватило и на случай беды!

— Я ее уже вылечил, — похвастался Эмиль, когда мама и папа примчались наконец из кухни с водой.

Но папа сумрачно посмотрел на него и сказал:

— А я знаю, кто будет лечиться в столярке, как только мы вернемся домой.

У фру Петрель все еще кружилась голова, и лицо у нее было такое же синее, как у Эмиля. Но мама Эмиля, умелая и проворная хозяйка, тотчас уложила ее на диван и схватила щетку.

— Надо навести порядок, — сказала она и принялась орудовать щеткой: сначала она отмыла фру Петрель, потом Эмиля и напоследок пол на веранде. Вскоре нигде не осталось никаких следов черничного киселя, кроме маленького синего пятнышка за ухом Эмиля. Потом мама вымела осколки стекла, а папа побежал к стекольщику за новым оконным стеклом, которое он мигом вставил вместо разбитого. Эмиль хотел было ему помочь, но отец даже близко не подпустил его к оконной раме.

— Отойти-ка отсюда! — прошипел он. — Сгинь с глаз моих и не возвращайся до самого отъезда!

Эмиль был не против того, чтобы сгинуть. Ему хотелось еще немного поболтать с Готфридом. Но от голода у него сосало под ложечкой. За весь день ему перепал лишь глоточек черничного киселя — разок он успел хлебнуть, когда нырнул в миску.

— Нет ли у тебя чего-нибудь пожевать? — спросил он Готфрида, который по-прежнему торчал в бургомистровом саду возле забора.

— Жуй сколько хочешь, — ответил Готфрид. — Моему папаше сегодня стукнуло пятьдесят, вечером у нас будет пир, и кладовки прямо ломаются от всякой всячины.

— Вот здорово! — обрадовался Эмиль. — Дай попробую, недосол у вас или пересол.

Готфрид не мешкая отправился на бургомистрову кухню и вернулся с тарелкой, полной всякой вкуснятины — сосисок, котлет, пирожков. Готфрид и Эмиль — даром что по разные стороны забора — мигом все съели. Эмиль опять был всем доволен. Но его спокойствие длилось только до тех пор, пока Готфрид не проговорился:

— А сегодня вечером у нас будет фейерверк, какого в Виммербю еще не бывало.

За всю свою несчастную жизнь Эмиль не видел ни одного фейерверка, — жители Лённеберги не позволяли себе таких безумств. И теперь он очень огорчился: ведь ему не придется увидеть великолепный фейерверк, потому что надо засветло отправляться обратно в Каттхульт.

Эмиль вздохнул. Если пораскинуть мозгами, какой все-таки неудачный этот ярмарочный день! Ни коня, ни фейерверка — одни беды да напасти, к тому же дома его ожидает столярка.

Эмиль мрачно попрощался с Готфридом и пошел разыскивать Альфреда, своего друга и утешителя во всех бедах.

Только где теперь найдешь Альфреда на улицах, запруженных толпами крестьян, приехавших на ярмарку, да еще вперемешку с горожанами из Виммербю? Отыскать Альфреда в этой толчее оказалось делом нелегким. Эмиль затратил на поиски своего

друга несколько часов и за это время успел немало напроказить. Но эти проделки не попали в синюю тетрадь, так как о них никто никогда не узнал... Альфреда он так и не нашел.

В октябре темнеет рано. Скоро начнет смеркаться, скоро кончится, навсегда канет в вечность этот ярмарочный день. Крестьяне уже собрались разъезжаться, да и горожанам из Виммербю, пожалуй, пора было по домам. Но напоследок всем хотелось еще посмеяться, поболтать, покричать, пошуметь, и на улицах царило веселое оживление. Еще бы, ведь день-то необычный! И ярмарка, и день рождения бургомистра, и кто знает, может, последний день жизни на Земле, если и в самом деле прилетит эта дымящаяся комета. Понятно, что все чувствовали себя не в своей тарелке, толпясь на улицах и не зная, чего ждать — радости или беды. Когда люди одновременно и боятся, и радуются, то они утрачивают чувство меры. Поэтому суতোлка на улицах не уменьшалась и веселье не стихало, а в домах царили тишина и покой: в них остались лишь кошки да дряхлые старушки, нянчившие внучат.

Если тебе случалось бродить по маленькому городку вроде Виммербю, а может, и в день ярмарки, и в сумерки, ты знаешь, как весело шагать по улочкам, мощенным булыжником, и разглядывать в окнах домиков бабушек, их внучат и кошек. А как бьется сердце, когда крадешься темным переулком, заходишь в чужие ворота, на темный двор, забитый крестьянскими телегами, между которыми толкутся крестьяне и пьют пиво, перед тем как запрячь лошадей и отправиться восвояси по хуторам.

Для Эмиля прогулка была тоже веселой и увлекательной. Скоро он позабыл о своих недавних горестях и уже не сомневался, что рано или поздно найдет Альфреда. Так оно и вышло, только сперва он нашел нечто совсем другое.

Шагая по узенькой окраинной улочке, он неожиданно услышал невообразимый шум, доносившийся со двора. Кричали и ругались крестьяне, отчаянно ржала лошадь. Эмиль тотчас шмыгнул в ворота, желая узнать, что там происходит. Его глазам представилось зрелище, заставившее его вздрогнуть. Во дворе была старая кузница, и в отблесках пылающего горна, в толпе злющих-презлющих крестьян, Эмиль узнал своего буланого конька. Крестьяне, все как один, были вне себя от злости. Угадай, почему они злились? Да потому, что молодой буланный конь ни за что не давал себя подковать. Как только коваль пытался поднять его ногу, конь вставал на дыбы, бешено бил копытами и лягался так, что крестьяне рассыпались в разные стороны. Коваль просто не знал, что делать.

— Много лошадей довелось мне подковать на своем веку, но такого коня я еще не встречал.

Ты, может, не знаешь, кто такой коваль? Это кузнец, который обувает лошадей. Да, да, потому что коню, так же как и тебе, нужна обувь, а не то он в кровь сотрет копыта и будет спотыкаться и скользить по обледенелой дороге. Обувь эта не обычная — это железные скобы, которые накрепко прибивают гвоздями к копытам. И называют их подковами; тебе, может, случалось их видеть.

Однако молодой буланный конь, верно, решил, что обувь ему ни к чему. Он стоял смирно и кротко до

тех пор, пока не дотрагивались до его задних ног. Но стоило кузнецу приблизиться к коню и чуть коснуться его ноги, как снова начинался настоящий цирк — конь лягался и отпрыгивал в сторону, хотя полдюжины крестьян висели на нем, пытаясь удержать на месте. Барышник из Молиллы, купивший коня, постепенно приходил в ярость.

— Дай-ка я сам, — сказал он и злобно схватил заднюю ногу жеребца.

Но конь так лягнул его, что барышник шлепнулся прямо в лужу.

— Э-хе-хе, хе-хе, вот так-то, — сказал старый крестьянин, долго наблюдавший за происходящим. — Нет уж, поверьте мне, этого коня не подковать! Ведь дома в Туне его пытались подковать раз двадцать, не меньше.

Тут барышник смекнул, что с конем его надули, и еще пуще рассвирепел.

— Бери, кто хочет, этого подлого конягу! — завопил он. — Пусть убирается с глаз долой!

И кто, вы думаете, вышел из толпы? Конечно, Эмиль.

— Давай возьму! — сказал он.

Барышник расхохотался:

— Тоже мне выискался, клоп эдакий!

Всерьез он и не думал отдавать коня, но, раз уж столько людей слышали его слова, ему надо было как-то вывернуться. И он сказал:

— Ладно, так и быть, получишь коня, если удержишь его, пока подкуют.

При этих словах все, кто там стоял, рассмеялись, потому что, сколько они ни пытались удержать жеребца, это никому не удалось.

Не подумай, что Эмиль был простачком. Он разбирался в лошадях лучше всех в Лённеберге и даже во всем Смоланде. Когда буланый конек взвился на дыбы, захрапел и начал лягаться, Эмиль подумал: «Ну точь-в-точь как Лина, когда ее щекочут!»

Так оно и было на самом деле, и, кроме Эмиля, никто об этом не догадался. Конек просто-напросто боялся щекотки. Поэтому он фыркал и брыкался — совсем как Лина, когда, бывало, к ней чуть прикоснешься, а она так и закатывается от смеха. Да ты ведь и сам знаешь, что бывает, когда щекочут.

Эмиль подошел к коню и сжал его морду своими крепкими кулачками.

— Эй, ты, послушай! — сказал он. — Сейчас я тебя подкую, а ты не брыкайся, я обещаю тебя не щекотать.

Угадай, что потом сделал Эмиль? Подойдя к коню сзади, он неожиданно схватил его прямо за заднее копыто и поднял ногу. Конь повернул голову и добродушно покосился на Эмиля, словно желая понять, что он там делает. Видишь ли, копыта у лошадей так же нечувствительны, как твои ногти, и, если лошадь взять за копыто, ей несколько не щекотно.

— Пожалуйста, — сказал Эмиль кузнецу, — давай подковывай, я подержу!

Гул пронесся в толпе и не смолкал, пока Эмиль помогал кузнецу подковать коня на все четыре ноги.

Когда дело было сделано, барышник стал изворачиваться. Он хорошо помнил, что обещал, но не хотелось ему отдавать коня. Вытащив из кошелька пять крон, он протянул их Эмилю.

— С тебя хватит, — сказал он.

Крестьяне, стоявшие в кузнице, разозлились не на шутку. Они знали цену слову и умели его держать.

— Ты это брось! — сказали они. — Теперь конь — мальчишкин!

И вышло так, как они сказали. Барышник был богат, все это знали, и, чтобы избежать позора, пришлось ему сдержать слово.

— Ладно, триста крон — еще не все золото на свете, — сказал он. — Забирай своего подлого конягу и дуй отсюда!

Угадай, обрадовался ли Эмиль? Он вскочил на своего только что подкованного коня и выехал из ворот, будто важный какой генерал.

Крестьяне прокричали «ура», а кузнец сказал:

— И каких только чудес не бывает на ярмарке в Виммербю!

Сияя от счастья, радостный и гордый, скакал Эмиль напрямик через ярмарочную толпу, а навстречу ему по улице Стургатан в страшной давке пробирался не кто иной, как Альфред.

Увидев Эмиля, он остановился как вкопанный и широко раскрыл глаза.

— Что за наваждение! — воскликнул он. — Чей это у тебя конь?

— Мой! — крикнул Эмиль. — Его зовут Лукас, и, подумать только, он боится щекотки точь-в-точь как Лина.

Тут как раз подросла Лина и дернула Альфреда за рукав.

— Пора ехать домой, понял? — сказала она. — Хозяин уже запягует лошадей.

Вот и настал конец веселью, пора было хуторянам возвращаться домой в Лённебергу. Но Эмилю обязательно хотелось показать коня Готфриду.

— Скажи папе, что через пять минут я вернусь, — крикнул Эмиль и так понесся к усадьбе бургомистра, что только искры посыпались из-под копыт.

Осенние сумерки опустились над садом бургомистра, но в доме празднично светились окна, и оттуда доносились смех и говор. Пир был в самом разгаре.

А в саду разгуливал Готфрид, который терпеть не мог званых обедов, пирушек и охотнее ковылял на своих ходулях. Увидя Эмиля, гарцующего на коне, он снова кубарем полетел в куст сирени.

— Чей конь? — крикнул он, как только ему удалось высунуть нос из куста.

— Мой, чей же еще? — ответил Эмиль. — Конь мой.

Сперва Готфрид никак не хотел этому поверить, но, когда наконец понял, что Эмиль не шутит, пришел в ярость. Сколько он клянчил у отца коня, клянчил с утра до вечера, и что же ему отвечал всякий раз отец? «Ты еще маленький. Ни у одного мальчика в твоём возрасте нет коня!»

И как это взрослым не надоест вечно врать! Вот вам, пожалуйста, Эмиль! Пусть папаша полюбуется собственными глазами, если они у него есть и если он только пожелает выйти и посмотреть! Но он сейчас сидит с гостями за столом и пирует, объяснил Готфрид Эмилю. Он долго будет сидеть с этими дурошлепами, которые только и знают, что есть, пить и без конца произносить какие-то речи.

— Эх, выудить бы его оттуда, — мрачно сказал Готфрид, и на глаза у него навернулись слезы.

Эмиль пожалел Готфрида и не долго думая нашел выход. Если бургомистр не может выйти к коню, то конь может войти к бургомистру — это же проще простого. Надо только въехать вверх по лестнице в прихожую, а оттуда прямехонько в столовую. Единственное, что требуется от Готфрида, — открывать двери.

Если тебе случалось когда-либо бывать на пиру, где неожиданно появляется конь, то ты знаешь, что гости так тарашат на него глаза и подскакивают на месте, будто видят коня впервые в жизни. Именно так было и на пиру бургомистра. Сам бургомистр первый тому пример. Он подскочил на стуле и так поперхнулся тортом, что не мог вымолвить ни слова в свое оправдание, когда Готфрид крикнул ему:

— Ну а теперь что ты скажешь? Вот видишь, он — мальчик, как и я, а у него уже есть конь!

В конце концов все гости обрадовались, что к ним пожаловал конь. Ведь конь — чудесное животное. Всем, всем без исключения захотелось потрепать Лукаса по холке. Эмиль сидел верхом и сиял. Так и быть, пусть глядят его коня.

Среди гостей был и старый майор. Ему не терпелось показать, как он здорово разбирается в лошадях. Майор решил пощупать заднюю ногу Лукаса — ой-ой-ой, он ведь не знал, что Лукас боится щекотки!

Бургомистр, выплюнув кусочек торта, уже успел прийти в себя и собрался было отчитать Готфрида, но как раз в этот миг майор притронулся к задней ноге Лукаса. В ту же секунду в воздухе сверкнули лошадиные копыта, задев стоявший поблизости сервировочный столик, и торт со взбитыми сливками, описав в воздухе дугу, со звучным шлепком угодил в физиономию бургомистра.

— Буль-буль, — только и произнес он.

Гости, как ни странно, заготовали, словно вовсе лишились рассудка. Одна жена бургомистра не осмелилась хохотать. Она испуганно засеменила к мужу с лопаточкой для торта. Необходимо было срочно начать раскопки на его лице и проделать хотя бы щелочки для глаз. Иначе бургомистр не увидит, как веселятся гости у него на дне рождения.

Тут Эмиль вдруг вспомнил, что ему пора возвращаться домой в Лённебергу, и поспешно выехал из дверей зала. Готфрид бросился вслед за ним. Какой толк разговаривать сейчас с папашей, если он по уши залеплен сливками? Кроме того, Готфрид был не в силах расстаться с Лукасом.

Возле калитки Готфрида ждал Эмиль, чтобы попрощаться.

— Везет же тебе! — вздохнул Готфрид и в последний раз потрепал Лукаса по холке.

— Ясное дело! — подтвердил Эмиль.

Готфрид снова вздохнул.

— Зато у нас будет фейерверк, — сказал он, словно утешая самого себя. — Смотри!

Он показал Эмилю петарды, лежавшие наготове на столе в беседке, окруженной кустами сирени. У Эмиля ёкнуло сердце. Понятно, он торопился, но ведь за всю свою разнесчастную жизнь ему ни разу так и не довелось увидеть фейерверка.

— Дай одну! — попросил он. — Только посмотреть, заряжена она или нет.

Готфрид не долго думая вытащил из груды одну хлопушку.

— На вот эту, маленькую, — сказал он.

Эмиль кивнул и спрыгнул с коня.

— Ладно, сойдет и эта малявка. Дай спички!

И он поднес спичку... Пиф-паф! — маленькая светящаяся хлопушка взмыла ввысь. О чем говорить, она была заряжена. Петарда метнулась туда-сюда и под конец шлепнулась назад на стол в общую кучу. Верно, ей было скучно летать одной. Ни Эмиль, ни Готфрид не обратили на это внимания, так как у них за спиной неожиданно раздался громкий вопль. Это бургомистр выскочил на крыльцо, желая хорошенько проучить их. На лице его уже почти совсем не было торта, и лишь усы с остатками сливок белели в октябрьском полумраке.

А на улицах Виммербю народа еще было полным-полно. Жители города смеялись, болтали, кричали и не знали, чего им ждать — радости или беды.

Вот тут-то и началось! Тут-то и грянула та самая беда, которую они в глубине души ждали с затаенным ужасом. Внезапно небосвод над садом бургомистра озарился пламенем: шипя, завертелись извергающие огонь змеи, замелькали сверкающие шары, взмыли вверх огненные фонтаны — и все это трещало, громыхало, стреляло, ухало, шипело и навредило такой ужас, что бедные жители Виммербю побледнели от страха.

— Комета! — закричали они. — На помощь! Погибаем!

В городе поднялся неслыханный крик и плач. Ведь горожане думали, что настал их последний час. Бедные люди, они с перепугу громко орали, метались и косяками падали в обморок прямо на улице. Одна лишь фру Петрель сохраняла спокойствие. С невозмутимым видом сидела она у себя на веранде и смотрела, как огненные шары колесили по небу.

— Не верю я больше в кометы, — сказала она кошке. — Спорю на что угодно, здесь опять не обошлось без Эмиля.

Фру Петрель сказала сущую правду. Ведь это Эмиль своей маленькой хлопушкой поджег всю груду заготовленных для фейерверка петард, и они разом взлетели в воздух.

А как повезло бургомистру, что он вовремя выскочил на улицу! Иначе не видать бы ему ни единой искорки своего чудесного фейерверка! Теперь же он оказался как раз в том месте, где больше всего трещало и сверкало, а он только и делал, что прыгал то туда, то сюда, когда огненные шары один за другим проносились мимо его ушей. Эмилю и Готфриду казалось, что это зрелище страшно забавляет бургомистра, так как при каждом новом прыжке он громко взвизгивал. Но когда шипящая ракета угодила ему в штанину, он, как ни странно, разозлился. А иначе с чего бы он так дико завопил и понесся с неистовым ревом по саду к бочке с водой, стоявшей возле дома, и как сумасшедший сунул туда ногу? Ведь так нельзя обращаться с ракетами. От воды они сразу гаснут — уж это-то он мог бы сообразить!

— Наконец-то я увидел фейерверк, — удовлетворенно сказал Эмиль, лежа на земле рядом с Готфридом за дровяным сараем бургомистра, куда они спрятались.

— Да, теперь ты и в самом деле увидел настоящий фейерверк, — подтвердил Готфрид.

Потом они помолчали в ожидании, когда бургомистр перестанет наконец носиться по саду, словно огромный разозленный шмель.

А когда немного погода повозка хуторян из Каттхульты покатила домой в Лённебергу, от искря-

щихся хлопущек и огненных шаров на небе не осталось и следа. Над макушками елей высоко в небе сияли звезды. В лесу было темно, впереди стелилась темная дорога, а на душе у Эмиля было светло и радостно, и он пел в темноте, гарцуя на своем коне:

— Погляди-ка, отец,
Что за конь у меня,
Что за ноги у коня,
Это мой жеребец!

А его отец правил лошадьё, очень довольный своим Эмилем. Правда, мальчик чуть не до смерти напугал фру Петрель и переполошил весь Виммербю своими проказами и фейерверком, но разве он не добыл даром коня? Это с лихвой искупало все его грехи. «Нет, такого мальчугана не сыщешь во всей Лённеберге. Не сидеть ему на сей раз в столярке, уж точно!» — думал отец.

Впрочем, хозяин Каттхульты был в превосходнейшем расположении духа, может быть, еще и потому, что как раз перед самым отъездом повстречал своего старого знакомого, который угостил его бутылочкой-другой доброго пива «Виммербю». Папа Эмиля не любил пиво, но уж тут никак нельзя было отказаться: пивом-то угощали даром!

Папа Эмиля молодецки щелкал кнутом, погоняя лошадей, и без усталости твердил:

— Едет по дороге сам хозяин Каттхульты... степенный че-еловек!

— О-хо-хо-хо-хо, — вздохнула мама Эмиля. — Ладно еще, что ярмарка бывает не каждый день. Как все же хорошо вернуться домой!

У нее на коленях спала маленькая Ида, крепко зажав в кулачке подарок с ярмарки — фарфоровую корзиночку, полную алых фарфоровых розочек, с надписью: «На память о Виммербю».

На заднем сиденье, положив голову на руку Альфреда, спала Лина. Рука Альфреда совсем онемела, потому что голова Лины навалилась на нее всей тяжестью. Но все же, как и его хозяин, Альфред был бодр и в самом лучшем расположении духа. Обратившись к Эмилю, гарцевавшему рядом, он сказал:

— Завтра весь день буду возить навоз. Вот будет здорово!

— Завтра буду скакать на коне весь день! — сказал Эмиль. — Вот будет здорово!

Когда они проехали самый последний поворот дороги, то заметили свет. Это горел огонь на кухне дома в Каттхульте — Крёса-Майя поджидала их с ужином.

Может, ты думаешь, что Эмиль, добыв коня, перестал проказничать? Как бы не так! Два дня скакал он на Лукасе, но уже на третий день, стало быть третьего ноября, принялся за старое. Угадай, что он натворил... Ха-ха-ха, не могу не смеяться, вспоминая об этом. Так вот, Эмиль в тот день... нет, стоп! Молчок! Я обещала его маме никогда не рассказывать, что он натворил третьего ноября. Ведь, по правде говоря, как раз после этой проделки жители Лённеберги собрали деньги, чтобы отправить Эмиля в Америку. Понятно, маме Эмиля вовсе не хотелось вспоминать о том, что тогда произошло. Она даже ничего не написала об этой проделке в своей синей

тетради, так что с какой стати мне рассказывать об этом! Нет, не буду, но зато ты услышишь, что выкинул Эмиль на второй день Рождества¹.

Понедельник, 26 декабря

Как Эмиль опустошил кладовую в Каттхульте и поймал Командоршу в волчью яму

До Рождества нужно было пережить еще туманную, дождливую и темную осень. Осень — довольно грустная пора где бы то ни было, а в Каттхульте и подавно. Под мелким, сеющим дождем Альфред шагал вслед за быками, вспахивая лоскутки каменной пашни, а за ним по междурядью семенял Эмиль. Он помогал Альфреду понукать быков, которые были донельзя упрямы и никак не хотели взять в толк, для чего надо пахать. Темнело рано, Альфред распрягал быков, и все они брели домой — Альфред, Эмиль и быки. Альфред и Эмиль вваливались на кухню прямо в сапогах, облепленных комьями грязи, чем выводили из себя Лину, которая тряслась над своими выскобленными добела полами.

— Она страсть какая чистюля, — сказал Альфред. — Женись на ней, и ни минуты покоя всю жизнь не узнаешь.

— Так ты сам, видно, и женишься, — заметил Эмиль.

Альфред помолчал, задумавшись.

¹ Рождество отмечается в Швеции 25 декабря.

— Нет, не бывать этому, — вымолвил он наконец. — Вряд ли я решусь. Но мне никак не сказать ей про это.

— Давай я скажу за тебя, — предложил Эмиль, который был куда храбрее и решительнее. Но Альфред не захотел.

— Нет, тут надо половчее, чтобы не обидеть ее, — пояснил он.

Альфред долго ломал себе голову, как бы половчее сказать Лине, что он не собирается жениться на ней, но нужных слов так и не нашел.

Беспросветная осенняя мгла окутала хутор Каттхульт. Уже в три часа пополудни на кухне зажигали керосиновую лампу, и все рассаживались там, занимаясь каждый своим делом. Мама Эмиля сидела за прялкой и сучила чудесную белую пряжу на чулки Эмилю и Иде.

Лина чесала шерсть, а когда на хутор приходила Крёса-Майя, то и она помогала ей. Папа Эмиля чинил башмаки и тем самым сберегал деньги, которые иначе достались бы городскому сапожнику. Альфред не уступал хозяину в прилежании и сам штопал свои носки. На них вечно зияли большущие дыры — и на пальцах, и на пятках, но Альфред быстренько затягивал их нитками. Ясно, Лина охотно помогла бы ему, но Альфред не позволял.

— Нет, видишь ли, тогда я вовсе попадусь на крючок, — объяснил он Эмилю. — Потом уж никакие слова не помогут.

Эмиль и Ида чаще всего сидели под столом и играли с кошкой. Как-то раз Эмиль попробовал внушить Иде, что эта кошка на самом деле не кошка, а волк. Но она не хотела ему верить, и тогда он

протяжно завыл по-волчьи, да так, что все на кухне подскочили. Мама Эмиля спросила, что означает этот вой, и Эмиль ответил:

— А то, что у нас под столом волк.

Крёса-Майя немедленно принялась рассказывать про волков, а обрадованные Эмиль и Ида вылезли из-под стола, чтобы ее послушать. Ну теперь страху не оберешься, это уж точно; про какие только ужасы не рассказывала Крёса-Майя! Если не об убийцах и ворах, привидениях и призраках, то уж непременно о жестоких казнях, страшных пожарах, жутких бедствиях, смертельных хворях или о лютых зверях вроде волков.

— Когда я была маленькой, — вздохнула Крёса-Майя, — у нас в Смоланде от волков просто спасу не было.

— А потом небось пришел Карл Двенадцатый и пострелял всех до одного, чтоб им пусто было, — встряла Лина.

Крёса-Майя обозлилась: хотя она и была стара, но все же не такая древняя старуха, какой хотела изобразить ее Лина.

— Болтаешь, будто что понимаешь, — огрызнулась Крёса-Майя и замолчала.

Но Эмиль стал к ней подлизываться, и она снова принялась рассказывать про злых волков и о том, как рыли волчьи ямы и ловили в них волков в те времена, когда она была совсем маленькая.

— Стало быть, Карлу Двенадцатому незачем было приходить... — начала Лина и тут же осеклась.

Но было уже поздно. Крёса-Майя опять обозлилась, да и неудивительно. Король Карл Двенадцатый, скажу тебе, жил лет двести назад, и Крёса-

Майя уж никак не могла быть такой древней старухой.

Но Эмиль снова стал ластиться к ней. И тогда она рассказала про чудищ еще пострашнее волков, которые выползали из логова лишь лунными ночами и неслышно крались по лесу. Чудища эти умели говорить, сообщила Крёса-Майя, ведь они были не просто волками, а оборотнями — полулюдьми-полуволками, и опаснее их никого на свете не было. Встретится, бывало, этакое чудище при лунном свете — пиши пропало, ведь страшнее зверя не придумаешь. Поэтому по ночам, когда светит луна, людям из дому не надо и носа высовывать, сказала Крёса-Майя и осуждающе посмотрела на Лину.

— Хотя Карл Двенадцатый... — снова начала Лина.

Крёса-Майя в сердцах отшвырнула карды¹, которыми чесала шерсть, и сказала, что ей пора домой, мол, стара она и сильно притомилась.

Вечером, когда Эмиль и Ида лежали в кроватках в горнице, они снова заговорили о волках.

— Хорошо, что теперь они здесь не водятся, — сказала Ида.

— Не водятся? — переспросил Эмиль. — Откуда ты это знаешь, раз у тебя нет волчьей ямы, чтоб их ловить?

Еще долго Эмиль лежал с открытыми глазами и думал о волках, и чем больше он думал, тем больше убеждался, что, будь у них яма, в нее обязательно

¹ Карда (нем.) — щетка с рядами стальных игл. Употребляется для расчесывания шерсти, хлопковых волокон и для очистки их от сорных примесей.

попался бы волк. Задумано — сделано, уже на следующее утро Эмиль принялся копать яму между столярной и кладовой. Летом здесь буйно росла крапива, а теперь она лежала на земле, черная и увядшая.

Волчью яму надо рыть долго, чтобы она была глубокой и волк не мог бы выбраться из нее, если уж туда угодит. Альфред помогал Эмилю и время от времени брался за лопату, но все же яма так и осталась невырытой почти до самого Нового года.

— Не беда, — говорил Альфред, — волки все равно не выйдут из леса до зимы, пока не похолодает и у них от холода животы не подведет.

Маленькая Ида задрожала от страха, представив себе изголодавшихся волков, которые студеной зимней ночью выйдут тайком из леса, подкрадутся к дому и завоюют под окнами.

Но Эмиль ни капельки не испугался. Его глаза горели. Он с восторгом глядел на Альфреда, представляя себе, как волк свалится в его яму.

— Теперь я прикрою яму ветками и еловыми лапами, чтобы волк ее не заметил, — сказал он, довольный, и Альфред с ним согласился.

— Это уж верно! «Без хитрости не проживешь», говорит Дурень Юкке, схватив вошь пальцами ног, — добавил Альфред.

Эти слова как присказку частенько вспоминали в Лённеберге, но Альфреду не следовало бы ее повторять, поскольку Дурень Юкке как-никак приходился ему родным дедушкой и жил на старости лет в лённебергской богадельне, приюте для бедняков. А над своим дедушкой нехорошо смеяться, хотя Альфред вовсе не имел в виду ничего дурного, а лишь повторял то, что говорили другие.

Теперь оставалось ждать, когда настанут лютые холода, а они были не за горами. В самом деле, они скоро и нагрянули.

Перед самым Рождеством разъяснилось, ударил морозец и, как всегда бывает, повалил снег. То-то было радости! Снег кружил и кружил над хутором Каттхульт, над Лённебергой и над всем Смоландом, пока вся округа не превратилась в один сплошной снежный сугроб. Из снега чуть торчали лишь колья изгородей, и по ним можно было догадаться, где проходит дорога. И ни один даже самый острый глаз не мог бы разглядеть волчью яму. Яму, словно ковром, накрыло пушистым снегом, и Эмиль каждый вечер беспокоился только о том, как бы ветки и еловые лапы не провалились под тяжестью снега до той поры, когда явится волк и рухнет в яму.

В Каттхульте настала горячая пора — к Рождеству здесь готовились основательно! Сперва устраивали большую стирку. Лина и Крёса-Майя, стоя на коленях на обледенелых мостках хуторского ручья, полоскали белье. Лина дула на потрескавшиеся от мороза пальцы и плакала.

Потом закололи большого откормленного поросенка, и тогда уж людям, по словам Лины, не осталось места на кухне. Там рядом с блюдами свиного студня, ветчины, копченой грудинки и другой вкусной еды громоздились горы пальтов, кровяной колбасы, свиной колбасы, жареной колбасы, зельца и, наконец, колбас, начиненных кашей и картошкой. А какое Рождество без можжевелевого кваса! Он долго бродил в большой деревянной кадучке, в пивоварне. Пекли столько всего, что просто диву даешься: белый хлеб и сладкие хлебцы на патоке, хлеб

ржаной и шафранные булочки с изюмом, простые пшеничные булки, пряники, особые маленькие крендельки, меренги — воздушные пирожные из белка — и пирожные с кремом. А еще готовили клецки. Всего не перечтешь. И понятно, в праздник нужны свечи. Лина и мама Эмиля почти целую ночь отливали из воска свечи — большие, маленькие и даже рогатые. Рождество уже стояло на пороге. Альфред и Эмиль запрягли Лукаса в сани-розвальни и поехали в лес за елкой, а папа Эмиля пошел на гумно и принес несколько снопов овса, которые приберег для воробьев.

— Одно разорение, — сокрушался он, — но ведь и воробьи хотят в праздник попировать.

А сколько еще было таких, кто хотел бы попировать в праздник! Например, нищие из богадельни. Ты, верно, не знаешь, кто такие нищие и что такое богадельня? Вот и радуйся этому! Если б я стала рассказывать подробнее о богадельнях, получилась бы история почище того, что рассказывала Крёса-Майя об убийцах, привидениях и лютых зверях. Представь себе маленькую, убогую лачугу с несколькими каморками, в которых в тесноте ютятся бедные изможденные старики и старухи. Они не живут, а мучаются от грязи и вшей, голодные и несчастные. Теперь ты знаешь, что такое богадельня. Лённебергская богадельня была, пожалуй, ничуть не хуже других, хотя не приведи Бог никому туда попасть, когда наступит старость и не будет сил заработать на кусок хлеба.

— Бедный дедушка, — часто говаривал Альфред, — невеселая у него жизнь. Еще бы куда ни шло, если бы Командорша не была такой ведьмой.

Командоршей называли старостиху, которая верховодила в богадельне. Понятно, она тоже была нищенкой, но посильнее и покрепче других, да еще злющая-презлющая. Поэтому ее и назначили командовать в богадельне, чего никогда бы не случилось, если бы Эмиль успел к тому времени подрасти и стать председателем муниципалитета. Но пока, к сожалению, он был лишь маленьким мальчиком и ничего не мог поделывать со старостихой. Дедушка Альфреда боялся ее, и все другие бедняки тоже.

— Вишь, она аки лев рыкающий средь овечьего стада, — любил повторять Дурень Юкке.

Чудаковат был этот Юкке и говорил так, будто Библию читал, но добряк, и Альфред очень любил своего старого деда.

Те, кто жил в богадельне, никогда не ели досыта.

— Такая уж у них горькая доля, — сетовала мама Эмиля. — Горемыки, ведь им тоже надо чем-нибудь полакомиться в праздник.

Вот почему за несколько дней до Рождества можно было видеть, как Эмиль вместе с Идой пробираются по заснеженной дорожке к богадельне, волоча огромную корзину. Мама Эмиля положила в нее всякой всячины: разные колбасы, свиной студень, ветчину, пальты, а также булки, шафранные булочки с изюмом, пряники, и еще свечи, и даже маленькую берестяную табакерку с нюхательным табаком для Дурня Юкке.

Лишь тот, кто сам долго голодал, может понять, как обрадовались бедняки, когда Эмиль и Ида ввалились со своей корзиной в богадельню. Они тотчас захотели полакомиться — Дурень Юкке, Калле Лопата, Юхан Грош, Придурок Никлас, Пройдоха Фия,

Кубышка, Виберша, Блаженная Амалия и все остальные. Но Командорша сказала:

— Не раньше праздника, зарубите себе на носу!
И никто не посмел возразить ей.

Эмиль и Ида вернулись домой. Тут подоспел и сочельник. В Каттхульте в канун праздника было очень весело, и на другой день тоже. Когда они поехали к заутрене в лённебергскую церковь, Эмиль просто сиял от радости, сидя в санях, потому что Лукас и Маркус летели так, что снег бил из-под копыт и они обгоняли все другие сани. Во время службы Эмиль вел себя очень хорошо, и мама его записала в синей тетради:

«Этот мальчик вообще-то благочестив и ни праздничает на крайней мере в церкви».

Весь первый день праздника Эмиль был также на редкость послушным. Они с Идой мирно занялись новыми игрушками, и на хуторе воцарилась благодатная тишина.

Но вот наступил второй день праздника. Родители Эмиля должны были ехать в гости на хутор Скорпхульт, что в другом конце прихода. Все в Лённеберге хорошо знали Эмиля, и поэтому хозяева пригласили папу и маму без детей.

— Мне-то что! — сказал Эмиль. — Им же хуже. Так этим хозяевам Скорпхульты и не удастся со мной познакомиться.

— И со мной тоже, — добавила Ида.

Все, конечно, думали, что Лина в тот день останется дома и присмотрит за детьми, но она с утра ударилась в рев. Ей во что бы то ни стало захотелось

проведать мать, которая жила на торпе неподалеку от Скорпхульты. Лина, верно, смекнула, что неплохо было бы прокатиться в санях, раз хозяевам все равно ехать в ту сторону.

— Так и быть, — сказал Альфред, — я могу приглядеть за детьми. Еда в доме есть, а я пригляжу, чтобы они не трогали спички и не набедокурили.

— Смотри только, как бы Эмиль чего не натворил, — сказал папа Эмиля и сумрачно посмотрел себе под ноги. Но тут вступилась мама:

— Эмиль — чудесный малыш, и он не всегда проказничает, по крайней мере не в праздники. Не реви, Лина, *поедешь* с нами!

И они укатили.

Альфред, Эмиль и Ида стояли у окна и глядели вслед саням до тех пор, пока они не скрылись за холмами. Потом Эмиль радостно запрыгал, словно козлик.

— Эх и заживем мы теперь! — воскликнул он.

Но тут Ида показала своим тонким пальчиком на дорогу.

— Гляньте-ка, Дурень Юкке идет, — сказала она.

— И верно, — подтвердил Альфред. — Что там еще стряслось?

Все знали, что Юкке запрещено отлучаться из богадельни. У него было неладно с головой, и он не запоминал дороги. Так, во всяком случае, утверждала Командорша.

— Он, того и гляди, заблудится, потом ищи-свищи, — говорила она. — А у меня нет времени бегать и искать его.

Но до Каттхульты Юкке добирался благополучно. Вот и теперь он ковылял по дороге, весь высохший

и сморщенный, с седыми космами, свисавшими на уши. Вскоре он уже стоял на пороге кухни и всхлипывал.

— Нам не дали ни одного пальца, — прошамкал он. — И ни кусочка колбасы. Старостиха все забрала себе.

Больше он не мог вымолвить ни слова и только плакал.

Тут Эмиль разозлился. Он так сильно разозлился, что Альфред и Ида едва осмеливались взглянуть на него. Дико сверкнув глазами, он схватил со стола фарфоровую миску.

— Подать сюда старостиху! — закричал он и швырнул миску о стену с такой силой, что только черепки закружились по кухне. — Где мое ружье?

Альфред не на шутку испугался.

— Уймись, пожалуйста, — попросил он. — Тебе вредно так злиться!

Потом Альфред стал гладить и утешать своего несчастного дедушку и расспрашивать, почему Командорша так плохо с ними обошлась. Но Юкке знай себе твердил:

— Нам она не дала ни единого пальца и ни кусочка колбасы. А мне и та-ба-бака моего не дала, — плакал он.

Тут Ида снова показала на дорогу.

— Гляньте-ка, Кубышка идет, — сказала она.

— Это за мной... — сказал Юкке и весь затрясся.

Кубышка была маленькая шустрая старушка из богадельни. Стоило Юкке исчезнуть, как старостиха посылала ее в Каттхульт. Ведь чаще всего он ходил туда к Альфреду, да и мама Эмиля всегда была добра к беднякам.

От Кубышки они и узнали, как все произошло. Командорша спрятала угощение в шкаф на чердаке, где в ту пору было довольно холодно. А когда она в праздник пришла за едой, то там будто бы не хватало одной самой маленькой колбаски, и тут старостиha словно белены объелась.

— Аки лев рыкающий средь овечьего стада, — сказал Дурень Юкке, и Кубышка поддакнула ему.

Что тут было! Из-за несчастной колбаски Командорша всем учинила допрос и готова была прямо на месте разделаться с бедным грешником, стянувшем колбаску. «Я вам такой праздник устрою, что ангелы Божьи восплачут на небесах!» — пригрозила она.

— Так оно и вышло, — сказала Кубышка.

Как ни кричала, как ни буйствовала старостиha, никто не захотел признаться, что украл колбаску. А некоторые даже подумали, что старостиha все выдумала, лишь бы заграбастать себе гостинцы. И правда, Рождество у них вышло такое, что ангелы плакали на небесах, рассказывала Кубышка. А Командорша целый день восседала в своей чердачной каморке за праздничным столом с зажженными свечами и уплетала за обе щеки колбасу, пальты, ветчину и шафранные булочки с изюмом до тех пор, пока чуть не лопнула, этакая прорва толстая. А внизу вдоль голых стен сидели бедняки и лили слезы: им досталось на праздник всего-навсего несколько ржавых селедок.

То же самое повторилось и на другой день. Старостиha снова поклялась, что никто даже полпальца не получит, пока вор не приползет к ней на коленях и не признает свою вину. Затем в ожидании повинной она опять уселась наверху и ела — ела без конца, не желая ни с кем разговаривать. Кубышка сама

много раз подсматривала в замочную скважину и видела, как лакомые гостинцы, посланные мамой Эмиля, один за другим исчезали в широкой пасти старости. Но теперь она, видно, испугалась, что Юкке пошел в Каттхульт ябедничать, и наказала Кубышке живым или мертвым немедленно доставить его обратно.

— Так что лучше всего пойти сразу, Юкке, — сказала Кубышка.

— Эх, дед, ну и дела, — вздохнул Альфред. — Нет счастья тому, кто ходит с сумой!

Эмиль не сказал ничего. Он сидел на лавке и только скрежетал зубами. Еще долго после того, как Юкке и Кубышка ушли из дому, он не вставал с места и, видно, что-то обдумывал. Наконец он хватанул кулаком по лавке и воскликнул:

— А я знаю, кто закатит пир на весь мир!

— Кто? — спросила Ида.

Эмиль снова ударил кулаком.

— Я! — ответил он.

И Эмиль рассказал им о том, что придумал. Он устроит такой *пир*, что о нем долго будут вспоминать в округе! Пусть все бедняки из лённебергской богадельни приходят к ним в гости, и точка!

— Эмиль, Эмиль, — боязливо спросила Ида, — а это не новая проделка?

Альфред тоже побаивался, как бы это не оказалось новой шалостью. Но Эмиль уверял, что никакая это не проделка, а, наоборот, доброе дело. И ангелы на небесах захлопают в ладоши так же громко, как прежде плакали.

— Да и мама обрадуется, — добавил Эмиль.

— Ну а что скажет папа? — спросила Ида.

— Гм, — хмыкнул Эмиль. — Хотя все равно никакая это не проделка.

Потом он умолк и снова задумался.

— Труднее всего будет вытащить их из этой львиной пещеры, — сказал он. — Пошли, может, там что придумаем!

Между тем Командорша уплела все подчистую: колбасу и пальты, ветчину и студень, все шафранные булочки с изюмом и пряники; она вынюхала до последней крошки табак Дурня Юкке. Теперь она сидела на чердаке мрачнее тучи. Так бывает со всяким, кто совершил подлость и к тому же объелся пальтами. Вниз к беднякам ей спускаться не хотелось, потому что они только вздыхали и осуждающе смотрели на нее, не говоря ни слова.

Так вот и сидела она, насупившись, на чердаке, как вдруг кто-то постучал в дверь, и она быстро спустилась вниз по лестнице — посмотреть, кто пришел.

На крыльце стоял Эмиль, Эмиль из Катхульты. Командорша перепугалась не на шутку. Видать, Юкке или Кубышка наябедничали, а то зачем бы ему было приходить?

Маленький Эмиль поклонился и вежливо спросил:

— Не оставил ли я свой складной ножик, когда был здесь в последний раз?

Надо же, какой хитрец был этот Эмиль! Ножик преспокойно лежал у него в кармане брюк, это уж точно, но ему как-то надо было объяснить, зачем он сюда пришел.

Командорша заверила его, что никто никакого ножа не видал. И тогда Эмиль спросил:

— Ну как, понравилась вам колбаса? А свиной студень и другие гостинцы?

Командорша опустила глаза и уставилась на свои здоровенные ножищи.

— Как же, как же, — поспешно забормотала она, — ведь дорогая хозяйка из Каттхульты знает, чем порадовать бедняков. Передай ей низкий поклон!

И тогда Эмиль сказал то, ради чего он пришел сюда, но упомянул об этом вскользь, будто невзначай, а вовсе не как о важном деле:

— Мама и папа в гостях в Скорпхульте.

Командорша оживилась:

— Неужто в Скорпхульте нынче пируют? А я и не знала!

«Это уж точно, иначе ты давно уж была бы там», — подумал Эмиль.

Как и все в Лённеберге, он хорошо знал, что случись где-нибудь в округе праздник, так на кухне без Командорши не обойтись. Она точна, как часы. И не отвяжется, пока не отведаст хотя бы сырной лепешки. Ради лепешки она готова была пойти хоть на край света. Если ты бывал когда-нибудь на празднике в Лённеберге, то знаешь не хуже Командорши, что на стол там обычно выставляют длинные ряды сверкающих медных мисок с громадными сырными лепешками, которые гости привозят в подарок хозяевам. В Лённеберге их называют гостинцами.

— На столе там семнадцать сырных лепешек, — сказал Эмиль. — Вот здорово, верно?!

Разумеется, Эмиль не мог точно знать, было ли там семнадцать лепешек, но он и не настаивал, врать он не хотел. Он лишь намекнул:

— ...Семнадцать сырных лепешек. Вот здорово, верно?!

— Ну и ну! — обрадовалась Командорша.

С тем Эмиль и ушел. Он добился чего хотел и не сомневался, что через полчаса Командорша будет шагать по дороге в Скорпхульт.

Ясное дело, он не ошибся. Эмиль, Альфред и маленькая Ида притаились за поленницей и вскоре увидели, как из дому вышла Командорша, закутанная в свою самую толстую шерстяную шаль, с нищенской сумой под мышкой, и направилась в Скорпхульт. Но вот ужас-то: она заперла за собой дверь на ключ и бросила ключ в свою суму. Нечего сказать, хорошенькое дельце! Теперь все они, эти несчастные бедняки, оказались взаперти, как в тюрьме. Старостиha, видно, считала, что так оно и должно быть. Пусть только Дурень Юкке попробует выбраться из дому, он увидит, кто здесь командует и с кем шутки плохи.

И она резво засемила толстыми ногами по дороге в Скорпхульт.

Эмиль подошел к двери и дернул ее. Он сразу понял, что она заперта крепко-накрепко. Потом Альфред и маленькая Ида тоже попытались ее открыть. Да, дверь, без сомнения, была заперта на ключ.

Тем временем к окну прильнули бедняки и испуганно уставились на троицу, которая пыталась проникнуть к ним в дом. Эмиль закричал:

— Гулять вам на пиру в Каттхульте, если мы вызволим вас отсюда!

И в лачуге жажужжали, словно растревоженные пчелы в улье. Вот радость-то неожиданная-негаданная! И беда — непоправимая! Ведь все равно они заперты, и, как ни ломай голову, им отсюда не выбраться.

Ты, может быть, спросишь, почему они не открыли окно и не вылезли во двор? Ведь это не так уж и трудно? Сразу видно, что ты никогда не слыхал

о внутренних рамах. В зимнюю пору невозможно было открыть окна в богадельне именно из-за этих внутренних рам. Они были плотно вставлены и заклеены бумажными полосками, чтобы ветер не проникал в щели.

«Ну а как же тогда проветривали комнаты?» — вероятно, удивишься ты. Дорогое дитя, ну как можно задавать такие глупые вопросы! Кто тебе сказал, что в богадельне проветривали каморки? Кто станет заниматься такой ерундой! Ну кому это нужно, если свежий воздух и так проникал в дом через печную трубу и щели в полу и стенах?

Нет, куда там, через окно этим несчастным старикам не выбраться!

Правда, в доме *одно* маленькое оконце все же открывалось и зимой, но оно было высоко над землей в чердачной каморке Командорши, и ни один бедняк, как бы он ни был голоден, не решился бы прыгнуть с такой высоты, чтобы отправиться в гости. Потому что это уж точно был бы прыжок прямо на тот свет.

Но Эмиль не отступил перед таким пустячным препятствием. Он тотчас отыскал лестницу, запрятанную под дровяным сараем, и приставил ее к чердачному оконцу, которое радостно распахнула Кубышка. Альфред забрался наверх. Он был рослый и сильный, и ему ничего не стоило осторожно спустить по лестнице маленьких тощих старичков и старушек. Понятно, они охали и причитали, но все как один благополучно вылезли из окна и оказались внизу на земле. Все, кроме Блаженной Амалии. Она боялась высоты и ни за что не хотела вылезать в окно. Виберша пообещала принести ей всего, что только сможет захватить с собой, и Амалия успокоилась.

Случись кому-нибудь ехать по дороге в Каттхульт в конце этого праздничного дня, когда уже стало смеркаться, он, наверно, подумал бы, что повстречал вереницу серых призраков, которые, хромя, пыхтя и отдуваясь, карабкались по склону на вершину холма, где стоял хутор. И в самом деле, они были похожи на привидения в своих рубищах, эти жалкие нищие, зато они щебетали, будто жаворонки, и резвились, словно дети. Ох-хо-хо, ведь столько лет минуло с тех пор, как они были на праздничном пиру. Они радовались, представляя себе, как перепугается Командорша, когда вскоре вернется домой и найдет лачугу пустой, если не считать одной бедной старушки.

— Хи-хи-хи, так Командорше и надо, — сказал Юхан Грош. — Хи-хи-хи, одна без бедняков, то-то ей будет сладко!

Довольные, они все вместе смеялись над старостихой. Потом они вошли в празднично убранную кухню Каттхульты и оторопели. А когда Эмиль зажег пять больших свечей в подсвечнике и их пламя отразилось в начищенных до блеска медных тазах, а посуда засверкала и засияла на свету, все затихли, а Дурень Юкке даже подумал, уж не угодил ли он прямо на небеса.

— Гляньте-ка, здесь свечи и вечное блаженство, — сказал он и заплакал, потому что плакал теперь Юкке и в радости, и в горе.

Но Эмиль сказал:

— Будем *пировать!*

И праздник начался. Эмиль, Альфред и маленькая Ида принялись таскать из кладовой все, что только могли унести. И я хочу рассказать тебе, что они поставили на стол.

Блюдо с пальтами.

- Блюдо со свиной колбасой.
Блюдо со свиным студнем.
Блюдо с печеночным паштетом.
Блюдо с жареной колбасой.
Блюдо с котлетами.
Блюдо с телячьими фрикадельками.
Блюдо с копченой грудинкой.
Блюдо с крупяной колбасой.
Блюдо с картофельной колбасой.
Блюдо с селедочным салатом.
Блюдо с солониной.
Блюдо с присоленным говяжьим языком.
Блюдо с большим рождественским окороком.
Блюдо с головкой рождественского сыра.
Блюдо с белым хлебом.
Блюдо со сладкими хлебцами на патоке.
Блюдо с ржаным хлебом.
Кувшин можжевелевого кваса.
Кувшин с молоком.
Миску рисовой каши.
Поднос с сырными лепешками.
Вазу с черносливом.
Блюдо с яблочным пирогом.
Вазу со взбитыми сливками.
Вазу с клубничным вареньем.
Вазу с имбирными грушами.
Запеченного целиком молочного поросенка, украшенного сахарной глазурью.

Вот, кажется, и все. Я могла забыть три, ну от силы четыре, самое большее пять блюд, но остальное я все перечислила.

Они сидели за столом, эти старички и старушки из богадельни, и терпеливо ждали, пока всё прине-

сут. При виде каждого нового блюда их глаза разгорались все сильнее.

Наконец Эмиль пригласил их:

— Пожалуйста, налетайте!

И они принялись уплетать угощение так, что только за ушами трещало.

Альфред, Эмиль и маленькая Ида тоже сидели за столом. Но Ида съела всего несколько фрикаделек. Она все думала, уж не новая ли это проделка Эмиля, на самом деле. Она вдруг вспомнила: ой, и верно, ведь завтра утром к ним в Каттхульт на третий день праздника приедут в гости родственники из Ингаторпа! А тут вся праздничная еда исчезала прямо на глазах! Она слышала, как за столом хрустели, грызли, причмокивали и глотали. Казалось, стая хищных зверей набросилась на миски, блюда и подносы. Маленькая Ида понимала, что так жадно едят лишь изголодавшиеся люди, но это все равно было ужасно. Она дернула Эмиля за рукав и зашептала ему на ухо, чтобы никто не услышал:

— Ты уверен, что опять не напроказничал? Вспомни-ка, ведь завтра к нам приедут гости из Ингаторпа!

— Они и так толстые, хватит с них! — спокойно ответил Эмиль. — Куда лучше, если еда достанется тому, кому она и вправду нужна.

Но все же он немного испугался, так как, судя по всему, к концу пиршества не останется и полпальта. То, чего гости не могли съесть, они распахивали по карманам и сумам, блюда и миски опустошались в мгновение ока.

— Ну вот, я слопал грудинку, — вымолвил Калле Лопата, дожевывая последний кусочек.

— А я слопала селедочный салат, — сказала Пройдоха Фия.

Они говорили «слопал», «слопала», и это значило, что они съели все до крошки и что на блюде было пусто.

— Теперь мы слопали все дочиста, — сказал в конце концов Придурок Никлас, и правдивее этих слов он никогда в жизни не произносил.

Вот почему это пиршество прославилось на долгие времена как «великое опустошение Каттхульты», и о нем, к твоему сведению, долго не прекращались толки как в Лённеберге, так и в других приходах.

Лишь одно блюдо оставалось нетронутым — целиком запеченный молочный поросенок. Он лежал на столе и печально глядел своими сахарными квадратами вместо глаз.

— Чур меня, нечистая сила, упаси и помилуй! Поросенок похож на крошечное привидение, — сказала Пройдоха Фия. — Я и прикоснуться к нему боюсь.

Ни разу в жизни не пришлось ей видеть запеченного целиком молочного поросенка, да и другим беднякам тоже не выпадало такого случая. Поэтому-то и оробели они перед ним и даже не дотронулись до него.

— У вас случайно не осталось больше колбасы? — спросил Калле Лопата, когда все блюда были уже пусты.

И тогда Эмиль ответил, что на всем хуторе уцелела лишь одна колбаска, да и та насажена на колышек, который торчит из его волчьей ямы. Там она и останется как приманка для волка, которого он с нетерпением ждет, поэтому ни Калле и никто другой ее не получит.

Но тут Виберша всполошилась.

— Блаженная Амалия! — запрочитала она. — Про нее-то мы совсем забыли!

Она растерянно поглядела по сторонам, и взгляд ее остановился на поросенке.

— Пусть уж он достанется Амалии, а? Хоть он и похож на привидение! Как скажешь, Эмиль?

— Ладно, пусть ей будет поросенок, — со вздохом согласился Эмиль.

Тут бедняков так разморило от еды, что они не могли шевельнуться, а дотащиться до своей лачуги у них просто не хватило бы сил.

— А что если взять дровни? — предложил Эмиль.

Сказано — сделано. На хуторе были дровни — длинные и вместительные сани. На них можно было увезти сколько угодно стариков и старушек, даже отяжелевших после такого угощения.

Наступил вечер, зажглись звезды. В небе светила луна, а вокруг лежал пушистый, только что выпавший снег. Стояла мягкая зимняя погода — чудесная пора для катания на санках.

Эмиль и Альфред заботливо рассадили гостей на дровнях. Спереди восседала Виберша с поросенком, затем по порядку все остальные, а сзади — Ида, Эмиль и Альфред.

— Эй, поехали! — скомандовал Эмиль.

Сани быстро заскользили по склону холма. Ветер свистел в ушах, и старички и старушки кричали от восторга — уже так давно они не катались на санках! Ой как они кричали! Лишь один поросенок молча несся, как привидение, в лунной ночи на руках у старой бабки и тарашил немигающие глаза.

Ну а старостиха, что делала она? Об этом ты сейчас узнаешь. Я хотела бы, чтобы ты ее увидел, когда она возвращалась домой после прогулки за сырными лепешками в Скорпхульт! Вот она в серой шерстяной

шали, толстая и довольная, подходит к дому, достает ключ, вставляет его в замочную скважину и посмеивается при мысли, что сейчас увидит своих покорных и запуганных бедняков. В самом-то деле, должны же они наконец уразуметь, что хозяйка здесь она — одна над всеми!

Она поворачивает ключ, переступает порог и входит в сени... но почему такая тишина? Спят они, что ли, или сидят и смотрят хмуро исподлобья? Луна заглядывает в окно и освещает все углы дома, но почему же ни одной живой души не видно? *Потому что в доме никого нет!* Так-то, Командорша, нет там ни одной живой души!

Тут ее пробирает дрожь, она вся дрожит как осиновый лист: еще никогда в жизни ей не было так страшно. Как же они могли выбраться сквозь запертые двери? Никто, кроме ангелов Божьих... да, так оно и есть. Несчастливая, обманом отняла она у них колбасу, пальты, табак, и теперь ангелы Божьи унесли их туда, где живет лучше, чем в богадельне. Только ее бросили одну в нищете и горе, ох-ох-ох! И Командорша завывала, как собака.

Но вдруг слышится слабый голос. Он доносится из постели, где под одеялом лежит жалкая маленькая старушка.

— Чего это ты воешь? — спрашивает Блаженная Амалия.

Тут Командорша мгновенно преображается! Мигом выпытывает она у Амалии всю правду! На это она горазда!

И потом вприпрыжку несется в Каттхульт. Она снова загонит домой своих стариков, чтоб все было шито-крыто и никто в Лённеберге не болтал бы лишнего.

При свете луны Каттхульт так красив! Она видит, как сверкают в кухне огоньки, будто там зажжено множество свечей. И вдруг ей становится стыдно, и она не решается войти в дом. Сперва она хочет заглянуть в окно и удостовериться, вправду ли там пируют ее бедняки. Но для этого нужен ящик или другая подставка, чтобы забраться повыше. Старостиха идет к столярной в надежде увидеть что-нибудь подходящее. И в самом деле, она видит... Но не ящик, а колбасу. Вот так находка! На чистом снегу, освещенный луной, стоит колышек, а на нем небольшая колбаска, начиненная картошкой. Правда, сейчас старостиха так сыта, что чуть не лопается. Она вволю наелась сырных лепешек. Но вскоре ей снова захочется подкрепиться, и надо быть последней дурехой, чтобы колбаска зря пропала на морозе, думает она.

И, сделав шаг вперед, летит вниз.

Вот так ловили волков в Смоланде в стародавние времена.

В тот самый миг, в ту самую минуту, когда Командорша провалилась в волчью яму, праздник в Каттхульте закончился. Старички и старушки высыпали на двор и уселись в сани, чтобы ехать домой. Из волчьей ямы не доносилось ни звука. Поначалу старостиха не хотела звать на помощь. Она, видимо, надеялась, что как-нибудь выкарабкается сама.

А бедняки вихрем скатились с холма, и когда они подъехали к своей лачуге, то дверь — вот чудо! — оказалась открытой. Они тотчас, шатаясь, вошли в дом и сразу повалились на постели, разморенные едой и катанием на санях, счастливые впервые за долгие-долгие годы.

Обратно в Каттхульт Эмиль, Альфред и маленькая Ида возвращались при свете луны. В небе мерцали звезды, Эмиль и Альфред тащили дровни, а Ида позволили сесть в них и ехать в гору по отлогому склону, ведь Ида была совсем маленькой.

Если тебе случалось лунной ночью ехать на санях по такой вот зимней дороге в Лённебергской округе, ты знаешь, какая там стоит дивная тишина — будто вся земля заснула и спит беспробудным сном. Представляешь, как жутко среди полного безмолвия и тишины услышать кошмарнейший вой. Так вот, Эмиль, Альфред и Ида, ничего не подозревая, взбирались со своими санями на последний холм, как вдруг из волчьей ямы донеслось завывание, от которого у кого угодно застыла бы кровь в жилах. Маленькая Ида побледнела и сразу захотела к маме. Другое дело Эмиль! От радости он запрыгал, как дикий козел!

— В яму попал волк! — закричал он. — Вот это да! Где моя ружейка?

Чем ближе они подходили к дому, тем отчаяннее становился вой. Эхо разносило его по всему хутору, и казалось, что лес вокруг полон волков и что они отзываются на жалобный вопль плененного собрата.

Но Альфред сказал:

— Чудно́ воеет этот волк! Послушай-ка!

Они замерли на месте, освещенные лунным светом, и прислушались.

— На помощь! На помощь! На помощь! — вопил волк.

Тут у Эмиля радостно сверкнули глаза.

— Оборотень! — закричал он. — Правда, я не очень верю, что это оборотень!

Прыжок, другой, и он первым добрался до ямы. И тут Эмиль увидел, что за волка он поймал. И не оборотня вовсе, а злосчастную Командоршу!

Эмиль рассвирепел. Что ей надо в его яме?! Ведь он-то хотел поймать *настоящего* волка! Потом он задумался. Может, не так уж плохо, что старостиха угодила в яму? Не мешает проучить ее как следует, чтобы она подобрела и чтобы злости в ней поубавилось. А может, и совесть в ней проснется! И Эмиль закричал Альфреду и Иде:

— Сюда! Сюда! Посмотрите на эту страшную лохматую зверюгу!

Втроем они стояли на краю ямы и смотрели вниз на старостиху, которая в своей серой шерстяной шали и впрямь походила на волчицу.

— Ты точно знаешь, что это оборотень? — дрожащим голосом спросила маленькая Ида.

— Еще бы не оборотень! — ответил Эмиль. — Злобная старая волчица, получеловек-полуволицца — вот кто это, и опаснее ее на свете зверя нет!

— Ага! Оборотни еще страсть как прожорливы! — подхватил Альфред.

— Поглядите на нее, — сказал Эмиль. — Она, верно, немало сожрала на своем веку. Зато теперь ей конец. Альфред, дай-ка мою ружейку!

— Не стреляй, Эмиль, миленький, неужто ты не узнаешь меня?! — завопила Командорша, до смерти испугавшись, как только Эмиль заговорил про ружье. Она ведь не знала, что у Эмиля было только игрушечное ружье, которое ему смастерил Альфред.

— Слышал, Альфред, что прорычала волчица? — спросил Эмиль. — Я что-то не разобрал.

Альфред покачал головой:

— И я ничего не понял.

— А мне и дела нет до ее слов, — сказал Эмиль. — Дай-ка мою ружейку, Альфред.

Тогда старостиха заорала:

— Вы что, ослепли, что ли, это же я свалилась в яму!

— Что она говорит? — спросил Эмиль. — Хочет знать, видели ли мы ее тетку?

— Мы ее не видали, — поддержал мальчика Альфред.

— Нет, куда там, да и, к счастью, тетку ее тетки тоже, — выпалил Эмиль. — Иначе яма была бы битком набита старыми волчицами-оборотнями. Дай мою ружейку, Альфред!

Тут уж Командорша заголосила что было мочи, а потом, всхлипывая, забормотала:

— Вот злодеи, вот уж злодеи-то!

— Она говорит, что любит пальты? — удивленно спросил Эмиль.

— Да, ясное дело, любит, — ответил Альфред, — только у нас ни одного пальта нет.

— Не-а, во всем Смоланде не осталось больше ни единого пальта, — подтвердил Эмиль. — Все слопа-ла Командорша.

Старостиха завывала пуще прежнего. Она поняла, что Эмиль узнал, как подло она обошлась с Дурнем Юкке и другими бедняками. Она так убивалась, что Эмилю стало жаль ее, потому что сердце у этого мальчика было золотое. Но если хочешь, чтобы жизнь в богадельне стала лучше, так просто отпустить старостиху нельзя.

— Послушай-ка, Альфред, — сказал он, — приглядиись получше к волчице, по-моему, она чем-то похожа на Командоршу из богадельни, а?

— Ой, чур меня, упаси и помилуй! — воскликнул Альфред. — Да Командорша будет почище всех смоландских оборотней, вместе взятых.

— Это уж точно, — согласился Эмиль. — Ясное дело, волчицы-оборотни просто хорошие по сравнению с ней. Она-то никому добра не сделает! Все-таки интересно, кто в самом деле стащил ту колбаску из шкафа на чердаке?

— Я! — жалобно закричала Командорша. — Я! Сознаюсь во всем, только вытащите меня отсюда!

Эмиль и Альфред с улыбкой переглянулись.

— Альфред, — сказал Эмиль. — Ты что, ослеп? Неужто не видишь, что это Командорша, а никакой не оборотень!

— Что за наваждение! — воскликнул Альфред. — И как это мы могли так обознаться?

— Сам не понимаю, — ответил Эмиль. — Она похожа на волчицу-оборотня, только у той не может быть такой шали.

— Нет, шали у оборотней нет. Но вот усы тоже есть, верно?

— Ну и дела. Теперь, Альфред, надо помочь Командорше, тащи лестницу!

Наконец в волчью яму спустили лестницу. Старостиха с громким плачем выбралась наверх и бросилась наутек, только пятки засверкали. Никогда в жизни ноги ее больше не будет в Каттхульте! Но прежде чем старостиха скрылась за холмом, она обернулась и крикнула:

— Колбаску взяла я! Прости меня, Господи, но под Рождество я совсем забыла про это! Клянусь, что забыла!

— Хорошо, что ей пришлось посидеть здесь часок и вспомнить про свои подлости, — сказал

Эмиль. — Видать, не такая уж глупая выдумка эти волчьи ямы.

Командорша неслась вниз с холма во весь дух и порядком запыхалась, когда наконец добежала до богадельни. Все ее старички и старушки спали в своих завшивленных постелях, и Командорша ни за что на свете не рискнула бы теперь потревожить их сон. Она кралась по дому неслышно, словно призрак, чего никогда раньше не делала. Они все до одного были целы и невредимы. Она пересчитала их, как овец: Дурень Юкке, Калле Лопата, Юхан Грош, Придурок Никлас, Пройдоха Фия, Кубышка, Виберша и Блаженная Амалия — все были здесь, она всех их видела. Но вдруг она увидела еще кое-что. На столике возле постели Блаженной Амалии маячило... о ужас! там маячило привидение! Конечно, привидение, хотя оно и было похоже на поросенка. А может, это оборотень стоял и глазел на нее своими жуткими белесыми глазами?

Слишком много страхов выпало на долю Командорши за один день, и сердце ее не выдержало. Она со стоном рухнула на пол. Так она и лежала, словно убитая, пока солнце не заглянуло в окна богадельни.

Как раз в этот день родственники из Ингаторпа должны были приехать в гости в Каттхульт. Но вот беда, чем же их потчевать? Разве что свежепросоленным шпиком, сохранившимся в бочонке в кладовой, да жареной свининой с картошкой и луковым соусом — свининой, которую не стыдно подать на стол самому королю, случись ему заехать на хутор!

Но когда вечером мама Эмиля записывала в синюю тетрадь историю того дня, надо признаться,

она была очень огорчена, и листки бумаги по сей день хранят расплывшиеся кляксы, словно над листками этими кто-то плакал.

«ДЕНЬ МОЕЙ БИДЫ, — вывела она заголовок. И потом: — Сиводня он целый день просидел в столярке, бедный ребенок. Конечно, он мальчик благачистивый, но порой, сдается мне, он малость не в себе».

А жизнь в Каттхульте шла своим чередом. Минула зима, и наступила весна. Эмиль частенько сидел в столярной, а все остальное время играл с маленькой Идой, ездил верхом на Лукасе, возил в город молоко, дразнил Лину, болтал с Альфредом и выдумывал все новые и новые проказы, которые делали его жизнь богатой событиями и разнообразной. Так что к началу мая он уже вырезал не менее ста двадцати пяти деревянных старичков, красовавшихся на полке в столярке! Что за мастер был этот ребенок!

Альфред не проказничал, но и у него были свои огорчения, вот так-то. Ведь он до сих пор не отважился сказать Лине, что не хочет на ней жениться.

— Давай уж лучше я скажу, — предлагал Эмиль, но Альфред и слышать об этом не хотел.

— Я же тебе говорил, надо половчее, чтобы не обидеть ее.

Альфред, право же, был добрый мальй, и он никак не находил нужных слов, чтобы сказать о своем решении Лине. Но как-то субботним вечером в начале мая, когда Лина сидела на крыльце людской и упорно ждала, когда он подсядет к ней, Альфред решил: будь что будет! Свесившись из окна людской, он закричал ей:

— Слышь, Лина! У меня к тебе дельце. Я давно хотел тебе сказать...

Лина фыркнула. «Наконец-то дождалась чего хотела», — подумала она.

— Чего же, милый Альфред, — отозвалась она, — говори, что там у тебя?

— Да все, вишь, о женитьбе, ну, о чем мы раньше толковали... слышь, наплюем на эту женитьбу, ладно?

Да, так он и сказал, бедняга Альфред! То есть употребил еще более крепкое словцо. Ужасно, что все это приходится пересказывать. Может, и не следовало бы этого делать, так как я не хочу учить тебя скверным словам, наверно, ты уже немало знаешь их сам. Но ты должен помнить, что Альфред был всего-навсего простой работник из Лённеберги, куда ему до тебя! И он не сумел получше выразить свои мысли, хотя ломал себе голову много-много дней, бедняга Альфред!

Кстати, Лина не обиделась.

— Ты так думаешь? — спросила она. — Ну-ну, поживем — увидим!

И Альфред понял тогда, что, видно, ему никогда не избавиться от Лины. Но в тот вечер ему все же хотелось быть счастливым и свободным, и потому он вместе с Эмилем пошел на хуторское озеро удить окуней.

Вечер был такой прекрасный, какие бывают, наверно, только весной в Смоланде. Вся черемуха в Каттхульте стояла в цвету, пели дрозды, жужжала мошкара, и бойко клевали окуни. Эмиль с Альфредом сидели, глядя, как на зеркальной водной глади покачиваются поплавки. Говорили они мало, но им было

хорошо. Так до самого захода солнца просидели они на берегу, а потом отправились домой. Альфред нес на рогульке окуней, а Эмиль дул в дудку, которую Альфред вырезал ему из вербы. Они шли извилистой дорожкой по пастбищу, и над их головами шумели повесенному нежно-зеленые березовые листочки.

Эмиль так здорово дудел, что даже дрозды притихли от удивления. Внезапно Эмиль смолк, вынул дудку изо рта и спросил:

— Знаешь, что я сделаю завтра?

— Не-а, — ответил Альфред. — Небось опять напроказничаешь?

Эмиль снова сунул дудку в рот и стал наигрывать. Он шел, дудел и думал.

— Сам пока не знаю, — под конец сказал он. — Я никогда не знаю наперед, что еще натворю.

Жив еще Эмиль
из Леннеберги!

о всей Лённеберге, во всем Смоланде, во всей Швеции и, кто знает, может, на всем свете никогда не было большего проказника, чем Эмиль, который в прежние времена жил на хуторе Каттхульт близ Лённеберги, в провинции Смоланд. И подумать только! Ведь именно он, когда вырос, стал председателем муниципалитета. Да-да, он стал председателем и лучшим парнем во всей Лённеберге. Видишь ли, даже самые отчаянные проказники вырастают и со временем могут стать полезными людьми. Верно, это хорошо? Ты не согласен со мной? Да ты, конечно, и сам немало проказничал, а? Ах нет? Неужели я ошибаюсь?

Мама Эмиля, Альма Свенссон из Каттхульты, писала о всех его проделках в синих школьных тетрадках, которые прятала в ящике комода. В конце концов их там столько набилось, что ящик едва выдвигался, так как то одна, то другая тетрадка загибалась и вставала торчком. Эти синие тетради и по сей день хранятся в том же старом комоде, все, кроме трех, которые Эмиль однажды, когда ему понадобились

деньги, пытался продать учительнице воскресной школы. Когда же она не захотела их купить, он взял да и смастерил из них бумажные кораблики и пустил плавать в хуторской ручей, так что их больше никто не видел.

Учительница воскресной школы никак не могла понять, зачем ей покупать какие-то тетради у Эмиля.

— На что они мне? — удивленно спросила она.

— Чтобы читать детям и учить детей не быть такими плохими, как я, — сказал Эмиль.

Уж кто-кто, а Эмиль знал, каким он был озорником, но если когда и забывал об этом, то рядом всегда была Лина, служанка из Каттхульты; которая тут же напоминала ему, какой он сорванец.

— Что за прок держать тебя в воскресной школе? — твердила она. — С тебя все как с гуся вода. Нет, не бывать тебе в раю! Разве что там потребовалась бы гроза, понятно?

Лина хотела сказать, что где бы ни появлялся Эмиль, там тотчас поднималась суматоха, гремел гром и сверкали молнии.

— Сроду не видывала этакого пострела! — вздыхала Лина и брала с собой на пастбище маленькую Иду, сестренку Эмиля, которая собирала землянику, пока Лина доила хуторских коров. Ида нанизывала ягоды на соломинку и приносила домой по пять соломинок, густо усаженных земляникой. А Эмиль выклянчивал у нее всего лишь две соломинки — вот какой он был великодушный!

Только не думай, что Эмилю хотелось тащиться вместе с Линой и Идой на пастбище. Как бы не так! Ему по душе было занятие повеселее! Он хватал свои «шапейку» и «ружейку» и несся с ними

прямиком на лужайку, где паслись лошади. Там он вскакивал на Лукаса и мчался во весь опор сквозь заросли орешника, только земля из-под копыт летела в разные стороны. «Гусары Смоланда идут в атаку...» — вот как называлась эта игра. Гусар он видел на снимке в газете и знал, как они скачут верхом.

«Шапейка», «ружейка» и Лукас были, пожалуй, самыми дорогими сокровищами Эмиля. Лукаса Эмиль сам раздобыл на ярмарке в Виммербю после одного из своих лихих приключений. Потрепанную синюю кепчонку купил ему как-то папа. Ружье было игрушечное — его вырезал из дерева работник из Каттхульты, Альфред, потому что он очень любил Эмиля. Вообще-то Эмиль и сам запросто мог бы выстругать себе ружье. Уж если и был на свете мастак резать по дереву, так это Эмиль. Да и упражнялся он в этом деле прилежно. И вот почему. После каждой проделки Эмиля запирали в столярную, и там он обычно стругал из дерева маленького забавного старичка. Под конец у него набралось триста шестьдесят девять деревянных старичков. Они целы и по сей день — все, кроме одного, которого мама Эмиля закопала в землю за кустами смородины: уж больно он был похож на пастора! «Нельзя выставлять пастора в *таком* виде», — говорила мама.

Ну вот, теперь ты примерно знаешь, каким был Эмиль. Ты знаешь, что он проказничал круглый год — зимой и летом. А я как-то прочитала все эти синие тетради, и потому мне досконально известны все его приключения. Эмиль совершил немало и добрых дел. Справедливости ради надо вспомнить

всё, а не только его ужасные проказы. Впрочем, не все они были ужасны, многие и совсем безобидны. Собственно, только третьего ноября случилось нечто умопомрачительное... Нет, ни за что, и не прося, все равно не расскажу, что он натворил третьего ноября. Я этого никогда не сделаю, раз я обещала его маме. Лучше для примера возьмем день, когда Эмиль вел себя вполне прилично, хотя его папа наверняка думал иначе.

А именно...

Суббота, 12 июня

Как Эмиль заключил несколько сногшибательных, но удачных сделок на аукционе в Бакхорве

В одну из июньских суббот в Бакхорве проходил аукцион. Все хотели там побывать, так как во всей Лённеберге и во всем Смоланде не было зрелища более увлекательного. Папа Эмиля, Антон Свенссон, разумеется, тоже отправился туда, за ним увязались работник Альфред со служанкой Линой, и, уж конечно, дело не обошлось без Эмиля.

Если тебе когда-нибудь доводилось бывать на аукционе, ты знаешь, чем там занимаются. Ты знаешь, что, когда люди хотят продать свои вещи, они устраивают аукцион, чтобы другие могли поехать и купить то, что им приглянется. Хуторяне из Бакхорвы хотели распродать все до нитки, потому что собирались уезжать в Америку, как многие в те времена. Не тащить же им, в самом деле, с собой из Бакхорвы

деревянные кухонные диваны и сковородки, коров, поросят и кур. Вот почему в тот год, в самом начале лета, там должен был состояться аукцион.

Папа Эмиля надеялся подешевле купить корову, а если повезет, и поросую свинью, а может, и парочку кур. Вот почему он хотел побывать в Бакхорве, и вот почему Альфреду с Линой разрешено было сопровождать его. Ведь кто-то должен помочь ему пригнать домой скотину и птицу, которых он задумал купить!

— А вот зачем ехать с нами Эмилю, этого я никак в толк не возьму, — сказал папа.

— Там, поди, и без него шуму и грому хватает, нечего еще тащить с собой Эмиля, — поддакнула Лина.

Лина знала, как много свар и драк случается обычно на таких аукционах в Лённеберге и во всем Смоланде, так что по-своему она была права. Но мама Эмиля с укором взглянула на Лину и сказала:

— Если Эмиль хочет поехать со всеми на аукцион, то *пусть едет*, не твоего ума это дело. Подумай-ка лучше, как ты сама будешь вести себя. Не кривляйся и не гогочи, — ты ведь всегда это делаешь на людях.

Тут Лина смолкла.

Эмиль напялил свою кепчонку и собрался в дорогу.

— И мне что-нибудь купите, — попросила маленькая Ида, умильно склонив головку.

Она попросила, ни к кому, собственно, не обращаясь, просто так, но папа нахмурил брови:

— Купи да купи! Только и слышу. Разве я не купил тебе недавно мятных леденцов на целых

десять эре? В день твоего рождения, в январе, неужто забыла?

Эмиль как раз подумывал попросить у папы монетку — не ехать же на аукцион без единого эре в кармане, — но теперь это само собой отпало. Время было самое неподходящее. Это он понимал. Во всяком случае, если просить, то не теперь, когда все спешили и папа, готовый тронуться в путь, уже сидел в большой тележке, на которой возили молоко. «Но чего нельзя получить так, можно раздобыть иначе», — подумал Эмиль. С минуточку он напряженно размышлял, а потом сказал:

— Езжайте вперед, а я прискачу следом на Лукасе!

Папа Эмиля сразу заподозрил неладное, но ему хотелось уехать поскорее, и он сказал:

— Давай, давай, а то и вовсе оставайся дома! Спокойней будет!

Он щелкнул кнутом, и лошади понеслись. Альфред помахал Эмилю, Лина — маленькой Иде, а мама закричала папе:

— Смотрите не поломайте там руки-ноги, возвращайтесь домой целехоньки!

Мама сказала это, потому что она тоже знала, какие безобразия творятся порой на аукционах.

Пока молочная повозка не скрылась за поворотом, Эмиль стоял в дорожной пыли и глядел ей вслед. Но потом он заторопился, так как надо было срочно раздобыть денег. Как ты думаешь, что он для этого сделал?

Если бы ты жил в Смоланде и был ровесником Эмиля, ты бы знал, сколько ворот стояло, к счастью, в те времена на дорогах. Их ставили для того, что-

бы быки, коровы и овцы каждого смоландского крестьянина паслись только на пастбищах своих хозяев. А может, и для того, чтобы смоландские малыши могли хоть изредка заработать монетку в два эре, открывая ворота какому-нибудь ленивому крестьянину, которому надо было проехать дальше, но не хотелось слезать с повозки и самому отворять ворота.

Были ворота и в Каттхульте, но, по правде говоря, Эмиль не очень-то разжился на них, так как хутор стоял на отшибе и туда редко кто навевывался из прихода. Лишь один хутор лежал еще дальше Каттхульты — Бакхорва, где как раз и должен был состояться аукцион.

«Значит, тому, кто туда поедет, не миновать наших ворот», — решил Эмиль, этакий плутишка.

Битый час простоял он сторожем у ворот и заработал — подумать только — целых пять крон и семьдесят четыре эре. Повозки с лошадьми тянулись одна за другой, и только он закрывал ворота, как тотчас надо было снова их отворять.

Все крестьяне, спешившие в Бакхорву, были в хорошем настроении, потому что ехали на аукцион, и охотно швыряли монетки в два и пять эре в кепчонку Эмиля. Некоторые богатые крестьяне даже раскошеливались на десять эре, хотя, понятно, мигом в этом раскаивались.

А торпарь из Кроки разозлился, когда Эмиль захлопнул ворота перед самой мордой его сивой кобылки.

— Чего затворяешь ворота! — закричал он.

— Надо же мне сначала их закрыть, чтобы потом открыть.

— Чего ж ты в такой день не оставишь ворота открытыми? — зло спросил хуторянин из Кроки.

— Что я, рехнулся! — ответил Эмиль. — Это нынче-то, когда мне впервые есть хоть какая-то польза от этих старых ворот?

Но торпарь из Кроки огрел Эмиля кнутом и не дал ему ни пол-эре.

Когда все, кто собирался побывать на аукционе, проехали через Каттхульт и стоять у ворот стало незачем, Эмиль вскочил на Лукаса и понесся вскачь так резво, что в кармане его брючек забренчали монетки.

Аукцион в Бакхорве был уже в полном разгаре. Люди толпились вокруг вещей, расставленных рядами во дворе. При ярком солнечном свете они казались совсем неприглядными. Посреди толпы на бочку взобрался аукционщик. Ему давали хорошую цену за сковородки и кофейные чашки, за старые деревянные стулья и еще за многое другое. Понимаешь, так вот и бывает на аукционе: кто-нибудь выкрикивает, объявляя аукционщику, сколько он хочет заплатить за какую-нибудь вещь, ну а если найдется такой, кто хочет заплатить больше, то ему и достается кухонный диван или что-либо другое.

Когда на двор прискакал Эмиль верхом на Лукасе, народ всколыхнуло, словно ветром. В толпе зашушукались:

— Раз явился этот мальчишка из Каттхульты, лучше, пожалуй, ехать домой!

Эмиль же был настроен на крупные сделки, ему не терпелось начать торговаться, да и деньжата у него завелись, так что было от чего голове пойти

кругом. Не успев спешиться, он уже предложил три кроны за старую железную кровать, которая была ему нужна как телеге пятое колесо. К счастью, одна крестьянка предложила за кровать четыре кроны, и Эмиль избавился от ненужной покупки. Но он азартно продолжал набивать цену почти на всё без исключения и не успел опомниться, как — бах — стал хозяином трех вещей. Первой была выцветшая бархатная шкатулочка с мелкими голубыми ракушками на крышке — ну она-то еще пригодится маленькой Иде. Второй была лопата с длинной ручкой — сажать хлебы в печь. А третьей — старая ржавая пожарная помпа¹, за которую во всей Лённеберге никто не дал бы и десяти эре. А Эмиль выложил двадцать пять и тотчас получил ее.

«Вот беда, зачем она мне?» — подумал Эмиль. Но ничего не поделаешь — хотел он этого или нет, помпой теперь владел он.

Пришел Альфред, взглянул на покупки Эмиля и рассмеялся.

— Владелец помпы Эмиль Свенссон, — сказал он. — На что тебе, собственно говоря, эта штуковина?

— А если грянет гром и вспыхнет пожар? — ответил Эмиль.

И в тот же миг *грянул* гром — так, во всяком случае, вначале подумал Эмиль. Но это был всего-навсего папа Эмиля, который схватил сына за шиворот и тряхнул так, что кудри мальчика растрепались.

— Ах ты, неслух! — крикнул папа Эмиля. — Что ты еще надумал?

¹ Помпа — насос.

А дело было так. Антон Свенссон спокойно прогуливался возле хлева и присматривал себе корову, когда примчалась запыхавшаяся Лина.

— Хозяин, хозяин, Эмиль тут — всю скупает помпы и еще всякую всячину. Разве ему позволено?

Папа не знал, что у Эмиля были свои собственные деньги, и подумал, что ему самому придется расплачиваться за покупки Эмиля. Поэтому неудивительно, что папа побледнел и затрясся, услышав о насосе.

— Пусти меня! Я все купил на свои деньги!.. — кричал Эмиль.

Ему все же удалось растолковать отцу, как он добыл свое великое богатство — всего-навсего открывая ворота в Каттхульте. Папе Эмиля, конечно, понравилось, что Эмиль такой дельный и толковый. Но ему не понравилось, что Эмиль так не по-деловому и бестолково сорит деньгами.

— Ни о каких дурацких сделках я и знать не хочу, — строго сказал папа.

Он потребовал показать ему все, что приобрел Эмиль. И очень расстроился, увидев покупки сына: старую бархатную, ни на что не годную шкатулочку и лопату для хлеба — к чему она, когда дома в Каттхульте у них своя, хорошая. Дурацкие покупки! Хотя никудашнее всего, конечно, помпа.

— Заруби себе на носу! Покупать надо только самое необходимое, — изрек папа Эмиля.

Может, он и прав, кто спорит, но как знать, что необходимо? Лимонад, например, необходим? Эмиль, во всяком случае, был убежден, что необходим. Огорченный отцовской взбучкой, он слонялся без дела, пока не обнаружил беседку среди кустов сирени,

где продавали пиво и лимонад. Ох уж эти хуторяне из Бакхорвы, вечно что-нибудь придумают! Из пивоварни в Виммербю они привезли на аукцион несколько ящиков с пивом и лимонадом, чтобы напоить жаждущих.

Эмиль как-то раз в жизни уже пил лимонад. И он очень обрадовался, когда увидел, что здесь его тоже продают. А у него ведь карман набит деньгами. Подумать только, как все сошлось, какая везуха!

Эмиль попросил три кружки лимонада и выпил их разом. Но тут снова грянул гром. Неожиданно откуда-то опять вынырнул отец. Схватив сына за шиворот, он так тряхнул его, что лимонадный газ, шипя, ударил Эмилю в нос.

— Экий неслух! Стоишь тут и прохлаждаешься, лимонад пьешь! В кои-то веки удалось заработать немного деньжат...

Но тут Эмиль разошелся не на шутку.

— Ты что это, в самом деле! — сердито заорал он, не скрывая своего возмущения. — По-твоему, *нет* у меня денег — я *не могу* пить лимонад! А *есть* у меня деньги — мне *нельзя* пить лимонад! Когда же мне, черт возьми, пить лимонад?

Папа Эмиля строго посмотрел на него:

— Вот запрю тебя в столярке, когда вернемся домой! — и, не говоря больше ни слова, исчез на задворках. А Эмиль остался на месте.

Он горько каялся, понимая, как плохо вел себя. Мало того, что нагрубил отцу, так еще — хуже некуда — помянул черта. Это ведь почти ругательство, а ругательства в Каттхульте строго-настрого запрещены. Ведь папа Эмиля был церковным старостой!.. Эмиль раскаивался несколько минут, а потом купил

еще кружку лимонада и угостил Альфреда. Они сели у дровяного сарая и болтали, пока Альфред не выпил свой лимонад.

— Ничего вкуснее я за всю свою жизнь не пробовал, — сказал он.

— Ты не видел Лину? — спросил Эмиль.

Тут Альфред показал большим пальцем туда, где, прислонившись к изгороди, на траве сидела Лина. Возле нее пристроился торпарь из Кроки, тот самый, который огрел Эмиля кнутом. Сразу было видно, что Лина забыла наказ хозяйки, — она кривлялась и гоготала, как всегда, когда бывала на людях. Видно было также, что торпарю нравилось ее кривлянье, и, увидев это, Эмиль повеселел.

— Знаешь, Альфред, женить бы нам Лину на торпаре из Кроки, — мечтательно сказал он. — Тогда бы ты, может, и вовсе от нее избавился.

Дело в том, что Лина определила Альфреда себе в женихи и собиралась выйти за него замуж, хотя Альфред противился этому изо всех сил. Альфред с Эмилем уже давно ломали голову, как им спасти Альфреда от Лины. А тут оба они воспрянули духом.

Подумать только, заполучить этого торпаря из Кроки в женихи Лине! Никто не спорит, он стар, ему под пятьдесят, и он совсем лысый, но все же у него есть свой хуторок, хоть и арендованный, и Лине наверняка придется по душе там хозяйничать.

— Мы уж позаботимся о том, чтобы никто не подошел и не помешал им, — сказал Эмиль.

Он знал, что Лине придется немало покривляться и поломаться, пока торпарь из Кроки со-

всем потеряет голову и в самом деле попадетя на крючок.

Тем временем на задворках возле хлева начали продавать скот, и Альфред с Эмилем пошли туда поглазеть.

Папа Эмиля очень удачно выторговал свинью, которая вот-вот должна была опороситься. Но из-за коров начался спор. Один крестьянин из Бастефаля хотел заграбастать всех семерых коров, и папе Эмиля пришлось предложить восемьдесят крон за ту корову, которую он себе присмотрел. Он тихо постанывал, выкладывая этакую неслыханную сумму, и у него уже не оставалось денег даже на покупку кур. Их купил тот же крестьянин из Бастефаля. Только одну он не захотел взять.

— На что мне хромая курица, — сказал оң. — Сверните ей шею, и делу конец.

У хохлатки, которой крестьянин из Бастефаля советовал свернуть шею, была сломана ножка, кость срослась неправильно, и злосчастная курица отчаянно хромала. На пригорке возле хлева рядом с Эмилем стоял один из хозяйских мальчишек, вот он и буркнул Эмилю:

— Ну и глупый же дед, не хочет брать Лотту-хромоножку. А она несется лучше всех кур, ей-ей!

Тогда Эмиль громко крикнул:

— Двадцать пять эре за Лотту-хромоножку!

Все рассмеялись. Разумеется, все, кроме папы Эмиля. Он подскочил к Эмилю и схватил его за шиворот:

— Ах ты, неслух! Сколько еще глупостей ты собираешься натворить за один день? Погоди, насидишься у меня в столярке!

Но сказано — сделано. Эмиль предложил двадцать пять эре, и отступить было поздно. Лотта-хромоножка стала его собственностью, нравилось это папе или нет.

— Во всяком случае, теперь у меня две собственные животинки, — сказал он Альфреду. — Один конь и одна курица.

— Да, верно, конь и хромая курица, — добродушно поддакнул Альфред и, как всегда, рассмеялся.

Эмиль посадил Лотту-хромоножку в ящик и поставил его у дровяного сарая среди прочих своих сокровищ. Там у него были: помпа, лопата, бархатная шкатулочка и стреноженный Лукас. Эмиль оглядел свое имущество и остался очень доволен.

Ну а как там дела у Лины с торпарем из Кроки? Эмилю и Альфреду пришлось прогуляться туда-сюда, прежде чем удалось выяснить обстановку, и они порадовались, что Лина их не подвела: торпарь из Кроки обнимал ее за талию, а Лина кривлялась и гототала больше, чем обычно. Время от времени она так толкала локтем своего кавалера, что он отлетал к изгороди.

— Видать, это ему по вкусу, — сказал Эмиль. — Только бы она не зашибла его до смерти.

Эмиль и Альфред от души радовались тому, как вела себя Лина. Но кое-кому кривлянье Лины не понравилось. И это был Бультен из Бу.

Он был самый отчаянный драчун и самый горький пьяница во всей Лённеберге, и если на аукционах случались свалки, то главным образом по вине Бультена: ведь чаще всего затевал их он. Ты должен знать, что в те времена работник трудился не разги-

бая спины от зари до зари, не зная никаких развлечений, весь год напролет. Поэтому такой вот аукцион был для него настоящим праздником, и больше всего ему хотелось на празднике подраться. Иначе он не знал, как совладать с той неведомой темной силой, которая вдруг вскипала в нем, когда он появлялся на людях и пропускал несколько стаканчиков крепкого вина. К сожалению, не все на аукционе пили только лимонад. По крайней мере, Бультен из Бу лимонада не пил.

Он проходил мимо и, увидев, как Лина кривлялась перед торпарем из Кроки, сказал:

— И не стыдно тебе, Лина! На что тебе сдался этот облезлый старый кролик? Уж больно стар он для тебя, неужто ты сама не видишь?

Вот так и начинаются драки.

Эмиль с Альфредом увидели, как разозленный торпарь из Кроки отпрянул от Лины. Хорошенькое дело, только этого недоставало! Неужто Бультен из Бу разрушит все, что задумали Эмиль с Альфредом?

— Сиди, сиди, пожалуйста! — испуганно закричал Эмиль торпарю из Кроки. — С Бультенем я разделаюсь сам!

Подняв свою лопату, он легонько саданул Бультена по спине. Этого-то и не следовало делать. Бультен обернулся и схватил Эмиля. От злости лицо его перекопилось. Эмиль повис в огромных ручищах Бультена, думая, что настал его последний час.

— Отпусти мальчонку, — закричал Альфред, — а не то костей не соберешь, не будь я Альфред!

Альфред был тоже не робкого десятка, да и руки у него чесались подраться. Не прошло и двух

секунд, как он схватился с Бультемом так, что кости затрещали. Все этого только и ждали.

«Не пора ли и нам подраться?» — думали работники. Теперь они бежали со всех сторон, чтобы успеть принять участие в драке.

— Это они из-за меня дерутся! — заголосила Лина. — Вот драма-то какая! Вот беда-то!

— Большой беды не случится, ведь у меня в руках лопата, — утешил ее Эмиль.

Бросившиеся в драку молодцы сбились в огромную кучу и, сцепившись, шевелились в ней, точно раки: они толкались и вырывались, кусались, били и молотили друг друга, ругались и орали. Изпод этой кучи силились выбраться Альфред вместе с Бультемом и торпарем из Кроки и еще кое-кто.

Эмиль испугался, что они раздавят его дорогого Альфреда, и сунул лопату в кучу, стараясь помочь другу. Но из этого ровно ничего не вышло: куда бы ни бросался Эмиль, отовсюду высовывалась чья-нибудь грозная пятерня, которая пыталась сбить его с ног и втянуть в драку.

Эмилю этого вовсе не хотелось. Поэтому он вскочил на Лукаса и давай скакать вокруг дерущихся! Гарцуя на коне с развевающимися волосами и с лопатой в правой руке, он немного смахивал на рыцаря, который с поднятым копьём бросается в самую гущу сражения.

На скаку Эмиль расталкивал своей лопатой драчунов. Верхом на лошади сподручнее управляться с лопатой, и Эмилю в самом деле удалось разогнать тех, кто был на самом верху. Но то и дело набегали новые молодцы и очертя голову бросались в драку.

И как бы ловко ни орудовал Эмиль лопатой, высвободить Альфреда он не мог.

Женщины и дети плакали и кричали от испуга, а папа Эмиля и другие рассудительные хуторяне держались в стороне и тщетно зывали:

— Ну, парни, пора кончать! Поди, много будет еще аукционов. Поберегите кровушку и для другого раза!

Но парни вошли в раж и ничего не слышали. Они хотели только драться, драться и драться.

Эмиль отшвырнул лопату в сторону.

— Ну-ка, Лина, помоги мне, — сказал он. — Нечего нюни распускать. Видишь, жених твой в самом низу!

Я уже говорила, что Эмиль был мальчонка сметливый. Отгадай, что он сделал? У него была помпа, а в колодце была вода. Он велел Лине качать воду, а сам взялся за шланг, и вода хлынула так весело, что любо-дорого смотреть.

Вся эта куча мала дрогнула, когда в нее что есть силы ударила струя холодной воды. И хочешь — верь, хочешь — нет, Эмиль поработал шлангом всего лишь несколько минут — драка стала стихать и сама по себе прекратилась. Одно за другим высывались из кучи распухшие удивленные лица, и все драчуны постепенно поднимались на ноги.

Запомни: коли попадешь в драку и захочешь положить ей конец — холодная вода куда лучше лопаты. Не забывай об этом!

И работники вовсе не думали сердиться на Эмиля. Теперь, поразмявшись и избавившись от бродившей в них дикой силы, они были даже довольны, что драка кончилась.

— К тому же через неделю будет аукцион в Кнасхульте, — сказал Бультен из Бу и сунул клочок мха в нос, чтобы остановить кровь.

Эмиль тут же подскочил к хозяину Кнасхульты, который тоже был там и видел драку, и продал ему помпу за пятьдесят эре.

— На этом деле я заработал двадцать пять эре, — сказал Эмиль Альфреду, и примерно тогда уже Альфред понял, что из Эмиля, когда он подрастет, выйдет крупный делец.

Аукцион кончился, и все, собрав купленные в Бакхорве вещи, скотину и птицу, заторопились домой. Папа Эмиля тоже отправился домой со своей коровой и свиньей.

Свинью погрузили на повозку, и Лотту-хромоножку — тоже, хотя папа Эмиля недовольно косился на ящик с курицей. Все думали, что купленная папой корова Рёлла побредет следом за повозкой, но никто не спросил у нее, что *она сама* думает об этом.

О бешеных быках тебе, наверно, доводилось слышать. А знаешь ли ты что-нибудь о бешеных коровах? Могу тебе сказать, что когда корова разозлится по-настоящему, то даже у самых бешеных быков поджилки трясутся и они в страхе убегают и прячутся.

Эта Рёлла всю жизнь была самой добродушной и кроткой скотиной, какую только можно вообразить. Но когда Альфред с Линой пришли, чтобы вывести ее из хлева на большак и погнать домой в Каттхульт, она с силой вырвалась и заревела так бешено, что все, кто был на аукционе, в ужасе подскочили. Может, она видела, как дрались работники, и подума-

ла: «На войне как на войне» или «Аукцион так аукцион». Во всяком случае, она словно взбесилась, и подойти к ней было просто опасно. Первую попытку сделал Альфред, а за ним — папа Эмиля. Но Рёлла, опустив рога, с безумными глазами и яростным ревом бросилась на них. Оба — и Альфред, и папа Эмиля — пустились наутек, словно зайцы, спасая свою жизнь. На помощь прибежали другие крестьяне, но Рёлла никого не подпускала к хлеву и быстро всех разогнала.

— Драма-то какая! Вот беда-то! — сказала Лина, увидев, как хозяин Бакхорвы, торпарь из Кроки, другие хуторяне, а также Бультен из Бу бегут сломя голову, а Рёлла гонится за ними по пятам.

Под конец папа Эмиля совсем потерял голову и заорал:

— Я отдал за это чучело коровы восемьдесят крон! С меня хватит! Где ружье? Ее надо пристрелить!

Выговорив эти слова, он дрогнул. Но какой прок от бешеной коровы? Это он и сам понимал, да и другие тоже. Хозяин Бакхорвы принес заряженное ружье и сунул в руки папе Эмиля:

— Лучше уж ты сам!

Но тут Эмиль как закричит:

— Стойте, погодите!

Я уже говорила, что Эмиль был сметливый мальчонка. Он подошел к отцу и попросил:

— Раз ты все равно хочешь убить Рёллу, лучше отдай ее мне.

— А тебе-то на что бешеная корова? — спросил папа. — Охотиться на львов? — Но папа-то знал, что Эмиль умеет обращаться со скотиной, и потому

сказал: — Сумеешь довести Рёллу до Каттхультя, она будет на веки вечные твоей собственной, какой бы бешеной она ни была.

Тогда Эмиль пошел к крестьянину из Бастефаля, тому самому, что купил шесть коров, и спросил его:

— Сколько ты мне заплатишь, если я погоню твоих коров до самого Каттхультя?

Хутор Бастефаль был далеко, на другом конце прихода, и гнать туда перед собой шесть коров не очень-то весело, это хозяин Бастефаля хорошо знал. Поэтому он тотчас вытащил из кармана брюк двадцать пять эре.

— Ступай! — согласился он. — Вот тебе монета.

Угадай, что потом сделал Эмиль? Он шмыгнул мимо Рёллы в хлев и отвязал коров, которые там стояли. Едва он выгнал их во двор, как Рёлла сразу перестала реветь и опустила глаза, словно ей стало стыдно. Но что было делать несчастной корове, когда ее выгоняли из родного хлева, где оставались другие ее товарки, с которыми она привыкла всегда быть вместе? Она разозлилась и обиделась, но догадался об этом лишь один Эмиль.

А теперь Рёлла послушно затрусилась по дороге вместе с другими коровами, и все, кто был на аукционе, рассмеялись и решили:

— Нет, этот мальчонка из Каттхультя не так уж и прост!

И Альфред тоже смеялся.

— Эмиль Свенссон — скотовладелец, — сказал он. — Теперь у тебя есть конь, хромяя курица и бешеная корова, чего бы тебе еще хотелось?

— Ладно, придет время, и у меня наверняка всего станет больше, — спокойно ответил Эмиль.

Мама Эмиля стояла у кухонного окна в Каттхульте, поджидая с аукциона мужа и сына. Когда она увидела на дороге величественный караван, глаза у нее полезли на лоб. Впереди — повозка с папой Эмиля и Альфредом, Линой, поросой свиньей и Лоттой-хромоножкой, которая громко кудахтала, радуясь только что снесенному яйцу. За повозкой одна за другой *семь коров* и, наконец, гарцующий на Лукасе Эмиль, который деревянной лопатой поддерживал порядок, следя за тем, чтобы ни одна корова не отбилась от стада.

Мама Эмиля кинулась во двор, за ней выскочила маленькая Ида.

— *Семь коров!* — закричала мама папе Эмиля. — Кто из нас спятил — ты или я?

— Не мы, а корова, — буркнул папа.

Но ему еще долго пришлось бурчать, прежде чем мама поняла, в чем дело.

— Спасибо тебе, Эмиль! Но как ты все-таки мог узнать, что моя лопата на днях треснула надвое, когда я сажала хлебцы в печь?

Потом она ахнула, увидев нос Альфреда, ставший вдвое толще прежнего.

— Где это тебя угораздило? — спросила мама Эмиля.

— На аукционе в Бакхорве, — ответил Альфред. — А в следующую субботу надо ехать в Кнасхульт с такой вот дулей.

Лина, мрачная и раздосадованная, слезла с повозки. Теперь она не кривлялась и не гоготала.

— Что это у тебя такой кислый вид? — спросила мама Эмиля. — Что стряслось?

— Зуб болит, — отрезала Лина.

Торпарь из Кроки то и дело угощал ее леденцами, и от них у нее так разболелся коренной зуб с дуплом, что голова прямо-таки раскалывалась.

Но болит зуб или не болит, надо немедля отправляться на выпас доить хуторских коров, потому что время дойки уже миновало.

Время доить Рёллу и других коров с аукциона тоже давно прошло, и они напоминали об этом громким мычанием.

— Я не виноват, что хозяина Бастефаля здесь нет и он не может подоить своих дохлых коров, — сказал Эмиль и уселся доить сам — сперва Рёллу, а потом и остальных коров.

И он надоил тридцать литров молока, которое мама поставила в погреб, а потом сварила из этого молока сыр. К радости Эмиля, ему досталась громадная головка вкусного сыра, и он долго им лакомился.

А яйцо, которое Лотта-хромоножка снесла по дороге домой, Эмиль сразу же сварил и положил на кухонный стол, за которым его папа, насупив брови, ждал ужина.

— Это от Лотты-хромоножки, — сказал Эмиль.

Потом он налил папе стакан парного молока.

— А это от Рёллы, — угощал он.

Папа молча ел и пил, пока мама Эмиля сажала в печь караваи хлеба. Лина положила горячую картофелину на больной зуб, и зуб заныл в семь раз сильнее прежнего — все было точь-в-точь как она и ждала.

— Эй, знаю я тебя, — сказала Лина зубу. — Коли ты глуп, то я и подавно могу быть глупой.

Альфред рассмеялся.

— Торпарь из Кроки сумел-таки подъехать к тебе с леденцами, — сказал он. — Вот теперь и иди за него замуж!

Лина фыркнула:

— Больно надо за этакого-то сморчка! Ему уже пятьдесят лет, а мне только двадцать пять. По-твоему, мне нужен муж в два раза старше меня?

— Ну и что! — сказал Эмиль. — Какая разница?

— Ишь какой, — ответила Лина. — Теперь еще куда ни шло, но поразмысли: когда мне пятьдесят стукнет, а ему сто — вот тогда будет мороки с ним, упаси меня Бог!

— По уму твоему, Лина, ты и счет ведешь, — сказала мама, затворяя печь заслонкой. — Ну что за чудесная лопата! — похвалила она.

Когда папа съел яйцо и выпил молоко, Эмиль сказал:

— Ну а теперь пойду-ка я в столярку!

Папа буркнул, что, мол, на этот раз Эмилю все не обязательно там сидеть, раз все обошлось.

— Нет уж, слово есть слово! — заявил мальчик.

Он молча и чинно отправился в столярную стругать сто двадцать девятого деревянного старичка.

А Лотта-хромоножка уже сидела на своем насесте в курятнике; Рёлла же, вполне довольная, бродила на выпасе вместе с другими хуторскими коровами. Тем временем за своими шестью коровами пришел крестьянин из Бастефаля. Они с папой долго болтали об аукционе и обо всем, что там случилось, и прошло немало времени, прежде чем папа смог

пойти за Эмилем, чтобы выпустить его. Но только хозяин Бастефаля отправился в путь, как папа поспешно направился к сыну.

Подойдя к столярной, он увидел маленькую Иду — девочка пристроилась на корточках на скамейке под оконцем. В руках она держала бархатную шкатулочку, украшенную ракушками. Она держала ее так, словно у нее в жизни ничего дороже не было. Собственно, так оно и было. И папа Эмиля буркнул:

— Дурацкая покупка! Старая бархатная шкатулка!

Маленькая Ида не заметила, как подошел папа; доверчиво и послушно повторяла она за Эмилем те слова, которые он ей шептал из темной столярной. Папа побледнел, услышав их, ведь грубее этих слов в Каттхульте никогда не произносили. И они звучали ничуть не лучше оттого, что Ида произносила их нежным, ласковым голоском.

— Замолчи, Ида! — рявкнул папа.

Просунув пятерню в оконце, он схватил Эмиля за шиворот:

— Ах ты, неслух! Сидишь тут и учишь сестренку ругаться!

— Вовсе нет, — ответил Эмиль. — Я ей только сказал, чтоб она не смела говорить «черт возьми», и заставил выучить еще и другие слова, которых надо бояться как огня.

Вот теперь ты знаешь, чем занимался Эмиль двенадцатого июня, и, если даже не все обошлось гладко, надо все же признать, что в тот день он совершил удачные сделки. Подумать только! Раздобыл за один

раз добрую молочную корову, отличную куру-несушку, чудесную хлебную лопату да еще молоко, которого хватило на громадную головку вкусно-превкусного сыра.

Единственное, что огорчало папу, была старая бархатная шкатулочка, ни на что не годная, но она очень полюбилась маленькой Иде. Девочка сложила в нее свой наперсток, ножницы, красивое голубое стеклышко и красную ленту для волос. А из шкатулки выбросила на пол связку старых писем. Выйдя из столярной в субботу вечером, Эмиль явился на кухню и сразу увидел в углу эти письма. Он их тут же и подобрал. Альфред расхаживал по кухне с хлопущей и усердно бил мух, чтобы Лина в воскресенье могла спокойно отдохнуть. Эмиль и показал Альфреду связку писем.

— Все может стодиться, — сказал Эмиль. — Коли мне когда-нибудь понадобится послать письмо, у меня будет целая груда уже написанных.

Первым в связке лежало письмо из Америки, и Эмиль даже присвистнул, увидев его.

— Чудеса в решете, Альфред, глянь-ка, тут письмо от Адриана!

Адриан был старший сын хозяев Бакхорвы, который давным-давно уехал в Америку и за все время только разок написал домой. Об этом знала вся Лённеберга, и все были сердиты на Адриана и жалели его бедных родителей. Но что написал Адриан в этом письме, которое наконец пришло в Бакхорву, никто не знал. В Бакхорве об этом помалкивали.

— Небось теперь все можно узнать, — сказал Эмиль. Он сам научился читать как по-печатному,

так и по-письменному. Мальчик-то он был толковый!

Эмиль открыл конверт, вынул письмо и прочел его вслух Альфреду. На это не ушло много времени, так как письмо было коротким. Вот что в нем было написано:

«Я видел Мидведя. Шлю вам адресс. Гуд бай покедова».

— От этого письма вряд ли мне будет какой прок, — молвил Эмиль.

Ну да это еще как сказать!

Наступил вечер. Суббота, двенадцатое июня, подходила к концу, ночь спустилась над Каттхультом, даруя покой и тишину всем, кто там жил, и людям, и животным. Всем, кроме Лины, у которой болел зуб. Она лежала без сна на своем деревянном диване, не в силах уснуть, стонала и причитала, а тем временем короткая июньская ночь пролетела, и настал новый день.

Еще один новый день в жизни Эмиля!

Воскресенье, 13 июня

Как Эмиль трижды храбро пытался вырвать у Лины коренной зуб, а потом выкрасил маленькую Иду в фиолетовый цвет

Коров все равно надо доить, будь то воскресенье или будний день. В пять утра на кухне затрещал будильник, и Лина, сама не своя от зубной боли, пошатываясь, встала с постели. Взглянув на себя

в зеркало над комодом, она пронзительно вскрикнула:

— Ну и видик у меня!

Правая щека ее распухла и стала похожа на пшеничную булку, испеченную на свежих дрожжах. Вот ужас-то! Лина разревелась.

Теперь ее и в самом деле было жаль. Именно сегодня в Катгхульт на чашку кофе должны были съехаться после обедни гости со всей округи.

— И показаться на людях не смогу, этакая я разнощекая, — всхлипнула Лина и побрела доить коров.

Но долго горевать о своих разных щеках ей не пришлось. Не успела она опуститься на скамеечку перед коровой, как прилетела оса и ужалила Лину в левую щеку. Казалось бы, теперь она могла успокоиться, потому что левая щека мгновенно вспухла и стала так же похожа на булку, как и правая. Лина получила то, чего желала, — стала равнощекой. Однако она заревела пуще прежнего.

Когда Лина вернулась на кухню, все сидели за столом и завтракали. И можно сказать, вылупили глаза, увидев это заплаканное, красноглазое, булкообразное существо, которое вдруг явилось в дверях и напоминало Лину. Бедняжка, при виде ее немудрено было расплакаться. И поэтому со стороны Эмиля было не очень-то хорошо засмеяться. В ту минуту, когда вошла Лина, Эмиль как раз поднес стакан молока ко рту, и, едва взглянув на нее поверх стакана, он фыркнул. Молоко брызнуло через стол прямо на папин праздничный жилет. Даже Альфред не удержался и хихикнул. Мама Эмиля строго посмотрела на сына, потом на Альфреда и

сказала, что смеяться не над чем. Но, вытирая папин жилет, искоса сама взглянула на Лину и поняла, почему Эмиль фыркнул. Но ей, конечно, было жаль Лину.

— Бедняжка, — сказала мама. — До чего у тебя глупый вид — нельзя показываться на людях. Эмиль, сбегай-ка к Крёсе-Майе и попроси ее помочь нам приготовить кофе.

Пить кофе после воскресной обедни в Лённеберге любили, и в окрестных хуторах наверняка обрадовались, когда получили письмо от мамы Эмиля:

*«Дарагие Дамы и Гаспада, не пожелаете ли пре-
ехать к нам на чашку кофе нынче в воскресенье.
Миластиво просим*

*Альма и Антон Свенссоны.
Каттхульт, Лённеберга».*

Настало время ехать в церковь. И мама с папой укатили, — ведь им, прежде чем пить кофе, надо было побывать в церкви.

А Эмиль послушно отправился с маминым поручением к Крёсе-Майе. Утро выдалось чудесное, и Эмиль, весело насвистывая, шагал по тропинке к домику Крёсы-Майи. Она жила на старом торпе в лесу.

Если тебе доводилось бывать в смоландском лесу в июне ранним воскресным утром, ты сразу вспомнишь, каков этот лес. Услышишь и как кукует кукушка, и как дрозды выводят трели, словно играют на флейте. Почувствуешь, как мягко стелется под босыми ногами хвойная тропинка и как ласково пригревает солнце затылок. Ты идешь и вдыхаешь смолистый запах елей и сосен, любишься белыми

цветами земляники на полянках. Вот таким лесом и шел Эмиль. Поэтому он не спеша дошел до лачуги Крёсы-Майи. Серенькая маленькая скособоченная лачуга едва виднелась среди старых елей.

Крёса-Майя сидела и читала газету «Смоландский вестник», в одно и то же время ужасаясь и радуясь тому, что там писали.

— В Йёнчёпинг пришел тиф, — сказала она, не успев даже поздороваться с Эмилем, и сунула ему газету под нос, чтобы он сам убедился в этом. И верно, в газете сообщалось, что два жителя Йёнчёпинга тяжело заболели тифом. Крёса-Майя, довольная, покачала головой.

— Тиф — страшная болезнь! — сказала она. — Скоро тиф и до Лённеберги доберется, помни мое слово!

— Это почему? Как он может сюда попасть? — удивился Эмиль.

— Покуда ты тут стоишь, он летит над всем Смоландом, словно пух одуванчика, — молвила Крёса-Майя. — Целые килограммы семян тифа! Да поможет Господь тому, в ком они пустят корни.

— А какой он, этот тиф? Похож на чуму, что ли? — спросил Эмиль.

О чуме Крёса-Майя уже как-то рассказывала. Она знала о всех болезнях и напастях, но чума, как она уверяла, была самая страшная болезнь. Просто жуть! В былые времена, давным-давно, она унесла в могилу чуть ли не всех жителей Смоланда, и подумать только, вдруг и тиф окажется таким же ужасным!

Крёса-Майя призадумалась.

— Да, тиф почти что чума, — сказала она, довольная. — Точно я не знаю, но помнится, будто

сперва от тифа люди с лица синеют, а после помирают. Да, тиф — ужасная болезнь, ох-хо-хо!..

Услыхав о больном зубе Лины и ее распухших щеках, Крёса-Майя пообещала прийти в Каттхульт как можно быстрее и помочь сварить кофе.

Эмиль отправился домой и застал Лину на ступеньках крыльца. Она сидела и рыдала от зубной боли, а рядом в полной растерянности стояли Альфред и маленькая Ида.

— Знаешь, тебе все же лучше пойти к Пелле Ковалю, — предложил Альфред.

Пелле Коваль был кузнецом в Лённеберге; это он вырывал лённебержцам больные зубы своими огромными страшными клещами.

— А сколько он берет за то, чтобы выдрать зуб? — выдавила, всхлипывая, Лина.

— Пятьдесят эре в час, — ответил Альфред, и Лина содрогнулась, услышав, как дорого и долго рвать зуб.

Эмиль глубоко задумался, а потом сказал:

— Я, верно, смогу дешевле и быстрее вырвать зуб, я знаю средство! — И он объяснил Лине, Альфреду и маленькой Иде, какое у него средство. — Для этого нужны всего две вещи — Лукас и длинная крепкая медвежья жила. Медвежьей жилой я обмотаю твой зуб, Лина, потом накрепко привяжу жилу к своему ремню на спине и во всю прыть поскачу на Лукасе. *Бац* — зуб и выскочит!

— *Бац!* Нет уж, спасибо, — возмутилась Лина. — Скачите во всю прыть без меня!

Но тут зуб так заныл, боль стала такой нестерпимой, что мысли Лины сразу приняли другой оборот. Она тяжело вздохнула.

— Так и быть, попробуем. Несчастливая я, спаси меня Господь, — сказала она и пошла за медвежьей жилой.

Эмиль сделал как обещал. У него ведь всегда: сказано — сделано, слово с делом не расходится. Он подвел Лукаса к крыльцу кухни, привязал к своему ремню медвежью жилу и вскочил на коня. Стоя у хвоста Лукаса с медвежьей жилой, опутавшей ее зуб, бедная Лина стонала и охала. Маленькая Ида дрожала от страха, а Альфред радостно сказал:

— Ну теперь только остается услышать *бац*.

Тут Эмиль пустил коня вскачь.

— Ой, теперь уже скоро! — воскликнула Ида.

Но ничего не случилось. Потому что Лина тоже пустилась вскачь. Она так отчаянно боялась этого *бац*, что едва медвежья жила натянулась, как Лина в смертельном страхе понеслась вслед за Лукасом. Напрасно Эмиль кричал, чтобы она остановилась. Лина бежала, медвежья жила свободно болталась, и никакого *бац* так и не получилось.

Но коли Эмиль взялся избавить Лину от зуба, так уж взялся всерьез. Он галопом поскакал к ближайшей изгороди, и Лукас разом перемахнул через нее. А следом неслась Лина, совсем обезумев от страха, и, хочешь — верь, хочешь — нет, она тоже перемахнула через изгородь. Маленькой Иде, не спускавшей с них глаз, никогда не забыть этого зрелища. Всю свою жизнь она будет помнить, как Лина с распухшими щеками и вытаращенными, как у морского чудища, глазами, со свисающей изо рта медвежьей жилой перемахнула через изгородь с криком:

— Стой! Стой! Никакого *бац* не будет!

Потом Лина раскаивалась, что сама все испортила, но уже ничего нельзя было исправить. Она опять сидела на крыльце кухни со своим больным зубом и горевала. Однако Эмиль решил не отступать.

— Я, пожалуй, придумаю новое средство, — пообещал он.

— Но чтоб не так быстро, — попросила Лина. — Какая нужда рвать этот паршивый зуб сразу, одним *бац*, когда можно просто вытянуть его.

Пораскинув мозгами, Эмиль сообразил, как это сделать.

Лине пришлось сесть на землю под большим грушевым деревом. Эмиль привязал ее толстой веревкой к стволу. Альфред и маленькая Ида разинули рты от любопытства.

— Теперь далеко не убежишь, — сказал Эмиль и, взяв медвежью жилу, которая все еще свисала изо рта Лины, потянул ее к точильному кругу, на котором Альфред обычно точил свою косу, а папа Эмиля — топоры и ножи. Эмиль привязал жилу к рукоятке точильного круга — оставалось лишь повернуть рукоятку.

— Больше *бац* не будет, будет только *др-др-р-р-р-р* — медленно, со скрипом, как ты и хотела, — объяснил Эмиль.

Маленькая Ида задрожала. Лина захохла и запричитала, а Эмиль начал вращать рукоятку. Медвежья жила, сперва свободно лежавшая на земле, подобралась и туго натянулась, и чем туже она натягивалась, тем больше холодела от страха Лина, но убежать уже не могла.

— Скоро будет *др-р-р-р-р*, — сказала маленькая Ида.

Но тут Лина закричала:

— Стой! Не хочу!

В мгновение ока она выхватила маленькие ножницы, которые всегда носила в кармане передника, и перерезала медвежью жилу.

Потом она сразу раскаялась и пожалела — ведь она *хотела* избавиться от зуба. Вот, в самом деле, незадача! Эмиль, Альфред и маленькая Ида не на шутку рассердились.

— Ну и сиди со своим дохлым зубом, — сказал Эмиль. — Я сделал все, что мог!

Тогда Лина сказала, что если Эмиль попробует еще разок, то она клянется своей жизнью не делать больше глупостей.

— Околеть мне, а зуб я нынче вырву, — пообещала Лина. — Давай сюда жилу!

Эмиль согласился попытаться снова, и Альфред с маленькой Идой прямо-таки просияли от радости, услышав об этом.

— По мне, так *быстрый* способ — самый лучший, — заявил Эмиль. — Но нужно устроить так, чтобы ты *не смогла* испортить дело, даже если и испугаешься.

Находчивый, как всегда, Эмиль сразу придумал, как это сделать:

— Мы поставим тебя на крышу хлева, и ты прыгнешь в копну соломы. А уже на полпути — *бац* — зуб и выскочит!

— *Бац!* — сказала маленькая Ида и содрогнулась.

Но, несмотря на все свои обещания, Лина заупрямилась и не хотела лезть на крышу.

— Этакую страсть неслыханную только ты, Эмиль, можешь выдумать, — сказала она, упорно продолжая сидеть на крыльце.

Но зуб болел отчаянно, и наконец с тяжким вздохом она поднялась.

— Пожалуй, попробуем, что ли... хотя, ясное дело, тут мне и крышка!

Альфред тотчас приставил лестницу к стенке хлева, а Эмиль полез наверх. Крепко зажав медвежью жилу в руке, он тащил за собой Лину, словно на поводке, и она послушно взбиралась за ним, не переставая причитать. Эмиль захватил с собой также молоток и большой шестидюймовый гвоздь. Гвоздь он вбил в брус на крыше хлева и привязал к нему медвежью жилу. Теперь все было готово.

— Ну, прыгай! — скомандовал Эмиль.

Бедная Лина, сидя верхом на бруске, посмотрела вниз перед собой и заголосила до того душераздирающе, что сердце сжалось. Внизу стояли Альфред и маленькая Ида. Задрав головы, они смотрели на нее, ждали, когда она, словно комета, упадет с неба и приземлится в копну соломы...

— Боюсь, убей меня гром, боюсь, — все громче причитала Лина.

— Хочешь остаться со своим больным зубом, пожалуйста, мне-то что, — сказал Эмиль.

Тут Лина взвыла так, что стало слышно по всей Лённеберге. Она поднялась во весь рост на самом краю крыши, раскачиваясь на дрожащих ногах взад и вперед, словно сосна на ветру. Маленькая Ида закрыла глаза руками, не смея взглянуть на Лину.

— Ох, горе мне! — всхлипывала Лина. — Ох горе!

Просто так прыгать с крыши хлева, даже если все зубы во рту здоровые, и то жутко, а когда знаешь, что на лету с тобой случится *бац*, так это и вовсе выше всяких человеческих сил.

— Лина, прыгай! — закричал Альфред. — Да прыгай же!

Лина причитала и закатывала глаза.

— Ну, я помогу тебе, — сказал добрый, как всегда, Эмиль.

И всего-то было дела — дотронуться пальцем до ее спины. Он лишь чуть коснулся ее, как Лина с пронзительным криком рухнула с крыши вниз.

И тут, разумеется, послышался негромкий *бац*, потому что из бруса крыши выскочил шестидюймовый гвоздь.

Лина лежала в копне соломы со своим зубом — целым и невредимым, а на другом конце медвежьей жилы болтался огромный гвоздь.

Тут она обрушилась на Эмиля:

— Проказничать да озорничать — на это ты горазд, а зуб вытащить — так не можешь.

Однако даже хорошо, что Лина разозлилась. В гневе она напрямик отправилась к Пелле Ковалю. Он зажал ее зуб своими страшными клещами и — *бац* — вырвал его. Лина в ярости выбросила зуб на помойку и пошла домой.

Только не надо думать, что Эмиль все это время прозябал в бездействии. Альфред улегся спать в траве под грушевым деревом, и от него не было проку. Эмиль отправился в горницу вместе с маленькой Идой. Он хотел немного поиграть с ней до возвращения мамы и папы с гостями, которые приедут к ним пить кофе.

— Давай играть. Я буду доктором из Марианнелунда, а ты маленьким больным ребенком, которого я буду лечить! — предложил Эмиль.

Ида сразу согласилась. Она разделась и легла в постель, а Эмиль осмотрел ей горло, выслушал ее, — словом, вел себя как заправский доктор из Марианнелунда.

— А чем я больна? — спросила Ида.

Эмиль задумался. И вдруг его осенило.

— У тебя тиф, — сказал он, — страшная болезнь.

Тут он вспомнил: Крёса-Мая говорила, что у больного тифом синеет лицо. И дотошный, как всегда, Эмиль огляделся в поисках краски, которая придала бы лицу сестренки тифозный вид. На комодѣ стояла мамина чернильница, та самая, которой она пользовалась, когда запечатлевала проделки Эмиля в своих синих школьных тетрадях и когда писала приглашения на чашку кофе. Впрочем, там лежал и черновик приглашения. Прочитав в нем «Милости-во просим», Эмиль почувствовал гордость за свою маму — мастерицу писать, да еще так красиво. Не то что этот Адриан из Бакхорвы, который только и смог нацарапать: «*Видил Мидведа*».

Маме черновик был больше не нужен. Эмиль скомкал листок в маленький шарик и сунул его в чернильницу. Когда бумага впитала в себя чернила, он кончиками пальцев выудил шарик и подошел к Иде.

— Теперь, Ида, ты увидишь, какой этот тиф, — сказал он, и Ида весело хихикнула.

— Зажмурь глаза, чтобы в них не попали чернила, — велел Эмиль и быстро выкрасил лицо сестрен-

ки в фиолетовый цвет. Но, осторожный и предусмотрительный, как всегда, он не стал красить возле глаз, и там сохранилась белизна кожи — два больших белых круга. От этих белых кругов фиолетовое лицо Иды приобрело такой жутко болезненный вид, что Эмиль сам испугался. Маленькая Ида стала похожа на страшную, как призрак, обезьянку, фотографию которой мальчик видел в книжке «Жизнь животных»¹.

— Уф! — вымолвил Эмиль. — Крёса-Майя права: тиф — страшная болезнь!

Как раз в это время Крёса-Майя добрела из лесу до Каттхульты и у калитки встретила Лину, которая возвращалась домой от Пелле Коваля.

— Ну как? — полюбопытствовала Крёса-Майя. — Все еще болит зуб?

— Откуда мне знать? — ответила Лина.

— Как откуда? Что ты говоришь?

— Ничего про него не знаю. Он валяется на помойке Пелле Коваля, пакость этакая. Надеюсь, он лежит там и болит так, что только стон стоит.

Лина была довольна и совсем уже не походила на булку. Она пошла показывать дырку от зуба Альфреду, лежавшему под грушевым деревом, а Крёса-Майя отправилась в кухню варить кофе. Услышав, что дети в горнице, она захотела поздороваться со своей любимицей, маленькой Идой.

Но когда Крёса-Майя увидела, что ее любимица с иссиня-фиолетовым личиком лежит в постели на белой подушке, она громко вскрикнула:

¹ «Жизнь животных» (1863—1869) — книга известного немецкого зоолога Альфреда Брема (1829—1884).

— Свят-свят, в наши-то дни...

— Это тиф, — ухмыльнулся Эмиль.

В эту минуту с дороги донесся грохот колес. Из церкви прикатили папа и мама Эмиля и гости во главе с самим пастором. Когда распрягли лошадей у конюшни, гости в предвкушении кофе и угощения гурьбой устремились к дому. Но на крыльце возникла Крёса-Майя и закричала исступленно:

— Уезжайте отсюда! Уезжайте отсюда! У нас в доме тиф!

Все замерли в смущении и испуге.

Мама Эмиля спросила:

— Что ты там мелешь? У кого это тиф?

И тут в дверях за спиной Крёсы-Майи появилась маленькая Ида с фиолетовым личиком, с белыми кругами вокруг глаз и в одной ночной рубашке.

— У меня, — сказала маленькая Ида и восторженно прыснула со смеху.

Все рассмеялись. Все, кроме папы. Он лишь выразительно спросил:

— Где Эмиль?

А Эмиля и след простыл. И пока все пили кофе, Эмиль тоже не показывался.

Выйдя из-за стола, пастор пошел на кухню утешать Крёсу-Майю. Она сидела там злющая-презлющая, потому что тиф оказался ненастоящим. Но тут случилось вот что: когда пастор утешал Крёсу-Майю, он случайно взглянул на связку писем, которую Эмиль забыл на стуле.

— Нет, просто невероятно! — Пастор ахнул и схватил письмо Адриана из Америки. — Неужто у вас та самая марка, которую я ищу столько лет!

Пастор собирал марки и знал цену редкостям. Без лишних разговоров он предложил за марку, наклеенную на письме Адриана, сорок крон.

Папа Эмиля чуть не задохнулся, услышав о такой баснословной цене. Подумать только, платить сорок крон за какой-то жалкий клочок бумаги! Он и сердился, и в недоумении качал головой... Надо же! Этому Эмилю опять повезло! Покупка старой бархатной шкатулки оказалась тоже удачной, самой удачной сделкой из всех, какие Эмиль заключил на аукционе!

— Ведь за сорок крон можно купить полкоровы, — сказал папа с легким упреком.

Тут уж Эмиль не мог промолчать. Он приподнял крышку дровяного ларя, где прятался все это время, и высунул свою любознательную голову.

— Когда будешь покупать полкоровы, — спросил Эмиль, — ты возьмешь переднюю часть, что мычит, или заднюю, что бьет хвостом?

— *Марш в столярку!* — взорвался папа.

И Эмиль отправился в сарай. Но сперва он получил от пастора четыре красивые бумажки по десять крон каждая. А на следующий день он поскакал в Бакхорву. Он вернул хозяевам письма и отдал половину вырученных денег, а потом поскакал домой, напутствуемый добрыми пожеланиями и готовый к новым проделкам.

— Думаю еще поехать по аукционам, — сказал Эмиль, когда вернулся. — Ты как, папа, не против?

Папа что-то пробормотал в ответ, хотя что именно — никто не расслышал.

После того как гости разошлись, Эмиль просидел весь воскресный вечер, как я сказала, в столярной,

строгая своего сто тридцатого старичка. И лишь тогда вдруг вспомнил, что день был воскресным и, значит, ножом строгать нельзя, потому что это считается страшным грехом. Нельзя, верно, было и зубрвать, и тем более разукрашивать кого бы то ни было в фиолетовый цвет. Эмиль поставил деревянного человечка на полку рядом с другими. За окном сгущались сумерки. Он сидел на чурбане и раздумывал о своих проделках. Наконец он сложил ладошки и взмолился:

— Дорогой Боженька, сделай так, чтоб я закончил со своими проказами. Тебя милостиво просит Эмиль Свенссон из Каттхульты, что в Лённеберге.

И тут же принялся за новые проказы.

Вторник, 10 августа

Как Эмиль посадил лягушку в корзинку с кофе и едой, а потом попал в такую жуткую историю, о которой лучше и не вспоминать

В общем-то папе Эмиля можно было и посочувствовать. Если его сынишка заключил несколько сногсшибательных сделок на аукционе, одну лучше другой, то сам папа вернулся с одной лишь свиньей. И представляешь, как-то ночью, когда никто не ждал, это животное принесло одиннадцать маленьких поросят и тотчас сожрало десять из них — так иногда поступают свиньи. Одиннадцатый поросенок тоже не остался бы в живых, не спаси его Эмиль. Он проснулся ночью от боли в животе и

вышел во двор. Проходя мимо свинарника, он услышал, что молочный поросенок визжит, будто его режут. Эмиль рванул дверь. В самую последнюю минуту он выхватил маленького поросеночка у его свирепой матери. Да, это в самом деле была злая свинья. Но вскоре она заболела какой-то странной болезнью и на третий день сама сдохла. Бедный папа Эмиля остался лишь с одним-единственным крошечным заморенным поросенком. Вот и все, чем он разжился на аукционе в Бакхорве. Неудивительно, что папа был мрачный!

— От этой Бакхорвы один убыток да беды, — сказал он маме Эмиля однажды вечером, когда все укладывались спать. — Какое-то проклятие лежит на всей их скотине, это ясно.

Эмиль лежал в кровати, когда услышал разговор родителей, и тотчас высунул свой нос.

— Отдай мне поросеночка, — попросил он. — Мне все нипочем, пусть он даже проклятый.

Но такое предложение пришлось папе не по душе.

— Тебе все дай да подай! — сказал он с горечью. — А мне? Мне, выходит, *ничего* не надо?

Эмиль прикусил язык и некоторое время не вспоминал о поросенке. Кстати, это был совсем тощий, крохотный поросенок, кожа да кости, и синий, будто от холода.

«Видно, проклятие высосало из него все соки», — подумал Эмиль.

Ему казалось ужасным, что такое могло случиться с маленьким поросенком, который никому ничего плохого не сделал.

Так же думала и мама Эмиля.

— Бедный маленький заморыш, — сказала она.

Так говорили в Смоланде, когда хотели пожалеть какого-нибудь малыша.

Лина тоже любила животных и особенно жалела этого поросенка.

— Бедный маленький поросенок, — говорила она. — Он, поди, скоро сдохнет.

И он подох бы непременно, если бы Эмиль не взял его в кухню, не устроил бы ему в корзине постельку с маленьким мягким одеяльцем, не напоил бы молоком из бутылочки и вообще не стал бы ему вместо родной матери.

Подошел Альфред и, увидев, как Эмиль старается изо всех сил накормить бедняжку, спросил:

— Что это с поросенком?

— Он проклятый и не хочет есть, — пояснил Эмиль.

— Ишь ты, а на что же он серчает? — спросил Альфред.

Но Эмиль объяснил ему, что поросенок не серчает, а просто он слабенький и несчастный, ведь на нем лежит проклятие.

— Но я во что бы то ни стало это проклятие сниму, — заверил Эмиль. — Поросеночка я выхожу, это уж точно.

И что правда, то правда, он своего добился! Прошло немного времени, и поросеночек стал шустрый, словно ящеренок — детеныш ящерицы, — розовенький, гладенький и кругленький, — словом, такой, какими и должны быть маленькие поросята.

— Глупый маленький заморыш, он, видать, отъелся, — сказала тогда Лина. — Глупый маленький заморыш, — повторила она.

И с этим именем поросенок прожил всю свою жизнь.

— И верно, он отъелся, — сказал папа Эмиля. — Молодчина Эмиль!

Эмиль обрадовался похвале папы и тотчас предусмотрительно спросил:

— Сколько раз мне нужно спасти его, чтобы он стал моим?

В ответ папа только хмыкнул и недовольно взглянул на сына. Эмиль опять прикусил язык и некоторое время не вспоминал о поросенке.

Заморышу снова пришлось перебираться в свинарник, а этого ему не очень-то хотелось. Больше всего на свете ему хотелось, как собачонке, ходить по пятам за Эмилем, и Эмиль позволял ему разгуливать на свободе целые дни.

— Он, наверно, думает, что ты его мама, — сказала маленькая Ида.

Может, Заморыш в самом деле так думал. Едва завидев Эмиля, он мчался к нему со всех ног, пронзительно визжа и радостно хрюкая. Ему хотелось быть рядом с Эмилем, но еще больше хотелось, чтобы Эмиль чесал ему спинку, и мальчик никогда не отказывал ему в этом.

— Чесать поросяткам спинку я наострился, — говорил Эмиль; он садился на качели под вишней и долго старательно чесал Заморыша, а тот стоял закрыв глаза и негромко похрюкивал, всем своим видом выражая блаженство.

Летние дни приходили, летние дни уходили, и вишня, под которой любил стоять Заморыш, когда ему чесали спинку, постепенно покрывалась ягодами. Время от времени Эмиль срывал горсть вишен и

угощал поросенка. Заморыш очень любил вишни, и Эмиля он тоже любил. С каждым днем ему становилось все яснее, что пороссячья жизнь может быть прекрасна, если поселиться там, где живет такой вот Эмиль.

Эмиль также с каждым днем все сильнее любил Заморыша, и однажды, сидя на качелях и почесывая поросенка, он подумал о том, *как* он его любит и кого на свете он вообще любит.

«Во-первых, Альфреда, — решил он. — Потом Лукаса, а потом уже Иду и Заморыша... считай, обоих одинаково... ой, я ведь забыл маму, ясное дело, маму... а потом Альфреда, Лукаса, Иду и Заморыша».

Он нахмурил брови и продолжал размышлять: «А папу с Линой? По правде сказать, иной раз я люблю папу, а иной раз — нет. А про Лину я и сам не знаю, то ли люблю ее, то ли нет... Она вроде кошки, бродит тут повсюду».

Конечно, Эмиль не переставал проказничать и почти каждый день исправно сидел в столярной, о чем свидетельствуют записи в синих школьных тетрадях тех времен. Но летом, в самую страду, маме было все время некогда, и поэтому иногда в тетрадях лишь значилось, что «Эмиль в столярке» — без всяких объяснений, за что и почему.

А между тем теперь, когда Эмиля отправляли в заточение, он брал с собой и Заморыша. Ведь в обществе маленького забавного поросенка время пролетало быстрее, да и не мог же Эмиль, в самом деле, только и делать, что вырезать деревянных старичков. Для разнообразия он взялся обучать Заморыша всяким трюкам. Пожалуй, ни одному человеку во

всей Лённеберге никогда не снилось, что обыкновенный смоландский поросенок может обучиться таким штукам. Эмиль учил его в строжайшей тайне, и Заморыш оказался необыкновенно понятливым. Поросяенок был всем очень доволен: ведь когда он учился чему-нибудь новенькому, он получал от Эмиля разные лакомства. А в потайном ящике за столярным верстаком у мальчика был целый склад сухарей, печенья, сушеных вишен и прочих припасов. И понятно — ведь Эмиль не мог знать заранее, когда угодит в столярную, а сидеть там да голодать ему не хотелось.

— Тут нужна хитрость, — объяснил Эмиль Альфреду и Иде. — Дашь поросенку горсточку сушеных вишен — и обучай его чему угодно.

И вот однажды субботним вечером в беседке, окруженной кустами сирени, Эмиль продемонстрировал им трюки Заморыша, которым он его тайно обучил. Их еще до сих пор никто не видел. Для Эмиля и Заморыша поистине настал миг торжества. Альфред с Идой сидели на скамейке и удивленно таращили глаза: поразительно ловким оказался этот Заморыш! Другого такого поросенка они в жизни не видели. Он красиво садился, словно собачонка, когда Эмиль говорил «*Сидеть!*», и лежал как мертвый, когда Эмиль говорил «*Замри!*». Протягивал правое копытце и кланялся, когда получал сушеные вишни.

Ида от восторга хлопала в ладоши.

— А что он еще может? — нетерпеливо спросила она.

Тут Эмиль крикнул: «*Галопом!*» — и раз — Заморыш припустил вскачь вокруг беседки. Через рав-

ные промежутки времени Эмиль кричал: «Гон!» — и Заморыш чуть подпрыгивал, а потом снова несся во весь опор, как видно очень довольный собой.

— Ой, какой он миленький! — сказала маленькая Ида, и действительно, Заморыш очень мило прыгал в беседке.

— Хотя для поросенка это не совсем нормально, — заметил Альфред.

Но Эмиль был горд и счастлив — другого такого Заморыша было не сыскать во всей Лённеберге и во всем Смоланде. Это уж точно...

Мало-помалу Эмиль научил Заморыша скакать и через веревочку. Ты когда-нибудь видел, чтобы поросенок прыгал через скакалку? Нет, не видел, и папа Эмиля тоже не видел. Но однажды, когда папа спускался с пригорка, где стоял хлев, он увидел, что Эмиль с Идой крутят старую воловью вожжу, а Заморыш прыгает через нее, да так быстро, что земля летит из-под копыт.

— Ему весело, — поспешила обрадовать папу маленькая Ида.

Но ее слова не растрогали папу.

— Поросятам нечего забавляться, — сказал он. — Они нужны на окорок к Рождеству. А от прыганья поросенок станет тощим, как гончий пес!

У Эмиля ёкнуло сердце. Рождественский окорок из Заморыша — об этом он как-то не думал. Он был ошеломлен. Уж верно, в этот день он не очень-то любил своего папу!

Да, во вторник, десятого августа, Эмиль не очень-то любил своего папу. Солнечным теплым летним утром Заморыш скакал через веревочку на пригор-

ке, где стоял хлев, а папа Эмиля упомянул о рождественском окороке. Потом папа ушел, потому что как раз в тот день в Каттхульте начали косить рожь, и папе нужно было оставаться в поле до самого вечера.

— Тебе, Заморыш, чтобы спастись, надо отощать, как гончему псу, — сказал Эмиль, когда папа ушел, — а не то... ты не знаешь моего папашу!

Целый день Эмиль ходил сам не свой и переживал за поросенка. В тот день проказы мальчика были такими пустяковыми, что на них едва ли кто обратил внимание. Он посадил Иду в старое деревянное корыто, из которого поили коров и лошадей, и играл в пароход на море. А потом он накачал полное корыто воды и тоже играл в пароход на море — в пароход, который захлестывает водой; поэтому маленькая Ида вымокла до нитки и очень развеселилась. Потом Эмиль стрелял из рогатки в цель — в миску с киселем из ревеня, который мама выставила остудить на окошко кладовой. Эмиль только хотел посмотреть, попадет ли он в цель, и не думал, что может разбить миску, хотя так оно и вышло. И тут-то Эмиль обрадовался, что папа далеко, на ржаном поле. Мама продержала Эмиля в столярной совсем недолго — отчасти потому, что жалела его, отчасти потому, что надо было отнести косарям еду и кофе. Они привыкли пить кофе в поле — так уж было заведено в Лённеберге и во всем Смоланде, и хуторяне всегда отправляли в поле детей.

Что за славные посыльные были эти смоландские ребяташки! Они шагали по извилистым тропинкам, держа в руках корзинки с едой и кофе. Тропинки

петляли по лугам, по пастбищам и обычно заканчивались на скудном лоскутке пашни, усеянном валунами. Камней было так много, хоть плачь. Но смоландские ребятишки, понятно, не плакали, потому что среди камней росла земляника, а землянику они очень любили.

И вот Эмиля с Идой также послали отнести в поле еду и кофе. Они отправились в путь рано и шли быстро, крепко держа корзинку за обе ручки. Но Эмиль никогда и никуда не ходил прямой дорогой. Ему нравилось колесить, идти кружными путями — туда-сюда, благо везде было на что посмотреть. А куда бы ни шел Эмиль, за ним следовала Ида. На этот раз Эмиль сделал крюк и заглянул на болотце, где обычно водилось много лягушек, и без труда поймал одну. Ему хотелось разглядеть ее поближе, да и лягушке не помешало бы некоторое разнообразие: не торчать же ей день-деньской в болотце. Поэтому Эмиль посадил лягушку в корзинку с кофе и едой и захлопнул крышку. Теперь-то она была надежно спрятана.

— А куда же мне *ее* девать? — удивился Эмиль, когда Ида усомнилась, хорошо ли держать лягушку вместе с кофе и едой. — Сама подумай, ведь в кармане у меня дыры. Пусть посидит немного, потом я пущу ее обратно в болотце, — сказал этот сообразительный мальчик.

Далеко в поле косили рожь папа Эмиля и Альфред. За ними шли Лина с Крёсой-Майей и ловко подбирали ее граблями, а затем связывали в снопы. Именно так убирали рожь в старые времена.

Когда Эмиль с Идой объявились наконец-то со своей корзинкой, папа не встретил их как долго-

жданых гостей, а, наоборот, отругал за то, что они опоздали. Те, кто работал в поле, строго следили, чтобы кофе им приносили в самый полдень, минута в минуту.

— Зато теперь неплохо хлебнуть глоточек, — примирительно сказал Альфред, желая направить мысли папы в другую сторону.

Если тебе когда-нибудь доводилось полдничать вместе с косарями прямо в поле теплым августовским днем в окрестностях Лённеберги, ты знаешь, как приятно отдыхать вместе с ними у нагретых солнцем валунов, болтать, попивать кофе и есть бутерброды. Но папа Эмиля все еще злился и не стал добрее. Потому что когда сердито рванул к себе корзинку и открыл крышку, лягушка прыгнула прямо на него и исчезла за расстегнутым из-за жары воротом рубашки. У лягушки были такие холодные противные лапки! От неожиданности и отвращения папа взмахнул рукой, и кофейник перевернулся. Эмиль стремглав подхватил его, так что кофе пролился самую малость. Но лягушка не показывалась. От испуга она юркнула в папины брюки, и папа вовсе рассвирепел. Он задрогал ногами, чтобы вытряхнуть лягушку из штанины, и опять пнул несчастный кофейник, который, на беду, снова попался папе под ноги. Кофейник непременно бы перевернулся и все остались бы без кофе, не подхвати его Эмиль.

Лягушка, понятно, не собиралась долго задерживаться там, куда попала. В конце концов она выскочила из штанины, и Эмиль подобрал ее. А папа все еще бушевал. Он считал, что история с лягушкой — очередная проказа Эмиля, хотя это было со-

всем не так. Эмиль думал, что корзинку откроет Лина и, может, от души обрадуется, увидев маленькую славную лягушку. Для чего я все это рассказываю? Для того, чтобы ты понял: и Эмилю порой приходилось туго. Особенно когда его обвиняли в проказах, которые вовсе не были проказами. Ну, например, просто непонятно: где он мог держать лягушку? Ведь карманы-то его штанов были дырявые!

А Лина знай твердила свое:

— Сроду не видывала такого пострела. Коли он сам не напроказит, то все равно попадет в какую-нибудь историю!

Попасть в историю — это уж Лина правду сказала! То, что случилось немного позднее тем же днем, подтверждает ее слова. Эмиль попал в такую историю, о которой вряд ли следует рассказывать! Вся Лённеберга потом еще долго охала и причитала над ним. А все случилось оттого, что его мама была удивительно расторопная хозяйка, и еще оттого, что в тот год в Каттхульте на редкость уродилась вишня. Но все это вовсе не зависело от Эмиля, нет, он просто попал в историю!

Во всей Лённеберге не было хозяйки, равной маме Эмиля в умении варить варенье, выжимать сок, готовить и находить применение всему тому, что росло в лесу и созревало дома, в саду. Она без усталости собирала бруснику, чернику, малину, делала повидло из яблок и слив, желе из смородины, варила варенье из крыжовника и готовила вишневый сироп. А сушеных фруктов для вкусных компотов у нее хватало на всю зиму. Яблоки, груши и вишни она сушила в огромной печи на кухне и складывала

в белые холщовые мешочки, которые потом развешивала под потолком в кладовой. Да, эта кладовая радовала глаз!

В самый разгар сбора вишни в Каттхульт приехала погостить расфуфыренная фру Петрель из Виммербю. И тут мама Эмиля возьми да пожалуйся, что уж слишком много уродилось этой благословенной вишни, которую просто некуда девать.

— Я думаю, Альма, тебе надо поставить вишневую наливку, — сразу нашлась фру Петрель.

— Боже упаси! — воскликнула мама.

О вишневой наливке она и слышать не хотела. В Каттхульте жили одни трезвенники. Папа Эмиля в рот не брал спиртного, он даже пиво не пил, разумеется кроме тех случаев, когда его угощали на ярмарках. Тогда уж нельзя было отказываться! Что еще делать, если уговаривают выпить бутылку-другую пива! Он тотчас подсчитывал в уме, что две бутылки стоят тридцать эре, а тридцать эре на земле не валяются! Оставалось лишь взять да выпить, хочешь ты того или нет. Но пить вишневую наливку — нет, на это его не подбить. Мама Эмиля так и сказала фру Петрель. Но фру Петрель возразила, что ежели в Каттхульте не желают пить наливку, то в других местах все же найдутся такие, которые не прочь пропустить рюмочку. Например, ей самой хотелось бы иметь несколько бутылок вишневой наливки, и почему бы маме Эмиля тайком от домашних не поставить бродить вишни куда-нибудь в темный угол погреба, где кувшин с вишнями никто не увидит. А когда наливка будет готова, фру Петрель приедет в Каттхульт и хорошо заплатит за нее.

Маме Эмиля всегда было трудно отказать, когда ее о чем-нибудь просили. К тому же она была расторопной хозяйкой, у которой ничего не пропадало даром, а для себя она уже насушила вишни предостаточно. И неожиданно, сама не понимая, как это сорвалось у нее с языка, она пообещала фру Петрель приготовить для нее вишневку.

Но мама была не из тех, кто делал что-нибудь тайком от других. Все как есть она рассказала папе Эмиля. Он долго ворчал, но под конец сказал:

— Делай как знаешь! Кстати, сколько она обещала заплатить?

Но об этом фру Петрель ничего толком не сказала.

Несколько недель вишни бродили в большом кувшине, поставленном в погреб, и как-то в августе, в тот самый день, мама решила, что вино уже готово и пришел срок разлить его по бутылкам. Она выбрала подходящее время, когда папа был на ржаном поле. Он не увидит вина в своем доме и не почувствует за собой греха.

Вскоре мама Эмиля расставила в ряд на кухонном столе десять бутылок красной наливки. Теперь их надо было убрать в корзину и задвинуть в угол погреба, чтобы они никому не мозолили глаза. Пусть теперь фру Петрель приезжает, когда ей вздумается, и забирает свое вино.

Вернувшись домой с пустой корзинкой для провизии, Эмиль и Ида увидели у кухонной двери ведро с вишнями, из которых готовилась наливка.

— Эмиль, возьми-ка ведро, — сказала мама, — и пойди зарой эти вишни в мусорной куче.

И Эмиль пошел, послушный как всегда. Но мусорная куча была сразу за свинарником, а в свинарнике слонялся словно неприкаянный Заморыш. Увидев Эмиля, он громко захрюкал, давая понять, что хочет выйти и погулять с ним.

— Это я тебе сейчас устрою, — сказал Эмиль и поставил ведро на землю.

Он отворил дверцу свинарника, и оттуда с радостным хрюканьем выскочил Заморыш. Он тотчас сунул пяточок в ведро, полагая, что Эмиль принес ему поесть. И тут Эмиль впервые задумался над словами мамы: «...зарой эти вишни в мусорной куче». Как-то чудно, в самом деле: в Каттхульте не привыкли зарывать в землю то, что съедобно. А эти ягоды, очевидно, хороши, Заморыш ел их, не отрываясь от ведра. «Может быть, — подумал Эмиль, — мама хотела зарыть ягоды в мусорной куче, чтобы они ни в коем случае не попались на глаза папе, который с минуты на минуту должен был вернуться домой с ржаного поля?»

«Пусть уж лучше Заморыш сожрет их, — решил Эмиль. — Ведь он ест так, будто без этих вишен просто жить не может!»

По всему было видно, что Заморышу эти вишни особенно понравились. Он хрюкал от удовольствия и так усердствовал, что весь перемазался, — рыльце его стало совсем красным. Чтобы ему было удобнее есть, Эмиль высыпал вишни на землю. Тут явился петух и тоже захотел разделить с поросенком пиршество. Заморыш лишь покосился на петуха, но не прогнал его, и петух стал клевать ягоды одну за другой. Следом подошли куры во главе с Лоттой-хромоножкой, желая посмотреть, что там

за лакомство отыскал петух. Но Заморыш и петух безжалостно прогнали кур прочь, едва только они сунулись к ягодам. Видимо, эти вкусные ягоды Заморыш с петухом решили приберечь для себя. Рядом на перевернутом ведре сидел Эмиль. Он дудел в дудочку — травянистый стебелек — и ни о чем не думал. Вдруг, к своему изумлению, он увидел, что петух шлепнулся на землю. Несколько раз петух пытался подняться, но ничего у него не получилось. Едва он приподнимался, как снова падал головой вниз и лежал как мертвый. Куры сбились поодаль в тесную стайку и озабоченно кудахтали, глядя, как чудно вел себя их петух. А петух валялся на земле и зло тарасил на них глаза. Разве он не имеет права лежать и барахтаться там, где ему заблагорассудится?

Эмиль не понимал, что стряслось с петухом, но ему было жаль его. Он подошел, поднял петуха и поставил его на ноги. Петух постоял немного, покачиваясь взад-вперед, словно пробуя, держат ли его ноги. И тут вдруг его словно бешеная муха укусила — закукарекал, горделиво захлопал крыльями и с истошным «ку-ка-ре-ку!» кинулся на стайку кур. Куры испуганно бросились наутек, видно, решили, что петух спятил. То же подумал и Эмиль. Он растерянно смотрел на бесновавшегося петуха и совсем забыл про Заморыша. Но если уж говорить о том, что кто-то спятил, так это как раз Заморыш. Поросянку тоже захотелось погоняться за курами, и он с пронзительным хрюканьем бросился вслед за петухом. Эмиль все больше и больше удивлялся. Он никак не мог взять в толк, что приключилось. Заморыш носился кругами, громко и дико хрюкая. Каза-

лось, ему было весело, но вот с его ногами, насколько мог видеть Эмиль, творилось что-то неладное. Копытца то и дело разъезжались в разные стороны, будто не слушались его, и Заморыш тоже шлепался бы на землю, если бы каждый раз, когда его заносило, он не подпрыгивал вверх, чему его обучил Эмиль. Это помогало ему сохранять равновесие.

На кур было жалко глядеть. Никогда в жизни они не видели, чтобы поросенок гонялся за ними и подпрыгивал вверх. Вот они и удирали со всех ног. Бедные куры! В их безумном кудахтанье слышался вопль: это уж слишком! Мало того, что спятил петух, так за ними еще носится громадными скачками взбесившийся поросенок с дико вытаращенными глазами!

Да, в самом деле, это было уж слишком! Ведь Эмиль знал, что с перепугу можно даже умереть, а тут он вдруг увидел это собственными глазами: куры одна за другой повалились на землю и остались лежать неподвижно, без признаков жизни. Да, так оно и было: повсюду в траве валялись мертвые куры. Белоснежные и бездыханные. Это было страшное зрелище. Эмиль отчаянно зарыдал. Что скажет мама, если придет и увидит своих кур? И Лотта-хромоножка, его собственная курица, тоже лежала белым неподвижным комочком. Эмиль, плача, подобрал ее. Ну да, конечно умерла. Никаких признаков жизни! Бедная Лотта-хромоножка, вот и пришел конец ей и ее бесчисленным вкусным яйцам. Единственное, что теперь Эмиль мог для нее сделать, так это как можно скорее похоронить со всеми почестями. Он вообразил надгробный камень, где будет написано:

«Здесь покоится Лотта-хромоножка, до смерти напуганная петухом и Заморышем».

Эмиль всерьез рассердился на Заморыша. Этого выродка он снова запрет в свинарнике и никогда больше не выпустит! А Лотта-хромоножка пусть пока полежит в дровяном сарае. Эмиль бережно отнес ее туда и положил на деревянную колоду. Пусть отдохнет в ожидании своих похорон, бедная Лотта!

Когда Эмиль вышел из сарая, он увидел, что петух и Заморыш снова вернулись к вишням. Нечего сказать, хороши голубчики! Сперва до смерти напугали кур, а потом преспокойно продолжают пиршество, будто ничего не случилось! Уж петуху-то не мешало бы иметь хоть каплю совести и немножко погоревать. Ведь с помощью Заморыша он разом разделался со всеми своими женами. Но, по-видимому, петух отнесся к этому равнодушно.

Правда, теперь он и поросенок пожирала вишни не так жадно. Вдруг петух снова шлепнулся на землю, а за ним и Заморыш. Эмиль был так сердит на них обоих, что даже не поинтересовался, живы они или сдохли. Впрочем, он видел, что они не мертвы, не то что куры. Петух слабо кукарекал и чуть дергал ногами, а Заморыш, вероятно, дремал, пытаясь время от времени приоткрыть глаза, и в горле у него что-то булькало.

В траве валялось еще довольно много вишен, и Эмиль взял попробовать одну. На вкус она была не совсем такой, как обычная вишня, но действительно довольно вкусной! И как это маме могло прийти в голову закопать такие хорошие ягоды в куче мусора?

Да, мама! Ведь надо пойти и рассказать о беде с курами. Но идти ему не очень хотелось. Во всяком случае не обязательно идти сразу. Он в раздумье съел несколько вишен... потом еще несколько... нет, ему что-то совсем не хотелось идти к маме сейчас!

Тем временем на кухне мама готовила ужин косарям. И вот они все вместе явились домой: папа Эмиля и Альфред, Лина и Крёса-Майя. Усталые и голодные после долгого рабочего дня, расселись они вокруг кухонного стола. Но место Эмиля пустовало, и мама вспомнила, что уже довольно давно не видела своего мальчика.

— Лина, сходи-ка взгляни, нет ли Эмиля у Заморыша, — приказала мама.

Лина ушла и долго не возвращалась. Наконец она появилась на пороге и стала ждать, пока все обратят на нее внимание. Она хотела, чтобы все одновременно услышали поразительную новость, которую она собиралась им преподнести.

— Что с тобой? Почему ты стоишь как столб? Что-нибудь стряслось? — спросила мама Эмиля.

Лина таинственно улыбнулась.

— Стряслось ли что... да, право, не знаю, что и сказать... Но куры-то, это уж точно, сдохли. А петух — пьяный! И Заморыш — пьяный! А Эмиль... Эмиль... — сказала Лина и перевела дух. — Эмиль — тоже пьяный...

Что творилось в тот вечер в Каттхульте! Просто трудно описать!

Папа Эмиля шумел и кричал, мама плакала, маленькая Ида плакала, Лина тоже плакала, правда так — за компанию. Крёса-Майя охала и вздыхала. Ей было уже не до ужина. Она должна была

немедленно бежать и раззвонить новость всем и каждому в округе:

— Ох-ох-ох! Бедняги эти Свенссоны из Каттхультта! Эмиль, горяшко наше, напился пьяным и перебил всех кур! Ох-ох-ох!

Один только Альфред не потерял голову. Когда Лина явилась с ужасными новостями, он вместе со всеми ринулся из дому и сразу нашел Эмиля. Мальчик лежал в траве рядом с Заморышем и петухом. Да, Лина была права: Эмиль в самом деле был мертвецки пьян. Он лежал закатив глаза и привалившись к Заморышу. Было видно, что ему совсем худо. Мама Эмиля залилась горькими слезами, увидев своего мальчика таким бедным и несчастным, и хотела тотчас же отнести его в горницу. Но Альфред, знавший толк в подобных делах, сказал:

— Ему лучше остаться на свежем воздухе!

Весь вечер просидел Альфред на крыльце людской, держа на коленях Эмиля. Он помогал мальчику, когда его рвало, и утешал, когда он плакал. Да, да, время от времени Эмиль приходил в себя и плакал. Он ведь слышал: все говорили, что он пьян, хотя и не мог понять, как это произошло. Эмиль не знал, что, когда из вишен делают настойку и дают им хорошенько перебродить, ягоды становятся пьяными и от них пьянеют. Потому-то мама Эмиля и велела ему зарыть ягоды в куче мусора, а он вместо этого съел их вместе с петухом и Заморышем. Вот он и лежал теперь как бревно у Альфреда на коленях. Настал вечер, взошла луна, а Альфред все еще сидел, держа на коленях Эмиля.

— Ну как ты, Эмиль? — спросил Альфред, увидев, что Эмиль чуть приоткрыл глаза.

— Ничего, жив еще! — устало ответил Эмиль, а потом добавил шепотом: — Но если я умру, тебе, Альфред, достанется Лукас.

— Не умрешь, — уверенно пообещал ему Альфред.

Нет, Эмиль не умер, не умер и Заморыш, не умер и петух.

Но самое удивительное — даже куры остались живы. Случилось так, что в своем безутешном горе мама все-таки послала маленькую Иду в сарай, наказав ей принести корзину дров. По пути Ида плакала — такой уж, в самом деле, выдался грустный вечер. Но, войдя в сарай, она заплакала еще сильнее: ведь на дровяной колоде лежала мертвая Лотта-хромоножка.

— Бедная Лотта! — Ида пожалела курицу и, протянув свою тоненькую ручку, погладила Лотту.

И можете себе представить — Лотта ожила! Она открыла глаза, с сердитым кудахтаньем соскочила с колоды и в гневе заковыляла к двери. Ида застыла в изумлении, не зная, что и думать. Надо же! Может, у нее волшебные руки, которые умеют творить чудеса и оживлять мертвых?

Оплакивая Эмиля, никто не позаботился о курах, и они по-прежнему валялись на траве. Но вот пришла Ида и погладила всех по очереди — куры ожили и вскочили одна за другой на ноги. Да, да, потому что ведь они вовсе не сдохли, а просто упали в обморок от испуга, когда поросенок припустил за ними, — такое иногда бывает с курами.

А Ида гордо вошла в кухню, где плакали и горевали ее родители, — теперь, по крайней мере, и у нее было что порассказать.

— Ну вот, хоть кур-то я воскресила из мертвых, — удовлетворенно сказала она.

На другое утро и петух, и Заморыш, и Эмиль немного пришли в себя, хотя петух не мог петь целых три дня. Правда, он пытался время от времени петь, но никакого «*ку-ка-ре-ку*» у него не выходило, а лишь какое-то отвратительное «*ку-ке-ли-ку*», которого он очень стеснялся. Всякий раз при этом куры смотрели на него с таким упреком, что петух стыдливо прятался в кусты.

А Заморыш ничуть не стыдился. Что касается Эмиля, то у него весь день был сконфуженный вид.

— Валяться пьяным вместе с поросенком! Хорош, нечего сказать! — поддразнивала Лина. — Два пьяных поросенка — ты и Заморыш! Теперь я так и буду вас звать.

— Прикуси-ка язык, — сказал Альфред, зло взглянув на Лину, и она тут же примолкла.

Но история с пьяными вишнями на этом не кончилась. В полдень через ворота, ведущие в Каттхульт, прошествовали трое степенных мужей, членов правления лённебергского Общества трезвости. Да, ты ведь, верно, не знаешь, что это за штука — Общество трезвости. Но должна тебе сказать: в старые времена это было нечто такое, в чем крайне нуждались и в Лённеберге, и во всем Смоланде. Члены Общества трезвости трудились в поте лица, чтобы покончить со страшным пьянством, приносившим несчастье стольким людям в прежние времена, да и ныне тоже.

Болтунья Крёса-Мая, оплакивавшая пьянчужку Эмиля, взволновала все Общество трезвости. И вот тройца из этого общества явилась в Каттхульт, желая побеседовать с родителями Эмиля!

— Хорошо бы, — сказали они, — если бы ваш Эмиль смог прийти на вечернее собрание в Дом Общества трезвости. Там бы его обратили на путь истинный и заставили вести более трезвый образ жизни.

Мама Эмиля жутко разозлилась и рассказала, что случилось с Эмилем и вишнями. Но у гостей по-прежнему были скорбные физиономии, и один из них сказал:

— Все-таки нехорошее дело вышло с Эмилем. Не мешало бы дать ему взбучку на нашем вечернем собрании.

И папа Эмиля согласился. Нельзя сказать, чтобы он радовался этому собранию: не очень-то приятно, когда тебя позорят перед всеми, но, может, необходимо пойти к этим людям, чтобы направить Эмиля на праведный путь трезвости.

— Я схожу туда с ним, — мрачно пробормотал папа.

— Нет уж, раз ему нужно быть на этом собрании, с ним пойду я! — заявила мама. — Ведь эту злощастную наливку ставила я, и тебе, Антон, нечего страдать по моей вине. Если кому и нужно выслушать проповедь о вреде пьянства, так это мне, но, пожалуйста, я могу взять с собой и Эмиля, раз это нужно.

Когда настал вечер, Эмиля одели в праздничный костюмчик, и он сам натянул свою «шапейку». Он не имел ничего против того, чтобы его обратили на праведный путь трезвости. Да и просто приятно побыть немного на людях.

Заморыш, видимо, думал так же. Когда Эмиль с мамой отправились в дорогу, Заморыш припустил

за ними, желая их сопровождать. Но Эмиль крикнул ему:

— *Замри!*

И поросенок послушно улегся на дорогу и замер, но глаза его еще долго следили за Эмилем.

Должна сказать, что в тот вечер Дом Общества трезвости был битком набит! Все жители Лённеберги желали участвовать в обращении Эмиля на путь праведный. На сцене уже давно выстроился хор трезвенников, и, как только Эмиль показался в дверях, хор грянул:

— Юный муж, что вкушает бокал
Ядовитого зелья...

— Никакой не бокал, — сердито сказала мама, но слова ее услышал только Эмиль.

Когда пение подошло к концу, на сцену вышел какой-то человек — он долго и серьезно разглагольствовал об Эмиле, а под конец спросил его, не хочет ли он дать клятву трезвости, которой должен оставаться верен всю свою жизнь.

— Могу, — с готовностью ответил Эмиль.

В ту же минуту у дверей раздалось легкое похрюкивание, и на собрание вбежал Заморыш. Оказывается, он тихонько трусил вслед за Эмилем, и вот он тут как тут! Увидев Эмиля на скамейке первого ряда, поросенок страшно обрадовался и тотчас устремился к нему. В зале поднялся страшный шум. Никогда прежде не бывало, чтобы в Доме Общества трезвости появлялся поросенок. И трезвенникам он был сейчас совершенно ни к чему. «Поросята не ответственны торжественности момента» — так полагали они. Но Эмиль сказал:

— Ему тоже не вредно дать клятву трезвости. Потому что он съел куда больше вишен, чем я.

Заморыш и сейчас был крайне возбужден, и, чтобы он не произвел невыгодного впечатления, Эмиль сказал ему:

— *Служи!*

И тогда Заморыш, к великому удивлению всех жителей Лённеберги, встал на задние ножки точь-в-точь как собака. И вид у него при этом был очень кроткий и смиренный. Эмиль вытащил из кармана горстку сушеных вишен и дал поросенку. Лённебержцы не поверили своим глазам: поросенок протянул мальчику правое копытце и поблагодарил за угощение.

Все так увлеклись Заморышем, что чуть не забыли про клятву трезвости. Эмиль сам напомнил об этом:

— Ну как, нужно мне обещать что-нибудь или нет?

И тут же Эмиль дал клятвенное обещание впредь *«всю свою жизнь воздерживаться от употребления крепких напитков, а также всячески способствовать распространению трезвости среди своих сограждан»*. Эти прекрасные слова означали, что Эмиль никогда в жизни не возьмет в рот спиртного и что он будет содействовать распространению трезвости среди других людей.

— Эй, Заморыш, это касается и тебя, — сказал Эмиль, принеся клятву.

И все жители Лённеберги сказали, что никто, кроме Эмиля, никогда не давал клятвы трезвости вместе с поросенком.

— Он такой чудной, этот мальчишка из Каттхульты, — сказали они в один голос.

Когда Эмиль, вернувшись домой, вошел в кухню в сопровождении Заморыша, он застал там отца, сидевшего в полном одиночестве. При свете керосиновой лампы Эмиль увидел, что глаза у него заплаканы. Никогда прежде Эмилю не приходилось видеть отца плачущим, и ему это не понравилось. Но тут он сказал Эмилю нечто такое, что ему понравилось.

— Послушай-ка, Эмиль! — произнес он и, крепко взяв сына за руки, пристально посмотрел ему в глаза. — Если ты дашь мне клятву — всю свою жизнь не брать в рот спиртного, я подарю тебе поросенка... Вряд ли, правда, в этом паршивце осталась хоть капля сала после всех его прыжков и пьяных выходов.

Эмиль даже подпрыгнул от радости. И снова поклялся до конца дней своих не брать в рот спиртного. Эту клятву он сдержал. Такого трезвого председателя муниципалитета, каким впоследствии стал Эмиль, ни в Лённеберге, ни во всем Смоланде никогда не видывали. И потому-то, может, не так уж плохо, что однажды летом, еще будучи ребенком, он наелся перебродивших вишен.

В тот вечер Эмиль, лежа в кровати, долго толковал с маленькой Идой.

— Теперь у меня есть лошадь и корова, поросенок и курица, — сказал он.

— А твою курицу воскресила из мертвых я, — напомнила маленькая Ида, и Эмиль поблагодарил ее за это. На следующее утро он проснулся рано и услышал, как Альфред с Линой, распивая кофе, болтают на кухне. Эмиль тотчас выскочил из кровати: ведь нужно было рассказать Альфреду о том, что отец подарил ему Заморыша.

— Скотовладелец Эмиль Свенссон, — сказал Альфред, выслушав его рассказ, и усмехнулся. А Лина мотнула головой и запела песню, которую придумала совсем недавно, пока доила коров. Вот что она пела:

Матушка повела его в Дом Общества трезвости,
И там все пришли от поросенка-пьяницы в восторг.
Он обещал не брать в рот ни капельки спиртного.
И теперь у него есть поросенок,
которым раньше был он сам.

Глупее песни не придумаешь. *«И теперь у него есть поросенок, которым раньше был он сам»* — это ведь глупо, но складнее Лине не сочинить.

Альфреду с Линой пора было снова отправляться на ржаное поле вместе с папой Эмиля и Крёсой-Майей.

Мама Эмиля осталась дома одна с детьми. Это ее устраивало, потому что сегодня должна была приехать фру Петрель за своими бутылками с вишневой наливкой и мама не хотела, чтобы папа был в это время дома.

«Хорошо бы поскорее убрать эти бутылки», — думала мама, хлопоча на кухне. Фру Петрель должна была вот-вот подъехать, и мама ожидала с минуты на минуту услышать стук колес на проселочной дороге. Но, как ни странно, она услышала совсем другой звук — звон разбиваемого стекла, доносившийся со стороны погреба, где хранили картошку.

Выглянув из окна, мама увидела Эмиля. Он сидел на корточках и внимательно, сосредоточенно бил кочергой расставленные в ряд бутылки — во все стороны летели осколки, а вино лилось на землю.

Распахнув окно, мама закричала:

— Ради всего святого, что ты там делаешь, Эмиль?
Эмиль оторвался от своего занятия и ответил:

— Выполняю клятву — распространяю трезвость.
Решил начать с фру Петрель.

Малопримечательные дни из жизни Эмиля,

**когда он совершал не только разные мелкие
проделки, но и кое-какие добрые дела**

Долго еще вспоминали в Лённеберге эту злополучную вишневку! Хотя маме Эмиля хотелось забыть о ней как можно скорее. Ни словом не обмолвилась она в своей синей тетради о том, что произошло с Эмилем в злосчастный день десятого августа. История вышла просто ужасная, и мама не могла заставить себя ее записать. Но одиннадцатого августа она сделала в тетради небольшую запись, и если ее прочтешь без предварительной подготовки, то невольно вздрогнешь:

«Боже, памаги мне с этим мальчиком, но сиводня он, по крайней мере, трезвый!».

Так там и написано. И больше ни единого слова.

Что тут скажешь? Судя по этим словам, можно подумать даже, что Эмиль редко бывал трезв. Мне кажется, что маме Эмиля следовало бы рассказать, как все произошло на самом деле. Но, как уже говорилось выше, она, вероятно, не могла заставить себя это сделать.

В синей тетради есть и заметка от пятнадцатого августа. Тогда мама записала следующее:

«Сиводня ночью Эмиль с Альфредом хадили за раками, они наловили тысячу двести штук. Но потом, ясное дело, ох, сердешные вы мои...»

Тысячу двести штук! Ты когда-либо слышал такое? Это уйма раков, посчитай сам — и ты увидишь! Должна сказать, что Эмиль провел веселую ночь. И если тебе приходилось ловить раков в каком-нибудь смоландском озере темной августовской ночью, тогда ты знаешь, как весело промокнуть до нитки и каким необыкновенным кажется все вокруг. Ух, темно, хоть глаз выколи, черный лес окаймляет озеро, тишину нарушает лишь плеск воды под ногами, когда бредешь вдоль берега. А если посветишь факелом, как это делали Эмиль с Альфредом, то увидишь, что по каменистому дну повсюду ползают большие черные раки. И остается только брать их рукой за спинку и одного за другим класть в мешок.

Когда Эмиль с Альфредом собрались на рассвете домой, у них оказалось раков гораздо больше, чем они могли унести. Эмиль шел, насвистывая и распевая на ходу.

«Вот папа удивится», — думал он. Как бы то ни было, Эмилю всегда хотелось отличиться перед папой, хотя частенько это ему не удавалось. Эмилю хотелось, чтобы отец, проснувшись, увидел гору раков, которых они наловили. Сложив их в большой медный котел, в котором они с Идой купались по субботам, Эмиль поставил его в спальне рядом с папиной кроватью.

«Ну и крику будет, когда все проснутся и увидят моих раков», — подумал Эмиль; радостный и усталый, он залез в свою кровать и уснул.

В горнице было тихо-тихо. Слышался только храп папы да легкий шорох. Такой, какой обычно бывает, когда ползают раки.

Как всегда, папа Эмиля встал в тот день очень рано. Лишь только стенные часы в горнице пробили пять, он сбросил одеяло, спустил ноги с кровати и посидел некоторое время, чтобы стряхнуть с себя сон. Он потянулся, зевнул, пригладил волосы и слегка пошевелил пальцами левой ноги. Однажды большой палец его левой ноги побывал в крысоловке, которую поставил Эмиль, и с тех пор палец по утрам словно окостеневал и его надо было растирать. И вот, растирая палец, папа внезапно так завопил, что мама и маленькая Ида вскопили вне себя от страха. Они подумали, что папу по крайней мере режут. А на самом деле в его палец, тот самый, что побывал в крысоловке, всего-навсего вцепился рак. Если когда-нибудь твой большой палец побывал в клешнях рака, ты знаешь, что это так же приятно, как попасть в крысоловку, — есть от чего завопить! Раки — упрямые плуты, они вцепляются в тебя мертвой хваткой и щиплют все больше и больше — ничего удивительного, что папа Эмиля закричал!

Закричали и мама с маленькой Идой, потому что увидели раков, сотни раков, кишмя кишевших на полу. Какой же тут поднялся крик!

— Эмиль! — вопил папа.

Он был очень зол, а кроме того, ему нужны были клещи, чтобы освободиться от рака, и он хотел, чтобы Эмиль принес их ему. Но Эмиль спал, и его

было не добудиться никаким криком. Папе самому пришлось прыгать на одной ноге за клещами, которые лежали в ящике с инструментами в кухонном шкафу.

И когда маленькая Ида увидела, как папа скачет на одной ноге, а на большом пальце другой ноги у него болтается рак, у нее даже сердце защемило при мысли о том, какое зрелище проспит Эмиль.

— Проснись, Эмиль! — весело закричала она. — Проснись! Погляди-ка!

Но она тут же смолкла, потому что папа бросил на нее негодующий взгляд, — он явно не понимал, что ее так позабавило.

Между тем мама Эмиля ползала по полу, собирая раков. Через два часа ей удалось собрать их всех, и, когда Эмиль наконец к обеду проснулся, он почувствовал божественный запах свежесваренных раков, доносившийся из кухни, и радостно вскочил с постели.

Три дня в Каттхульте шел пир, так что все отведали душу. Там ели раков. Кроме того, Эмиль засолил уйму раковых хвостиков и продал их в пасторскую усадьбу по двадцать пять эре за литр. Заработок он честно поделил с Альфредом, у которого как раз было туго с деньгами. Альфред считал, что Эмиль — ну просто до удивления — горазд на выдумки.

— Да, умеешь ты зарабатывать деньги! — сказал ему Альфред.

И это была правда. У Эмиля в копилке набралось уже пятьдесят крон, заработанных разными путями. Однажды он даже задумал настоящую крупную аферу, решив продать всех своих деревянных старичков фру Петрель, поскольку она была от них

без ума, но, к счастью, ничего из этого не вышло. Деревянные старички остались по-прежнему стоять на полке и стоят там до сих пор. Фру Петрель хотела, правда, купить еще деревянное ружье и отдать его одному знакомому противному мальчишке, но из этого тоже ничего не вышло. Эмиль, конечно, понимал, что сам он уже слишком большой, чтобы играть с этим ружьем, но и продавать его не хотел. Он повесил ружье на стене в столярной и написал на нем красным карандашом: «НА ПАМЯТЬ ОБ АЛЬФРЕДЕ».

Увидев эту надпись, Альфред рассмеялся, но было заметно, что он польщен.

Без кепчонки Эмиль тоже жить не мог; надел он ее и тогда, когда впервые пошел в школу, и вся Лённеберга затаила дыхание.

Лина не ждала ничего хорошего от того, что Эмиль ринулся в науку.

— Он небось перевернет всю школу вверх дном и подожжет учительницу, — предсказала она.

Но мама строго взглянула на нее.

— Эмиль — чудесный мальчик, — сказала она. — А что на днях его угораздило поджечь пасторшу, так за это он уже отсидел в столярке, и нечего тебе упрекать его.

Из-за пасторши Эмиль просидел в столярной семнадцатого августа. Как раз в тот день пасторша явилась в Каттхульт к маме Эмиля, чтобы снять узоры для тканья. Сначала ее пригласили на чашку кофе в беседку, заросшую сиренью, а потом она захотела рассмотреть узоры. Она плохо видела и достала из сумки увеличительное стекло. Такого Эмиль никогда раньше не видел и очень им заинтересовался.

— Можешь взять стекло и посмотреть, если хочешь, — простодушно разрешила пасторша.

Она, вероятно, не знала, что Эмиль способен использовать для своих проказ любые предметы, и увеличительное стекло не было исключением. Эмиль быстренько понял, что его можно использовать как зажигательное стекло, если держать так, чтобы солнечные лучи собирались в одной точке. И он стал оглядываться в поисках чего-нибудь легко воспламеняющегося, чего-нибудь, что можно было бы поджечь. Пасторша, горделиво и безмятежно подняв голову и ни о чем не подозревая, спокойно болтала с его мамой. Пышные страусовые перья на ее изящной шляпке, пожалуй, сразу вспыхнут... И Эмиль попробовал их поджечь — вовсе не потому, что надеялся на удачу, а потому, что просто решил попытаться. Иначе ничего на свете не узнаешь.

Результат его опытов описан в синей тетради:

«Вдруг запахло паленым, и перья пастарши задымилась. Понятно, что загореться они не могут, а только пахнут паленым. А я-то думала, что теперь, когда Эмиль стал членом Общества трезвости, он исправится. Как бы ни так! Этот гаспадин, член Общества трезвости, как миленький присидел остаток дня в столярке. Вот как было дело».

А двадцать пятого августа Эмиль пошел в школу. Если жители Лённеберги думали, что он там опозорится, то они просчитались. Учительница, вероятно, была первой, кто начал подозревать, что на ближайшей к окну скамейке сидит будущий председатель муниципалитета. Потому что... слушай и

удивляйся: Эмиль стал лучшим учеником в классе! Он уже умел читать и даже немножко писать, а считать он выучился быстрее всех. Без небольших проделок тут, конечно, тоже не обошлось, но они были такие, что учительница могла их вынести... Да, правда, однажды он умудрился поцеловать учительницу прямо в губы. И об этом долго судачили в Лённеберге.

Дело было так. Эмиль стоял у черной классной доски и решал очень трудную задачу: « $7 + 7 = ?$ », а когда он с ней справился и сказал: «Четырнадцать», учительница похвалила его:

— Молодец, Эмиль, можешь сесть на место.

Так он и сделал, но мимоходом подошел к учительнице, восседавшей на кафедре, и крепко поцеловал ее. Ничего подобного с ней никогда прежде не случалось. Покраснев, она, заикаясь, спросила:

— Почему... почему ты это сделал, Эмиль?

— Наверно, я это сделал по доброте душевной.

И слова эти стали в Лённеберге поговоркой. «„Наверно, я это сделал по доброте душевной“, — сказал мальчишка из Каттхульты, поцеловав учительницу», — говорили лённебержцы, а может, и сейчас еще так говорят. Кто знает!

На перемене к Эмилю подошел один из мальчиков постарше и хотел было подразнить его.

— Это ты поцеловал учительницу? — спросил он, презрительно усмехнувшись.

— Да, — подтвердил Эмиль. — Думаешь, мне слабо еще раз?

Но он этого не сделал. Такое случилось только один раз и никогда больше не повторялось. И нельзя

сказать, чтобы учительница сердилась на Эмиля за этот поцелуй, скорее наоборот.

Эмиль вообще многое делал по доброте душевной. Во время перерыва на завтрак он обычно бегал в богадельню и читал «Смоландский вестник» дедушке Альфреда — Дурню Юкке — и другим беднякам. Так что не думай, в Эмиле было немало и хорошего!

«Лучшая минута за весь день — это когда приходит Эмиль» — так думали все в богадельне: и Юкке, и Кубышка, и Калле Лопата, и все другие несчастные бедняки. Юкке, может, и не очень все понимал, потому что, когда Эмиль читал ему, что в будущую субботу в городском отеле в Экешё состоится большой бал, Юкке молитвенно складывал руки и говорил:

— Аминь, аминь, да свершится воля Твоя!

Но главное — это то, что Юкке и все другие любили слушать, как Эмиль читает. Не любила его чтения только Командорша. Когда приходил Эмиль, она запиралась в своей каморке на чердаке. И все потому, что однажды ей довелось сидеть в волчьей яме, которую вырыл Эмиль, и этого она не могла забыть.

Но ты, быть может, немножко беспокоишься, что с тех пор, как Эмиль пошел в школу, у него не оставалось времени на его проделки. Можешь быть совершенно спокоен! Видишь ли, когда Эмиль был маленький, занятия в школе бывали лишь через день. Вот счастливчик-то!

— Ну, чем ты теперь занимаешься? — спросил однажды дед Альфреда, старый Юкке, Эмиля, когда тот пришел читать ему газету.

Эмиль, немножко подумав, откровенно признался:
— Один день я озорничаю, а другой хожу в школу.

Воскресенье, 14 ноября

**Как в Каттхульте проходил домашний экзамен,
а Эмиль запер отца в Триссевай будке**

Быстро приближалась осень, все более пасмурными и мрачными становились дни в Каттхульте, во всей Лённеберге и во всем Смоланде.

— Ух, ну и стужа! — говорила Лина, когда в пять утра ей приходилось вставать и в темноте брести на скотный двор. У нее, конечно, был фонарь, чтобы освещать дорогу, но свет его казался таким одиноким и жалким среди всей этой серости.

До чего же было пасмурно — вся осень казалась сплошными серыми буднями. Как слабый огонек во мгле, освещали их лишь праздники на том или ином хуторе либо домашние экзамены.

Ты, я думаю, не подозреваешь, что такое домашние экзамены? Так вот, в те времена люди обязаны были хотя бы приблизительно знать, что написано в Библии и в катехизисе¹. А потому пастору приходилось время от времени устраивать экзамен и выяснять, что прихожане знают и чего не знают, притом не только дети, которых принято было мучить экзаменами, но все в округе — и стар и млад. Такие вот домашние экзамены устраивались по очереди на всех

¹ Катехизис — начальный курс христианского богословия, написанный в форме вопросов и ответов.

хуторах в Лённеберге, и если экзамены сами по себе бывали не очень веселыми, то сопровождавшие их пиры — куда лучше. Приглашали всех без исключения, даже бедняков из богадельни. Приходил каждый, кто мог дотащиться до хутора: ведь после экзамена можно было наесться до отвала. И многих это особенно привлекало.

Однажды в ноябре домашний экзамен должен был состояться в Каттхульте, и от этого все повеселели, особенно Лина, которая любила, когда на их хуторе бывал экзамен.

— Если бы не все эти вопросы... — говорила она. — Иногда я просто не знаю, что отвечать.

И в самом деле, Лина была не очень-то сведуща в библейских легендах. Пастор это знал и задавал ей самые легкие вопросы, потому что он был человек добрый. В прошлый раз он занятно и долго распространялся об Адаме и Еве, которые жили под кущами¹ райских садов и были самыми первыми людьми на земле. Пастор, ясное дело, думал, что все, и даже Лина, хорошенько выучили эту историю. И вот, когда настал черед Лины экзаменоваться, пастор весьма дружелюбно спросил:

— Ну, Лина, как звали наших первых предков?

— Тор и Фрейя, — и глазом не моргнув, ответила Лина.

Мама Эмиля покраснела от досады, услышав глупый ответ Лины. Потому что Тор и Фрейя² — это ведь древние скандинавские боги, в которых жители Смоланда верили еще в языческие времена,

¹ Куща — здесь: сень, зелень.

² Тор — бог грома, Фрейя — богиня любви.

несколько тысячелетий тому назад, задолго до того, как им довелось услышать о библейских преданиях.

— Ты как была, так и осталась язычницей, — сказала потом мама Эмиля Лине, но та стала защищаться:

— А их так много, этих богов, что у меня все они в голове перемешались! И почему именно я должна их всех помнить?

Правда, пастор был очень добр и на этом экзамене — он ни словом не обмолвился о том, что Лина ответила невпопад, и стал тут же рассказывать, как Бог создал землю и людей, которые на ней живут, и сколь удивительны все Его творения.

— Даже ты, Лина, настоящее чудо, — заверил служанку пастор.

Он стал ее спрашивать, осознала ли она это и не думает ли она о том, как удивительно, что Бог создал именно ее.

— Да, думаю, — ответила Лина. И, поразмыслив еще немного, продолжила: — Да, понятное дело: в том, что именно меня Он создал, ничего мудреного нет. Ну а вот загогулины, что у меня в ушах, вот те, сдается мне, трудновато было соорудить!

Тут мама Эмиля снова покраснела. Ей казалось, что когда Лина городит глупости, она позорит весь Каттхульт. А тут еще из угла, где сидел Эмиль, донесся звонкий, переливчатый смех. Бедная мама! На домашнем экзамене смеяться *не полагается*. Ей было очень стыдно, и она успокоилась лишь тогда, когда экзамен кончился и можно было перейти к пиршеству.

Мама Эмиля приготовила столько же вкусной еды, сколько обычно готовила для своих пиров, хотя папа и пытался отговорить ее от этого.

— Самое важное все-таки библейские предания и катехизис, а ты больше налегаешь на котлеты и сыр-ные лепешки!

— Всеу свое время, — разумно ответила мама. — Катехизису свое время, а сырным лепешкам — свое.

Да, в самом деле, настало время и для сырных лепешек, и все, кто был на домашнем экзамене в Каттхульте, ели и блаженствовали. Эмиль тоже съел целый воз сырных лепешек с вареньем и сливками. Но как только он досыта наелся, подошла мама и сказала:

— Эмиль, будь добр, пойди и запри кур!

Обычно куры целыми днями свободно разгуливали по двору. Но когда наступал вечер, их надо было запирать, потому что в сумерках к ним из-за угла подкрадывалась лиса.

Уже почти стемнело, и шел дождь, но Эмиль подумал, что все-таки хорошо избавиться хоть на минутку от жары в горнице, от болтовни и сырных лепешек. Почти все куры уже сидели на насестах, только Лотта-хромоножка и еще несколько других чудаковатых кур рылись в земле под дождем. Эмиль загнал их в курятник и хорошенько запер дверь на защелку. Пусть теперь лиса приходит, если хочет.

Рядом с курятником находился свинарник. Эмиль мимоходом заглянул к Заморышу и пообещал принести ему вечером остатки от пиршества.

— На тарелках всегда что-нибудь остается, когда все эти обжоры наедятся, — сказал Эмиль, и Замо-

рыш захрюкал в предвкушении лакомых кусочков. — Я вернусь попозднее, — сказал Эмиль и как следует запер дверь свинарника на защелку.

За свинарником находилось отхожее место — да, так оно в те времена называлось. Тебе, может, кажется, что это не очень красивое слово, но если бы ты слышал то, которое употребляет Альфред! Он, честно говоря, называет его... Ну ладно, мне не следует учить тебя этому слову! Но у отхожего места в Каттхульте было и другое, более красивое название. Оно называлось Триссева будка — в честь работника по имени Триссе, который давным-давно, во времена прадедушки Эмиля, построил этот крайне необходимый домик.

Эмиль запер курятник, запер свинарник и заодно, не подумав, запер и Триссеву будку. Ему бы надо сообразить, что кто-нибудь может там сидеть, поскольку дверь снаружи была не заперта, но в tomto и дело, что Эмиль не удосужился подумать. Он мигом запер дверь и помчался домой, напевая на ходу:

— Закрыл на защелку,
закрыл на защелку,
закрыл почти каждую дверь!

Папа Эмиля, находившийся как раз в Триссевой будке, услышал его веселую песенку и испугался. Он рванулся вперед и попытался открыть дверь. Но она и в самом деле была закрыта, и папа завопил:

— *Эмиль!*

Но Эмиль уже успел далеко убежать, и к тому же он так самозабвенно распевал свою песенку «*Закрыл на защелку...*», что ничего не слышал.

Бедный папа! Он так рассердился, что в нем все заклокотало. Ну слыханное ли дело! Да и как он вообще выберется отсюда? Он дико забарабанил в дверь, он бил и колотил кулаками, но что толку? Тогда он начал пинать дверь ногами. Он так барабанил по двери, что у него свело пальцы. Но этот Триссе знал свое дело — добротная сделанная дверь ничуть не подалась. Папа Эмиля свирепел все больше и больше. В поисках складного ножа он начал выворачивать карманы. «Хоть бы удалось сделать щелку в дверях, — подумал он, — такую, чтобы просунуть в нее кончик ножа и отодвинуть задвижку». Но складной нож лежал в кармане его рабочих брюк, а сегодня на нем ведь был праздничный костюм. Папа долго стоял, шипя от злости. Нет, ругаться он не ругался, ведь он был церковный староста — человек почтенный. Но он прошипел множество нелестных слов об Эмиле и об этом самом Триссе, который не вырубил даже настоящего окна в будке, а лишь небольшое узкое оконце высоко над дверью. Папа Эмиля злобно поглядел на крошечное оконце, потом еще несколько раз сильно пнул дверь ногой и уселся в ожидании.

В Триссовой будке было целых три сиденья, и на одно из них он и опустился. Папа сидел, скрежеща зубами от бешенства, и нетерпеливо ждал того, у кого появится нужда в Триссовой будке.

«Но мне его жаль, потому что первого, кто войдет сюда, я убью», — кровожадно подумал он. И это в самом деле было несправедливо и не очень хорошо со стороны папы. Но ведь надо учесть, что он был очень зол.

Над Триссовой будкой сгустилась тьма; папа Эмиля все сидел и ждал, но никто не приходил. Он

слышал, как по крыше забарабанил дождь, и в будке стало еще мрачнее.

Папа Эмиля злился все больше и больше. Нет, в самом деле, почему он должен сидеть здесь в темноте и одиночестве, пока все остальные наслаждаются светом, веселятся и пируют за его счет! Этому надо положить конец, он должен выбраться отсюда. Выбраться! Пусть даже через оконце над дверью!

— Потому что я уже по-настоящему разозлился, — громко сказал папа и поднялся.

В Триссовой будке стоял ящик со старыми газетами. Папа Эмиля прислонил его к двери, затем забрался на него. «Да, здесь не очень высоко», — подумал он. Маленькую раму папа снял без труда, а потом, высунув голову через оконце, стал смотреть, не идет ли кто-нибудь, чтобы позвать на помощь.

Никого не было видно, но зато ему на затылок со страшной силой обрушился проливной дождь. Вода просочилась за воротник рубашки, и это было не очень-то приятно. Но ничто не могло остановить папу — даже всемирный потоп, он должен был выбраться отсюда.

С большим трудом протиснул он сквозь оконце руки и плечи, а потом стал потихоньку продвигаться вперед.

«Если разозлиться как следует, дело пойдет», — подумал он. Но тут как раз и застопорило. Вконец застопорило. Папа Эмиля так застрял в тесном оконце, что лицо его посинело, он размахивал руками и ногами, но ему удалось лишь опрокинуть ящик. И теперь он висел безо всякой опоры и не мог продвигнуться ни назад, ни вперед. Бедняга! Что может сделать церковный староста, когда одна часть его туловища мокнет под проливным дождем, а другая висит

в отхожем месте? Звать на помощь? Нет, он этого не сделает! Не сделает, потому что знает лённебержцев: если эта история станет известна в приходе, поднимется такой хохот, который не смолкнет до тех пор, пока во всей Лённеберге и даже во всем Смоланде останется хоть одна живая душа. Нет, звать на помощь он *не будет!*

Между тем Эмиль, вернувшись домой радостный и довольный, делал все, что в его силах, чтобы развлечь маленькую Иду. Ей было до смерти скучно на домашнем экзамене, поэтому он вышел вместе с ней в сени и они стали помогать друг другу примерять галоши. В сенях стояли длинные ряды галош, больших и маленьких. Ида хихикала от восторга, когда Эмиль важно расхаживал в галошах пастора и бормотал *«таким образом»* и *«помимо того»* точь-в-точь как пастор. Под конец все галоши оказались разбросанными, и Эмиль, аккуратный как всегда, собрал их в кучу на полу, так что в сенях выросла целая гора галош.

Потом Эмиль вдруг вспомнил про Заморыша, которому дал обещание принести чего-нибудь на ужин. Завернув на кухню, он наскреб немного объедков и с банкой в одной руке и с фонарем в другой вышел в дождь и темноту, чтобы подкормить немного поросенка.

И тут, ой, я содрогаюсь, когда думаю об этом! И тут он увидел своего отца! А отец увидел его. Ой-ой-ой, вот как иногда бывает!

— *Беги... за... Альфредом!* — прошипел папа. — *И скажи ему — пусть захватит с собой килограмм динамита, и пусть эта проклятая Триссева будка сровняется с землей!*

Эмиль сбегал за Альфредом, и тот явился, но не с динамитом — этого, вероятно, папа всерьез и не

думал, — а с пилой. Да, папу Эмиля необходимо было выпилить, иначе освободить его было невозможно.

Пока Альфред пилил, Эмиль, взобравшись на маленькую лесенку, в страхе и тоске держал зонтик над своим бедным папой, чтобы его не мочил дождь. Ты, конечно, понимаешь, что Эмилю было не очень весело на этой лесенке: ведь папа непрерывно шипел под зонтиком и говорил о том, что он сделает с Эмилем, как только освободится. Он даже ни капельки не был благодарен Эмилю за его заботу о нем. Что пользы от этого зонтика, раз он все равно промок и теперь простудится и схватит воспаление легких. «Это уж точно», — подумал Эмиль, но сказал другое:

— Не-ет, ты не простудишься, ведь главное, чтобы ноги были сухие.

Альфред поддержал мальчика:

— Верно, главное, чтобы ноги были сухие!

А ноги у папы и в самом деле были сухие — этого отрицать нельзя. Но все равно он был вне себя, и Эмиль страшился той минуты, когда папа освобождается.

Альфред пилил так ретиво, что только опилки летели, а Эмиль был все время настороже. В тот миг, когда Альфред кончил пилить, а папа Эмиля тяжело бухнулся на пол, в тот самый миг Эмиль отшвырнул зонтик и кинулся во всю прыть в столярную. Он ворвался туда и успел накинуть крючок прежде, чем подоспел папа. А папа его, наверно, устал стучаться в запертые двери. Прошипев лишь несколько бранных слов в адрес Эмиля, он исчез. Ведь ему обязательно нужно было показаться на пиру. Но сначала — незаметно прошмыгнуть в горницу и надеть сухую рубашку и жилет.

— Где ты был так долго? — рассерженно спросила мужа мама Эмиля.

— Об этом поговорим после, — глухо ответил папа.

Так кончился домашний экзамен в Каттхульте. Пастор затянул, как всегда, псалом, а лённебержцы добросовестно вторили ему на разные голоса.

— От нас уходит светлый день,
К нам не вернется он... —

пели они.

Всем пора было собираться домой. Но когда гости вышли в сени, чтобы одеться, первое, что они увидели при слабом свете керосиновой лампы, — гору галош на полу.

— Какое злодейское озорство — это мог сделать только Эмиль, — сказали лённебержцы.

И все они, включая пастора с пасторшей, битых два часа сидели на полу и примеряли галоши. Потом, довольно кисло поблагодарив хозяев и попрощавшись с ними, они исчезли в темноте под дождем.

С Эмилем они попрощаться не могли: ведь он сидел в столярной и вырезал своего сто восемьдесят четвертого деревянного старичка.

Суббота, 18 декабря

**Как Эмиль совершил великий подвиг
и все его проделки были прощены и забыты,
а вся Лённеберга ликовала**

Приближалось Рождество. Однажды вечером все жители Каттхульты сидели на кухне и занимались каждый своим делом. Мама Эмиля пряла, папа са-

пожничал, Лина чесала шерсть на кардах, Альфред с Эмилем строга­ли зубья для граблей, а маленькая Ида упрямо пыталась вовлечь Лину в веселую игру и щекотала ее, мешая работать.

— Играть-то в эту игру надо с тем, кто боится щекотки, — говорила Ида. И она была права, так как Лина в самом деле боялась щекотки.

Ида тихонько подбиралась к Лине, читая стишок, под который шла игра:

— Дорогие мама с папой,
Дайте мне муки и соли,
Заколю я поросенка,
Он визжать начнет от боли.

При слове «*визжать*» Ида указательным пальчиком тыкала Лину, а Лина, к превеликому удовольствию девочки, всякий раз взвизгивала и хохотала.

Слова «*заколю я поросенка*», вероятно, навели папу Эмиля на ужасную мысль, и он внезапно изрек:

— Да, теперь уж и Рождество близко, пора, Эмиль, заколоть твоего поросенка.

Эмиль выронил ножик и во все глаза уставился на отца.

— Заколоть Заморыша! Не бывать этому! — сказал он. — Ведь Заморыш *мой* поросенок, мой поросенок, который дал обет трезвости! Ты что, забыл?

Конечно, папа ничего не забыл. Но он сказал, что никто во всем Смоланде никогда не слыхивал про поросенка, который служил бы для забавы. А Эмиль хоть и маленький, но уже настоящий крестьянин и

знает, что, как только поросенок подрастает, его закалывают, для того поросят и держат!

— Разве ты этого не знаешь? — спросил папа.

Конечно, Эмиль это знал и сперва не нашелся что ответить, но потом ему в голову пришла прекрасная мысль:

— А некоторых боровов оставляют в живых на развод. Заморыша я и определил в такие боровы.

Эмиль знал то, чего, может быть, не знаешь ты. А именно: боров-производитель — это такой поросенок, который станет, когда вырастет, папой целой уймы маленьких поросят. «Такое занятие будет спасением для Заморыша», — подумал Эмиль. Ведь этот мальчик был совсем не глуп!

— Уж я наверняка смогу раздобыть какую-нибудь маленькую свинушку для Заморыша, — объяснил Эмиль отцу. — И тогда вокруг Заморыша и этой свинушки будут кишмя кишеть поросятки — так я считаю.

— Да, это хорошо, — сказал папа. — Но тогда предстоящее Рождество в Каттхульте будет постное. Ни окорока, ни пальтов, ничегошеньки!

— Дайте соль мне и муку,
Пальт я быстренько сварю, —

сказала маленькая Ида.

— Заткнись с твоими пальтами! — рявкнул Эмиль, потому что он знал: для пальтов нужны не только мука с солью, но и поросячья кровь.

Только не кровь Заморыша! Пока Эмиль жив, этому не бывать!

Некоторое время в кухне стояла тишина, зловещая тишина. Но внезапно Альфред помянул черта.

Он обрезал большой палец острым ножом, и из пальца потекла кровь.

— Оттого, что ты ругаешься, легче не станет, — строго сказал папа. — И я не хочу слышать ругательства в своем доме.

Мама Эмиля достала чистую полотняную тряпицу и перевязала Альфреду палец. И он снова стал строгать зубья для граблей. Это было славное зимнее занятие: все грабли проверяли и сломанные зубья заменяли новыми. Так что, когда наступала весна, все грабли были в порядке.

— Так... значит, нынче в Каттхульте будет постное Рождество, — повторил папа Эмиля, сумрачно глядя перед собой.

Эмиль долго не спал в тот вечер, а наутро разбил копилку и взял из своих денег тридцать пять крон. Потом он запряг Лукаса в старые розвальни и поехал в Бастефаль, где в изобилии водились свиньи. Домой он вернулся с великолепным поросенком, которого стащил в свинарник к Заморышу. Потом он пошел к отцу.

— Теперь в свинарнике два поросенка, — сказал он. — Можешь заколоть одного, но смотри не ошибись!

Грудь Эмиля распирала ярость, которая иногда находила на него, и он даже забыл о том, что говорит с отцом. Ведь ужасно было купить жизнь Заморышу, убив другого несчастного поросенка. Но лучшего выхода Эмиль не видел. Иначе отец, который не признавал, что поросенок может быть для забавы, не оставит Заморыша в покое.

Два дня Эмиль не заглядывал в свинарник, предоставив Лине носить корм обоим пороссятам. На тре-

тый день он проснулся в крошечной тьме, услышав страшный поросячий визг. Поросенок визжал громко и пронзительно, будто под ножом, потом внезапно наступила тишина.

Эмиль подышал на заиндевевшее стекло, так что образовался глазок, и стал смотреть во двор. Он увидел, что возле свинарника горит фонарь и движутся тени. Он понял, что поросенок уже мертв, а Лина собирает кровь. Потом Альфред с папой ошпарят поросенка кипятком и, сбрав щетину, разделают тушу. Затем явится Крёса-Майя, и вместе с Линой они будут мыть и полоскать в прачечной поросячьи кишки. Конец бастефальскому поросенку, которого купил Эмиль!

— Вот тебе и «заколю я поросенка, он визжать начнет от боли...», — пробормотал Эмиль. Он снова забрался в кровать и долго плакал.

Но так уж устроен человек, что он забывает свои огорчения, — таков был и Эмиль. Сидя в полдень в свинарнике и почесывая Заморыша, Эмиль задумчиво сказал:

— Ты жив, Заморыш! Вот как устроено на свете. Ну да, ты жив!

Эмиль хотел забыть бастефальского поросенка. И когда на другой день Крёса-Майя с Линой сидели на кухне и без усталости резали сало для засола, мама Эмиля размешивала колбасный фарш, варила пальты, хлопотала над рождественским окороком и укладывала его в особый рассол, Лина пела «*Веет хладом, хладом веет с моря...*», а Крёса-Майя рассказывала о том, что на пасторском чердаке водятся привидения без головы, Эмиль уже блаженствовал. Он больше не думал о бастефальском поросенке, а

только о том, что скоро Рождество, и о том, как хорошо, что наконец-то выпал снег.

— Вьется, сыплет белый снег, все дорожки заметая, — сказала маленькая Ида, потому что так говорят в Смоланде, когда разыгрывается пурга.

А снег в самом деле шел. День клонился к вечеру, снегопад усиливался, потом задул ветер, и поднялась такая метель, что, выглянув за дверь, с трудом можно было разглядеть скотный двор.

— Похоже, быть буре, — сказала Крёса-Майя, — как я домой-то попаду?

— Останешься ночевать, — успокоила ее мама Эмиля. — Можешь спать вместе с Линой в кухне на диване.

— Да, но будь добра, лежи тихонько, как дохлый поросенок, потому что я боюсь щекотки, — попросила Лина старушку.

За ужином Альфред пожаловался на свой палец.

— Болит! — сказал он.

Мама Эмиля размотала тряпицу, желая посмотреть, что с пальцем и почему он не зажил.

Зрелище, которое представилось ее глазам, было не из отрадных: рана не затянулась, палец покраснел, нагноился и распух. А от пальца к запястью шли короткие красные полоски.

У Крёсы-Майи загорелись глаза.

— Заражение крови, — сказала она. — Опасное дело.

Мама Эмиля наложила на руку Альфреда повязку, смоченную раствором сулемы.

— Если до утра не станет легче, лучше тебе съездить к доктору в Марианнелунд, — сказала она.

Никто не припомнит такого снегопада и такой бури, какая бушевала в ту ночь над Смоландом. И когда наутро обитатели Каттхульты проснулись, весь хутор, казалось, утонул в огромном мягком белом сугробе. А буря не утихала. Шел снег и дул ветер, так что на двор носа было не высунуть; в трубе завывала вьюга: «У-у, у-у!» Никто никогда ничего подобного не видывал и не слыхивал!

— Придется Альфреду целый день разгребать снег, — сказала Лина. — А может, и не надо этого делать — все равно зря.

Но Альфред не убирал снег в тот день. Его место за столом пустовало, и о нем не было ни слуху ни духу. Эмиль забеспокоился. Надев кепчонку и теплое сермяжное пальтишко, он собрался выйти. Мальчик разгреб снег у кухонных дверей и быстро проложил себе дорогу к людской, которая находилась бок о бок со столярной.

Лина увидела Эмиля через кухонное окно и приветливо кивнула.

— Хорошо, Эмиль, ты сделал, что расчистил дорожку, — сказала она. — Теперь можешь быстро добежать до столярки. Ведь никто не знает, когда тебе снова придется там сидеть.

Глупая Лина, она не понимала, что Эмиль пробирался к Альфреду!

В людской было холодно, когда туда вошел Эмиль: Альфред не затопил печь. Он лежал на своем деревянном диване и не хотел вставать. Есть он тоже не хотел. Он сказал, что вроде не голоден. Тут Эмиль еще больше забеспокоился. Уж если Альфред не хочет есть, значит, стряслось что-то серьезное.

Эмиль принес дрова и затопил печь, а потом побежал за мамой. Она тут же пришла; собственно говоря, пришли все — и папа, и Лина, и Крёса-Майя, и маленькая Ида, потому что теперь все всполошились.

Бедный Альфред, он лежал и моргал глазами. Он был горячий, как печка, и все равно его знобило. Красные полосы на руке продвинулись далеко, почти к плечу, — страшно было смотреть.

Крёса-Майя озабоченно покачала головой:

— Как дойдут они до сердца, эти полоски, тогда конец, тогда он помрет.

— Тише! — приказала мама Эмиля, но не так-то легко было утихомирить Крёсу-Майю. Она знала по меньшей мере полдюжины людей в одном только Лённебергском приходе, которые умерли от заражения крови, и добросовестно их перечислила.

— Но это вовсе не значит, что мы должны сидеть сложа руки, — добавила она.

Она думала, что Альфреду полегчает, если взять клочок его волос и лоскут рубашки и зарыть их в полночь к северу от дома, а потом прочитать какое-нибудь хорошее заклинание. Она знала только одно:

— *Тьфу и еще раз тьфу, пришло от сатаны — к сатане и уйди, да будет так, тьфу и еще раз тьфу!*

Но папа Эмиля сказал, что вполне достаточно того заклинания, вернее, ругательства, которое произнес Альфред, когда порезал большой палец. И если Крёсе-Майе нужно что-нибудь зарыть к северу от дома в такую погоду, среди ночи, то пусть она делает это сама.

Крёса-Майя зловеще покачала головой:

— Да уж будь что будет, ох-ох-ох!

Эмиль пришел в бешенство:

— Что это за бабье хныканье! Альфред скоро поправится, понятно тебе?

Тут Крёса-Майя пошла на попятный:

— Ну да, миленький Эмиль, он поправится, конечно поправится! — И она похлопала Альфреда по плечу, громогласно подтвердив: — Конечно, ты поправишься, Альфред, уж я-то знаю! — Но тут же, взглянув на дверь людской, она пробормотала про себя: — Хотя непонятно, как они смогут протащить гроб через такую узкую дверь!

Услыхав это, Эмиль заплакал. В страхе он схватил отца за рукав пальто:

— Мы должны отвезти Альфреда к доктору в Марианнелунд, как сказала мама.

Тут мама и папа Эмиля как-то странно поглядели друг на друга. Они знали, что в такой день ни за что на свете нельзя было попасть в Марианнелунд. Они были совершенно беспомощны, но признаться в этом Эмилю, да еще когда он стоял рядом с ними такой убитый, было тяжело. Ведь и папе с мамой очень хотелось помочь Альфреду, да только они не знали как. И что ответить Эмилю, они тоже не знали. Папа, не вымолвив ни слова, вышел из людской. Но Эмиль не сдавался. Куда бы ни шел отец, он следовал за ним по пятам: плакал, просил, кричал, грозил, а потом принялся дерзить. Он просто ума лишился! И подумать только, отец не сердился, а лишь тихо говорил:

— Ничего не выйдет, Эмиль, ты же знаешь, что ничего не выйдет!

Лина ревела на кухне во весь голос, причитая:

— А я-то думала, что к весне мы поженимся, а теперь прости-прощай свадьба, помрет теперь мой Альфред! И останусь я век вековать с четырьмя простынями и целой дюжиной полотенец, да, хорошенькое дело!

Эмиль наконец понял, что помощи ждать неоткуда. Тогда он пошел назад в людскую. Он просидел с Альфредом целый день — это был самый длинный день в жизни Эмиля. Альфред лежал в забытьи. Только иногда он поднимал веки и говорил:

— А ты тут, Эмиль!

Эмиль смотрел, как за окошком бушует метель, и ненавидел ее так горячо, что его ненависть могла бы растопить снега во всей Лённеберге и во всем Смоланде. «Видно, засыплет снегом весь белый свет», — думал Эмиль, поскольку снег все падал и падал.

Зимние дни коротки, хотя тому, кто так ждет, как ждал Эмиль, они кажутся длинными. Незаметно начало смеркаться, а потом и совсем стемнело.

— А ты тут, Эмиль! — снова сказал Альфред, но ему все труднее было говорить.

Мама Эмиля принесла мясной суп и заставила Эмиля поесть. Она пыталась накормить и Альфреда, но он не хотел есть. Вздохнув, мама ушла.

Поздним вечером пришла Лина с наказом от мамы: Эмилю пора ложиться спать. И как только такое могло прийти людям в голову!

— Я буду спать на полу рядом с Альфредом, — заявил Эмиль.

Так он и сделал.

Он приволок себе старый матрас и лошадиную попону — больше ему ничего было не нужно. Он

вообще не мог спать. Он лежал без сна и смотрел, как угли опадают в печи, слушал, как тикает будильник и как порывисто дышит, а порой и стонет Альфред. Видимо, время от времени Эмиль впадал в дремоту, но всякий раз, вздрогнув, просыпался. Горе жгло его душу. Проходила ночь, и он все острее чувствовал, как все скверно, а скоро будет уже слишком поздно, на веки вечные поздно — изменить что-либо будет уже нельзя.

И вот, когда часы показывали четыре утра, Эмиль понял, что ему надо делать. Он отвезет Альфреда к доктору в Марианнелунд, или пусть и он сам, и Альфред погибнут в дороге.

«*Нечего* тебе лежать тут в постели и умирать, Альфред, *нечего!*»

Он не произнес эти слова вслух, он только подумал. Но *как* он это подумал! И тут же принялся за дело. Главное — уехать прежде, чем кто-нибудь проснется и помешает ему. В запасе у него был час времени до того, как Лина поднимется доить коров. За этот час все и надо повернуть!

Никто не знает, как тяжело было Эмилю в тот час и как он надрывался. Надо было выкатить из сарая сани, вывести из конюшни и запрячь Лукаса. Альфреда надо было вытащить из кровати и отвести к саням. Последнее было самым трудным. Бедный Альфред ковылял, тяжело навалившись на Эмиля. А когда ему наконец удалось добрести до саней, он упал как подкошенный на разостланные овчины и лежал, не подавая никаких признаков жизни.

Эмиль укутал Альфреда так, что торчал только кончик его носа, сам уселся на козлы, натянул вожжи и стал понукать Лукаса: пора было трогаться

в путь. Но Лукас повернул голову и недоверчиво взглянул на Эмиля. Ведь это же неслыханно глупая выдумка — пуститься в путь в такую метель, неужто Эмиль этого не понимает?

— Теперь решаю я, — сказал Эмиль, — а потом все будет зависеть от тебя, Лукас!

В кухне зажегся свет, значит, Лина уже встала. Еще минута — и будет поздно. Но Эмиль с лошадью и санями все же незаметно миновал хуторские ворота и сквозь снег и ветер выехал на проселочную дорогу.

Ой, как бушевала буря! Снег облеплял уши и забивал глаза, так что Эмиль ничего не видел, а ему хотелось по крайней мере различать дорогу. Он вытирал лицо рукавицей, но по-прежнему не видел дороги, хотя к саням были прикреплены два фонаря. Дороги вообще не было, был только снег. Но Лукас много раз бывал в Марианнелунде. И может, в глубине своей лошадиной памяти он примерно знал, куда ехать.

Лукас был жилист и вынослив — с таким конем в самом деле можно было пускаться в путь и в метель. Шаг за шагом тащил он сани через сугробы. Ехали они медленно, иногда чуть не опрокидывались, когда сани натыкались на какую-нибудь преграду, но все же мало-помалу продвигались все ближе и ближе к Марианнелунду. Частенько Эмилю приходилось соскакивать на дорогу и разгребать снег. Эмиль был сильный, словно маленький бычок, и в ту ночь он убирал снег с таким рвением, что никогда этого не забудет.

— Становишься сильным, если это *необходимо*, — объяснял он Лукасу.

И в самом деле Эмиль стал сильнее, и первые полмили¹ дело спорилось, но потом стало трудно, да, потом стало ужасно трудно. Эмиль устал, лопата казалась страшно тяжелой, и он не мог больше как следует разгрести снег. Он заоченел, в сапоги его набился снег, пальцы ныли от холода, да и уши тоже, несмотря на шерстяную шаль, которую он повязал поверх кепчонки, чтобы не отморозить уши. Все это было в самом деле невыносимо, и постепенно мужество стало ему изменять. Подумать только, а что если папа был прав, когда сказал: «Ничего не выйдет, Эмиль, ты же знаешь, что ничего не выйдет!»

Лукас тоже утратил силы и весь свой пыл. Все труднее и труднее становилось ему вытаскивать сани, когда они застревали. А под конец случилось то, чего все время боялся Эмиль. Сани внезапно рухнули вниз, и Эмиль понял, что они очутились в канаве.

Они и в самом деле очутились в канаве. Да там и застряли. И как Лукас ни надрывался, как ни тянул сани и как ни тянул и ни толкал их Эмиль — у него даже кровь пошла из носа, — ничего не помогло: сани как стали, так и остались стоять.

Тут Эмилем овладела такая ярость, он так разозлился и на снег, и на сани, и на канаву, и на все, вместе взятое, будто лишился рассудка. Он поднял вой, похожий, должно быть, на вой первобытного человека. Лукас испугался, Альфред, быть может, тоже, но в нем не было заметно никаких признаков жизни. Внезапно Эмилю стало страшно.

¹ Миля — путевая мера длины, различная в разных государствах. Шведская миля — 10 км.

— Ты жив еще, Альфред? — боязливо спросил он.

— Не-ет, я, верно, уже умер, — хриплым, странным и каким-то страшным, не своим голосом ответил Альфред.

Тут вся злость в Эмиле прошла, и осталось только горе. Он почувствовал себя таким одиноким! Хотя там, в санях, и лежал Альфред, мальчик был совсем один, и некому было ему помочь. Эмиль не знал, что ему теперь делать. Охотнее всего он лег бы в снег и заснул, чтобы ничего больше не видеть.

Неподалеку у дороги стояла усадьба, которую Эмиль называл «Блины». И вдруг он увидел, что на скотном дворе светится огонек. В душе у него затеплилась маленькая надежда.

— Я схожу за помощью, Альфред, — сказал он.

Альфред не ответил, и Эмиль пошел. Он пробивался сквозь глубокие сугробы и когда ввалился на скотный двор, то походил на снежную бабу.

На скотном дворе был сам хозяин «Блинов». И он очень удивился, увидев в дверях мальчишку из Каттхульты, засыпанного снегом, залитого кровью, капавшей из носа, и слезами. Да, Эмиль плакал, он не мог удержаться, он знал, какого труда ему будет стоить заставить хозяина «Блинов» выйти в метель на дорогу. Он был строптив, этот «блинопек», но все-таки понял: помочь Эмилю необходимо — и отправился с лошастью, веревкой, разными инструментами и вытащил сани из канавы, хотя все время что-то злобно бормотал про себя.

Будь у хозяина «Блинов» хоть капля совести, он, наверно, помог бы Эмилю добраться до Марианне-лунда, но он этого не сделал. Эмилю с Лукасом при-

шлось одним продолжать свой тяжкий путь сквозь сугробы. Оба устали и двигались все медленнее и медленнее. И вот настал миг, когда Эмилю пришлось сдаться. Силы оставили его. Он не мог даже приподнять лопату.

— Не могу больше, Альфред, — сказал он и заплакал.

До Марианнелунда оставалось лишь несколько километров, и глупо было сдаваться, когда они уже почти достигли цели.

Альфред не издал ни звука. «Наверно, умер», — подумал Эмиль. Лукас стоял склонив голову — казалось, будто ему стало стыдно. Даже и он ничего больше не мог сделать.

Эмиль сел на облучок, да так и остался сидеть. Он тихо плакал, его засыпало снегом, а он не шевелился. Конец всему, и пусть метет сколько угодно, ему теперь все равно.

Он дремал, ему хотелось спать. Сидя на облучке и не обращая внимания на покрывавшую его пелену снега, он погрузился в сладкий сон.

...Кругом уже не было никакого снега и никакой зимы. Стояло лето. Они с Альфредом спустились вниз к хуторскому озеру — купаться. Альфред хотел научить Эмиля плавать. Смешной Альфред, разве он не знает, что Эмиль уже умеет плавать? Ведь Альфред сам научил его много-много лет тому назад, неужели он забыл? И Эмиль показал ему, как хорошо он умеет плавать! А потом они вместе плавали, плавали без конца и заплывали все дальше в глубь озера. В воде было так чудесно, и Эмиль сказал: «Мы — вдвоем, только мы с тобой! Ты и я, Альфред!» И он ждал, что Альфред, как обычно, ответит

ему: «Да, мы — вдвоем, только мы с тобой! Ты и я, Эмиль!» Но вместо этого послышался звон колокольчиков. Нет, он явно ослышался. Какой может быть звон колокольчиков, когда купаешься!

С трудом разомкнув глаза, Эмиль вырвался из своего сна. *И тут он увидел снегоочиститель!* Сквозь пургу шел снегоочиститель, да, конечно, из Марианнелунда шел снегоочиститель! А тот, кто вел машину, во все глаза смотрел на Эмиля, словно увидел привидение, а не засыпанного с ног до головы снегом мальчишку из Каттхульты, что в Лённеберге.

— А что, дорога расчищена до самого Марианнелунда? — живо спросил Эмиль.

— Да, — ответил тот, кто вел машину. — Успеешь, если поторопишься. Через полчаса будет та же беда!

Но и полчаса было Эмилю достаточно.

Приемная доктора была битком набита людьми, когда туда ворвался Эмиль. Доктор как раз высунул голову из кабинета, чтобы вызвать на прием очередного больного. Но тут Эмиль заорал так, что все подскочили:

— В санях во дворе Альфред! Он помирает!

Доктор не заставил себя ждать. Он позвал двоих стариков, из тех, кто сидел в приемной, — они внесли Альфреда в дом и положили на операционный стол.

Бросив быстрый взгляд на Альфреда, доктор закричал больным:

— Ступайте все по домам! Тут дело серьезное!

Эмиль рассчитывал, что Альфред поправится почти в ту же самую секунду, когда явится к доктору, но, увидев, что доктор покачал головой примерно

так же, как Крёса-Майя, он испугался. Подумать только, а что если уже поздно, что если нет средства вылечить Альфреда? Стоило Эмилю подумать об этом, как ему стало невыносимо больно, и, сдерживая рыдания, он пообещал доктору:

— Я отдам тебе свою лошадь, если вылечишь его... и поросенка, только вылечи! Как думаешь, что-нибудь получится?

Доктор долго смотрел на Эмиля.

— Сделаю, что смогу, но я ничего не обещаю!

Альфред лежал на столе, не подавая никаких признаков жизни. Но внезапно он открыл глаза и смущенно взглянул на Эмиля.

— А ты тут, Эмиль! — сказал он.

— Да, Эмиль тут, — подтвердил доктор, — но теперь лучше ему ненадолго выйти, потому что сейчас я буду тебя оперировать, Альфред!

По глазам Альфреда было видно, что он испугался, — он не привык ни к докторам, ни к операциям.

— Я думаю, ему страшновато, — сказал Эмиль. — Может, лучше мне остаться с ним?

Доктор кивнул:

— Да, раз уж ты сумел доставить его сюда, то, верно, справишься и с этим.

И Эмиль, взяв здоровую руку Альфреда в свою, все время держал её, пока доктор оперировал другую руку. Альфред не издал ни звука. Он не кричал и не плакал; плакал только Эмиль, да и то так тихо, что никто этого не услышал.

Эмиль смог вернуться домой с Альфредом только накануне Рождества. Уже вся Лённеберга знала тогда о его великом подвиге, и все ликовали.

— Этот мальчишка из Каттхульты всегда был нам по душе, — твердили лённебержцы в один голос. — И отчего некоторые бранят его! Все мальчишки — озорники...

Эмиль привез маме с папой письмо от доктора, и там, среди всего прочего, были и такие слова:

«Вы можете гордиться своим мальчиком».

И мама Эмиля записала в синей тетради:

«Боже мой, как это утешело мое бедное материнское сердце, которое так часто сокрушалось об Эмиле. И уж я позабочусь о том, чтоб все в Лённеберге узнали про это».

Но какие же беспокойные дни пришлось им пережить в Каттхульте! В то ужасное утро, когда обнаружилось, что Эмиль с Альфредом исчезли, папа Эмиля так расстроился, что у него заболел живот и ему пришлось лечь в постель. Он не верил, что когда-нибудь увидит Эмиля в живых. Но потом из Марианнелунда пришли вести, которые успокоили его. Однако боли в животе не затихали, пока Эмиль не вернулся домой и не ворвался в горницу к отцу. Пусть папа увидит, что он снова дома.

Папа взглянул на сына, и глаза его заблестели.

— Ты — хороший мальчик, Эмиль, — сказал он.

А Эмиль так обрадовался, что у него забилось сердце. Право же, это был один из тех дней, когда он любил своего отца.

А мама стояла рядом и расцветала от гордости.

— Да, он молодчина, наш Эмиль! — сказала мама, потрепав кудрявые волосы сына.

Папа лежал, прижав к животу горячую крышку от кастрюли. Это смягчало боль. Но теперь крышка остыла, и ее нужно было снова подогреть.

— Дай-ка я подогрею, — живо вскочил Эмиль, — я привык ухаживать за больными!

Папа одобрительно кивнул.

— А ты можешь дать мне стакан сока, — сказал он маме Эмиля.

Да, теперь ему было хорошо, теперь ему оставалось только лежать, и пусть все ухаживают за ним.

Но у мамы были другие дела, и прошло целых полчаса, прежде чем она вспомнила про сок. Она только стала его наливать, как услышала из горницы дикий вопль. Кричал папа Эмиля. Ни секунды не мешкая, мама вбежала в горницу, и в тот самый миг крышка от кастрюли покатила прямо ей навстречу. Она едва успела отскочить в сторону, но от испуга выплеснула сок, брызнув на крышку. Крышка зашипела.

— Горе мое луковое, сколько времени ты грел крышку?! — спросила она Эмиля, который стоял перед ней в полной растерянности.

— Я думал, что она должна нагреться почти как утюг, — объяснил Эмиль.

Выяснилось, что, пока Эмиль был в кухне и грел на плите крышку, папа задремал. А когда Эмиль вернулся и обнаружил, как мирно спит его папа, он, конечно, не захотел будить его, а осторожно сунул крышку под одеяло и положил ее отцу на живот. Да, неудачно вышло: крышка нагрелась слишком сильно.

Мама Эмиля постаралась, как могла, успокоить мужа.

— Ничего-ничего, сейчас принесу мазь от ожогов, — пообещала она.

Но папа Эмиля встал с постели. Он сказал, что боится лежать теперь, когда сын вернулся домой. Да и вообще, мол, пора встать и пойти поздороваться с Альфредом.

Что касается Альфреда, то он сидел на кухне, очень бледный, с рукой на перевязи, но радостный и довольный, а вокруг него в полном восторге хлопотала Лина.

Вместе с Крёсой-Майей они начищали медную посуду: все горшки, и миски, и сковородки должны были блестеть и сверкать к Рождеству. Но Лина уже не могла заниматься своим делом. Она суетилась вокруг Альфреда с тряпкой для чистки посуды в одной руке и с миской, где лежала сырная лепешка, в другой. Она вела себя так, словно нежданно-негаданно обнаружила в своей кухне золотой слиток. Маленькая Ида не сводила с Альфреда глаз. Она так пристально смотрела на него, будто не знала, в самом ли деле человек, который вернулся домой, их прежний Альфред.

Крёса-Майя переживала одну из самых великих минут своей жизни. Не закрывая рта, болтала она о заражении крови. Альфред может радоваться, что дело кончилось так, как оно кончилось.

— Но ты не очень-то задирай нос, потому что заражение крови порой бывает длительным и тяжелым. Глядишь, и снова расхвораешься, когда уже думаешь, что здоров. Уж поверь мне, что это так и есть.

В тот вечер в Каттхульте было очень уютно. Мама Эмиля достала из кладовой свежую колбасу, начиненную кашей, и начался настоящий пир.

Все вместе — Эмиль, и его мама, и папа, и маленькая Ида, и Альфред, и Лина, и Крёса-Майя — сидели в красиво убранной кухне, радостные и веселые. Да, то был настоящий праздничный вечер со свечами на столе. А колбаса была отменная — коричневатая, поджаристая. Они ели ее со свежей брусникой. Усерднее всех налегал на колбасу Альфред, хотя ему нелегко было управляться только правой рукой. Лина с любовью смотрела на него, и вдруг ей в голову пришла замечательная мысль.

— Послушай-ка, Альфред, раз у тебя *нет* никакого заражения крови, мы можем пожениться к весне, верно?

Альфред испугался так, что даже подскочил и присыпал бруснику на брюки.

— Этого я не обещаю, — сказал он. — У меня ведь есть еще один большой палец, так что неизвестно, может, и в нем будет заражение крови.

— Ну уж нет, — возразил Эмиль, — тогда я закопаю тебя к северу от дома, это я обязательно сделаю, потому что везти тебя в Марианнелунд еще раз я не смогу.

Крёса-Майя сердито поглядела на Эмиля.

— С тебя станется, ничего святого для тебя нет, только бы позубоскалить. Уж я-то знаю, — обиженно сказала она.

И вот теперь, когда они сидели при свете рождественских свечей и было так хорошо и даже немного торжественно, мама Эмиля вытащила из кармана передника письмо и прочитала всем то, что доктор написал об Эмиле. «Им не помешает послушать такое письмо», — думала она.

После того как письмо было прочитано, все замолчали. Стало тихо, потому что они слышали торжественные и красивые слова. Наконец маленькая Ида произнесла:

— Это о тебе, Эмиль!

Но Эмиль сидел смущенный, не зная, куда деваться. Все смотрели на него, а он этого терпеть не мог, поэтому упрямо глядел в окошко. Но и то, что он там увидел, не способствовало бодрости его духа. Он увидел, что снова идет снег, и понял, кому завтра надо рано вставать и убирать его.

Он снова принялся за колбасу, начиненную кашей, но ел опустив глаза и иногда лишь быстро поднимал их, чтобы посмотреть, не глядят ли еще на него.

На него смотрела только мама. Она не могла оторвать взгляда от своего любимого мальчика. Он был такой славный — розовощекий, кудрявый, с кроткими голубыми глазами. «Да, он точь-в-точь рождественский ангел», — думала она. А тут еще доктор сказал, что она имеет право гордиться им.

— Чудно́, — сказала мама Эмиля. — Порой, когда я смотрю на Эмиля, мне кажется, что когда-нибудь он будет великим человеком!

Папа Эмиля явно сомневался в этом.

— Каким еще великим? — удивился он.

— Да откуда мне знать? Может... председателем муниципалитета или еще кем-нибудь.

Лина разразилась непристойным хохотом.

— Быть того не может, чтобы председателем муниципалитета стал эдакий озорник!

Мама Эмиля строго посмотрела на нее, но, так ничего и не сказав, еще раз сердито обнесла всех по кругу колбасой, начиненной кашей.

Эмиль положил себе на тарелку еще кусочек и, медленно посыпая брусничкой колбасу, начал размышлять над тем, что сказала мама. А вдруг он в самом деле станет председателем муниципалитета, когда вырастет? Может, это не так уж и глупо? Ведь кому-нибудь же надо быть председателем!

Затем он стал думать о словах Лины. Если он станет председателем, который озорничает... какие бы тогда придумать проделки?

Налив в стакан молока, он продолжал размышлять... Проделки председателя муниципалитета должны быть почище обычных мальчишеских. Их вот так мигом, с ходу, не придумать. Он поднес стакан к губам, чтобы сделать глоток. И в эту самую минуту ему пришла в голову еще одна, по-настоящему забавная, мысль... И тогда он фыркнул, а молоко разбрызгалось, и, как обычно, досталось папиному жилету. Однако папа Эмиля не очень рассердился: нельзя ведь ругать того, кого так расхвалил доктор и кто совершил удивительный подвиг. Папа Эмиля ограничился лишь тем, что стряхнул с жилета молоко и чуть сурово сказал:

- Да, сразу видно, кто вернулся домой!
- Не надо так говорить, — попросила мама.

Папа замолчал и погрузился в размышления о своем сыне и его будущем.

— Сомневаюсь, чтоб Эмиль стал председателем муниципалитета, — сказал он под конец. — Но все же из него может получиться дельный парень. Если, конечно, ему суждено остаться живым и здоровым.

Мама удовлетворенно кивнула:

- Да, да! Из него-то непременно получится!

— Если этого захочет сам Эмиль! — сказала маленькая Ида.

Эмиль плутовски улыбнулся.

— Поживем — увидим, — сказал он. — Поживем — увидим!

И настал вечер, и настала ночь, и все тихо и мирно уснули. А снег сыпал и сыпал на Каттхульт, на всю Лённебергу, на весь Смоланд.

Да нет же, нет, доктор не взял у Эмиля ни Лукаса, ни Заморыша. Не бойся!

Ида и Эмиль
из Лённеберги

Как маленькой Иде пришлось стать проказницей

ак вот, на хуторе Каттхульт близ Лённеберги, в Смоланде, жили Эмиль и его маленькая сестренка Ида. Слыхал ты о них когда-нибудь? Если слыхал, то знаешь, что Эмиль проказничал почти каждый день и за свои проделки ему приходилось почти каждый день сидеть в столярной. Его папа считал, что благодаря такому наказанию Эмиль отучится проказничать. Хотя бы ради того, чтобы не сидеть в столярной. Но он ошибся. Эмиль считал, что в столярной очень уютно. Он спокойно сидел там и, до тех пор пока его не выпускали на волю, вырезал деревянных старичков. Когда он уже отсиживал там положенный срок, дверь ему открывала иногда маленькая Ида. Маленькая Ида тоже считала, что в столярной уютно. Ей тоже хотелось когда-нибудь посидеть там взаперти. Но для этого надо было сперва что-то натворить, а она, бедняжка, не умела.

— Все равно я придумаю какую-нибудь проделку! — сказала она Эмилю.

— Озорные проделки не придумывают, они получаются сами собой. А получилась проделка или нет, узнаешь только потом.

— Ага, если папа кричит: «Э-э-э-миль!» — значит, это проделка, — сказала Ида.

— Во-во! — подтвердил Эмиль. — И тогда я сразу же бегу в столярку.

Маленькая Ида не понимала, почему на ее долю никогда не выпадает хоть какая-нибудь проделка, в то время как на Эмиля они так и сыплются. Вот она и пошла к Лине — каттхультовской служанке.

Ну и расхохоталась же Лина!

— Это ты-то хочешь проказничать, ты, такая добрая малышка?! Где уж тебе озорничать! На это только злодеи горазды. Такие как Эмиль!

Ида говорила об этом и с Альфредом — каттхультовским работником.

— Я тоже хочу сидеть в столярке! — заявила Ида. — Да, и я тоже!

Альфред почесал в затылке. Он охотно помог бы Иде, если бы только мог. Но ему это было не под силу.

— А Эмиль разве не может придумать для тебя хоть какую-нибудь ерундовую проделку? — спросил он.

— Озорные проделки не придумывают, — ответила Ида. — Они сами собой получаются. Да только не у меня...

А Эмиль тем временем изобретал все новые проделки, одну за другой. Однажды утром, когда старушка Крёса-Майя пришла в Каттхульт, чтобы помочь Лине стирать белье, оказалось, что Эмиль выпустил из овечьего загона злющего каттхультовского

барана, которого звали Шут Гороховый. Крёса-Майя мигом вскарабкалась на каменную ограду, чтобы этот негодник не забодал ее, да так и осталась стоять там, бедняжка, меж тем как Шут бегал внизу и караулил ее. Крёса-Майя стала кричать что есть сил и звать на помощь. Но никто ее не услышал. Никто, кроме Эмиля, который в это время собирал за оградой овечьего пастбища лесную землянику. Легкомысленный как всегда, он не запер за собой калитку. Теперь же он так поспешно рванулся к ограде, что ягоды разлетелись из корзинки мелкими брызгами во все стороны. Увидев открытую калитку, и Крёсу-Майю на каменной ограде, и Шута, караулившего ее внизу, Эмиль сказал самому себе:

— Вот это да! Теперь у меня на счету новая проделка!

— Так это ты выпустил из загона Шута, злодей ты этакий? — спросила Крёса-Майя.

— Да, — ответил Эмиль. — Хотя я этого вовсе не хотел. Но не бойся, сейчас я займусь бараном, так что ты сможешь спуститься вниз.

Он стал прыгать и орать во все горло и так раздражил барана, что тот и думать забыл про Крёсу-Майю. Теперь он решил наброситься вместо старушки на Эмиля. Но Эмиль был мальчишка шустрый. Он бросился бежать, а за ним во всю прыть неся Шут. Они промчались через калитку на пастбище. Эмиль впереди, а баран — сзади. Они бежали все дальше и дальше по пастбищу, так что добежали даже до Аттилантен, глубокой ямы, наполненной водой, где обычно Эмиль и Ида пускали свои лодочки из коры. Они называли эту яму «поместье Аттилантен» и всегда играли там очень весело.

И вот теперь Эмиль совершил гигантский прыжок — наискосок через яму Аттилантен. Шут ринулся за ним! Подумать только! И он тоже почти перелетел через яму! Но барану не так повезло, как Эмилю. Со страшным шумом Шут плюхнулся прямо в яму Аттилантен и погрузился в воду по самую бороду. Он заблеял, призывая на помощь еще отчаяннее, чем Крёса-Майя, но Эмиль сказал ему:

— Сам виноват! Я вовсе не собираюсь вытаскивать тебя из лужи, да и вообще мне это не под силу.

Хотя он отлично понимал, что Шута надо вытащить из ямы во что бы то ни стало, пока папа не узнал, что произошло.

«Если б только привести сюда Альфреда, — подумал он, — никто бы ничего не узнал об этом».

Он побежал за Альфредом, но на этот раз был достаточно предусмотрителен и, покидая овечье пастбище, закрыл за собой калитку. Но не успел он накинуть крючок, как увидел Крёсу-Майю. Она по-прежнему стояла на ограде и так злилась, что только пух и перья летели. Когда за тобой гонится злющий баран, на ограду вскарабкаешься мигом. Но спуститься вниз для старушки Крёсы-Майи было куда труднее. Она пыталась, да ничего у нее не получалось.

— По-твоему, я буду торчать тут, пока солнце не зайдет? — кричала она. — Ступай сейчас же за Альфредом, злодей чертов!

— Да, но прыгнуть-то ты, верно, сможешь и сама? — спросил Эмиль. — А я тебя подхватчу.

— Спасибо тебе! — бушевала Крёса-Майя. — Лучше уж я буду стоять здесь до тех пор, пока не рухну! Сейчас же ступай за Альфредом, кому сказала!

Эмиль так и сделал. Но хуже не бывает: когда он встретил Альфреда, тот был не один. Альфред вместе с папой Эмиля косил траву на Северном лугу. И когда примчался запыхавшийся Эмиль, папа спросил:

— Ну что там еще стряслось? Пожар, что ли, где-нибудь?

— Не-а, хотя Крёса-Майя... — начал было Эмиль, но тут же смолк.

И все-таки папа Эмиля очень быстро вытянул из него всю правду и о Крёсе-Майе, очутившейся на ограде овечьего пастбища, и о Шуте, рухнувшем в яму Аттилантен. Что тут началось!

— Наш драгоценный баран, который стоил двадцать крон! — вопил папа Эмиля. — О Боже, помоги нам спасти его и... да, Крёсу-Майю, само собой, тоже, но это потом.

И они пустились бежать, все трое: папа Эмиля, и Эмиль, и Альфред. И пока они мчались на выгон, папа хвалил Эмиля за то, что он так быстро прибежал за помощью. Но тогда еще папа не знал, кто так бездумно оставил калитку открытой.

Уже издалека они услышали, как Крёса-Майя и Шут орут благим матом, перекрикивая друг друга. Нет, такую беду никак не сохранить в тайне, напрасно Эмиль считал, что это возможно. Сама Крёса-Майя была не из тех, кто может хранить какие-нибудь тайны.

Чтобы вызволить Шута из ямы Аттилантен, потребовалось время. И когда наконец настал черед Крёсы-Майи спускаться вниз с ограды, она была уже совершенно измучена. Но ей страшно хотелось поскорее рассказать папе Эмиля о том, кто оставил калитку

на овечьем пастбище открытой, несмотря на строжайший запрет. Ведь еще в колыбели Эмилю внушали, что все калитки нужно запирать. Совершенно безмозглый мальчишка!

Выслушав обвинения старушки, Эмиль взял свою корзинку с земляникой и тихонько отправился домой, представляя, что сейчас начнется.

И в самом деле! Он не ошибся.

— Э-э-э-миль! — закричал его папа.

Тут Эмиля словно подстегнули. Когда он рванул с места в карьер, земляника снова так и брызнула из корзинки. И весь остаток дня он просидел в столярной, вырезая себе нового деревянного старичка.

— А я? Мне так никогда и не попасть в столярку! — печально сказала маленькая Ида.

В Каттхульте было множество самых разных животных. И не только овцы и злющий баран; там были поросята и коровы, а также несколько лошадей и великое множество кур. У Эмиля к тому же была собственная курица, которую звали Лотта-хромоножка. И она неслась лучше, чем все остальные куры, хотя однажды в молодости сломала одну ножку и с тех пор так и осталась хромой.

Однажды утром, когда все, кто жил в Каттхульте, сидели на кухне и завтракали, мама Эмиля сказала:

— Теперь я просто уверена: Лотта-хромоножка несется где-то в совершенно другом месте, а не в курятнике.

— Ишь какая! — воскликнул Эмиль. — Ну да ладно. Мы скоро найдем ее тайник. Пошли, Ида!

— Если найдете яйца Лотты-хромоножки, получите на ужин блины, — пообещала мама Эмиля.

Эмиль и Ида очень любили блины и тут же помчались к курятнику.

— Мне нужно сказать Лотте пару теплых слов! — строго заявил Эмиль.

Куры в Каттхульте свободно разгуливали где им вздумается целые дни напролет. И только когда наступал вечер, Лина запирала курятник, чтобы их не украли лиса.

И вот сейчас все куры сидели в своих гнездах и собирались класть яйца. Некоторые из них уже справились с этим и громко кудахтали, желая возвестить миру о таком великом событии.

И только одна Лотта-хромоножка бродила по холму, роясь в земле хромой лапкой. Понятно, она во все и не собиралась садиться в какое-то там гнездо.

— Ах ты, негодная девчонка! — обругал курицу Эмиль. — Где ты кладешь свои яйца?

Но Лотта-хромоножка разгуливала по холму, искала червей и вела себя как-то странно. Казалось, будто она даже никогда и не слышала, что куры должны нести яйца. Время от времени она склоняла головку набок и хитро поглядывала на Эмиля и Иду. Нечего и гадать: совершенно ясно, что, пока они не уйдут, курица даже не подумает сесть ни в какое гнездо.

— Ну и вредная же ты хитрюга! — сказал Эмиль. — Да и мы тоже не лыком шиты. Пойдем, Ида, спрячемся за углом курятника.

И вот они притаились там, хитрые-прехитрые, хитрее даже, чем могла бы ожидать Лотта-хромоножка.

И лишь иногда Эмиль высовывался из-за угла и тайком подглядывал за курицей. Но она его не за-

мечала, уверенная, что вот теперь-то она наконец одна.

И вдруг Лотта пустилась наутек — прямо в кусты крыжовника. А кусты были такие высокие, густые, обильно усыпанные ягодами, которые вот-вот уже созреют. Лотта-хромоножка остановилась и опасливо огляделась по сторонам. А потом нырнула под кусты.

Но следом за ней шли Эмиль с Идой. И только Лотта собралась было положить яйцо в прекрасное гнездо, которое она вырыла себе в кустах, как Эмиль схватил ее. Не помогло ей и то, что она била лапками и кудахтала в знак протеста...

— Ах ты, негодная девчонка! Сейчас мы посмотрим, сколько яиц ты снесла! — сказал Эмиль. — Считай, Ида!

И Ида стала считать. В ямке лежало девятнадцать яиц. Какое счастье, что не больше, ведь Ида умела считать только до двадцати.

— Ты что, не понимаешь? Какая ты глупыха! — сказал Эмиль Лотте. — Ведь яйца здесь, на жаре, могут протухнуть!

Лотта не спускала глаз с Эмиля. Какие чудесные деньки выпали ей на долю в этой ямке! Но она понимала, что теперь им пришел конец. И Лотта-хромоножка успокоилась. Курица-то она была неглупая!

— А вдруг все яйца протухли? Подумать только! Тогда я не хотела бы съесть их вместе с блинами! — сказала маленькая Ида.

— Разбей одно яйцо и проверь, — посоветовал Эмиль.

Он охотно сделал бы это сам, но ведь ему надо было держать Лотту, чтобы она не вырвалась.

А Ида взяла яйцо и разбила его о грушевое дерево, росшее совсем рядом. Белок с желтком потекли по стволу, и Ида понюхала их.

— Нет, это яйцо *не было испорчено!* Хотя *теперь* про него так не скажешь...

Лотта-хромоножка раскудахталась и подняла страшный шум, ведь ей пора было нестись.

И Эмиль догадался об этом.

— Ладно, ладно! — успокоил он ее. — А теперь я покажу тебе, где надо класть яйца. Подожди меня здесь, Ида, я скоро вернусь!

И Эмиль помчался к курятнику, чтобы скорее посадить Лотту в ее гнездо.

Маленькая Ида осталась одна. Яиц было теперь только восемнадцать.

— Вот это вроде протухло, — сказала самой себе Ида, выбирая одно из яиц. Затем, подойдя к грушевому дереву, она и его разбила о ствол.

— Ой, фу, как пахнет! — сказала девочка. — Так я и думала! Если бы это яйцо попало в блины — вот был бы ужас! Я бы этого не вынесла! — сказала Ида, выбрав новое яйцо из оставшихся семнадцати.

Это яйцо пахло неплохо, и оно вполне годилось для блинного теста.

— Но теперь уже поздно, — вздохнула Ида. — Зато ни одно тухлое яйцо не попадет в блины — вот что главное!

И она выбрала еще одно яйцо из оставшихся шестнадцати...

Когда Эмиль вернулся, Ида уже вытирала свои липкие пальчики о передник.

— Отгадай, сколько было тухлых? — спросила она. — Всего два! — И, немного подумав, чуть мрачно

добавила: — Но семнадцать, ясное дело, можно было бы положить в блины.

— Что ты натворила?! — спросил Эмиль, увидев яичницу под грушевым деревом.

Личико Иды так и просияло.

— Сдается мне, что я напроказничала! — сказала она. — Ведь это и есть проделка, правда?

— Да, наверно, так оно и есть, — согласился Эмиль.

— А я этого и не знала! — сказала Ида. — Твоя правда, Эмиль, озорные проделки *получаются* сами собой.

И тут как раз появился папа Эмиля. Ему нужно было навеститься в свинарник, и он пошел кратчайшим путем, мимо кустов крыжовника. Но при виде грушевого дерева он внезапно остановился как вкопанный и заорал:

— Что это? Во имя всех святых — что я вижу?!

— Яичницу! — ответил Эмиль.

— Э-э-э-миль! — завопил папа.

И тут Эмиль кинулся бежать во всю прыть — прямо в столярную. А папа отправился следом за ним, чтобы заложить дверь на засов.

А маленькая Ида, оставшись одна возле яичной лужи, горько заплакала.

— Никогда не попасть мне в столярку! — всхлипывала она.

Однако в тот вечер в Каттхульте блины все-таки напекли. Потому что у мамы Эмиля хранилось в кладовке много яиц.

— Почему ты не сказал, что все это натворила я? — спросила маленькая Ида, когда пришла отпереть дверь Эмилю.

— Вот еще! А зачем? Ведь никто не спрашивал, чья это работа. А мне ведь проделкой больше, проделкой меньше — все едино!

Но когда они все вместе сидели вокруг кухонного стола и ели дивные блины, маленькая Ида сказала:

— Папа, а это вовсе не Эмиль разбил яйца. Это сделала я!

Папа тут же уронил ломтик блина, который как раз собирался отправить в рот.

— Ты, Ида?! — удивленно воскликнул он и расхохотался. — Как, и ты, малышка, принялась проказничать? Ну-ка ешь свой блин, и забудем об этом!

— Нет, мне это не по душе! — строго сказала мама Эмиля. — Надо разобраться!

Тут папа Эмиля чуточку смутился.

— Надо, ясное дело, надо! Для начала я должен попросить у тебя прощения, Эмиль, — сказал он.

Потому что не такой он был плохой человек, чтобы не признаться, если совершал ошибку.

— Ведь ты простишь меня, Эмиль? Ну что тебе — жалко?

— Ладно! — отозвался Эмиль.

— Но послушай-ка! Почему ты ничего не сказал? — спросил Эмиля его папа.

— Вот еще! А зачем? Нечего по пустякам шум подымать!

— И мне тоже это не по душе, — вмешался Альфред и подмигнул Эмилю.

— И вообще, ведь ты скоро снова напроказничаешь, — решила Лина. — Так что в столярке ты отсидел не зря...

— Не встревай в эти дела, Лина! — оборвала ее мама Эмиля.

— Завтра, — заявила вдруг маленькая Ида, — тебе, Эмиль, незачем озорничать снова. Потому что завтра в столовке буду сидеть я!

Проделка Эмиля № 325

Каттхульт близ Лённеберги, где жил тот самый Эмиль, был просто чудесной маленькой усадьбой. Всем жилось там привольно: и Эмилю, и его маленькой сестренке Иде, и его маме, и его папе. Да, там хорошо было даже Альфреду и Лине, каттхультовским работнику и служанке.

— Хотя и у нас случаются беды, ясное дело, — сказала однажды Лина. — Этот вечный снег зимой и эти вечные мухи летом! Да еще Эмиль, который проказничает и летом и зимой. Да, ясное дело, бед здесь хватает!

Но тут мама Эмиля строго взглянула на Лину. О проделках Эмиля она и слушать не желала. Право, Эмиль и без того огорчал ее, а тут еще Лина надоедает. Но что правда, то правда — мух в усадьбе хватало. И до чего ж они были любопытные! Особенно когда в Каттхульте наступало время еды и все собирались вокруг обеденного стола, чтобы съесть свою тарелку доброго мясного супа или что-нибудь еще. Миг — и мухи уже тут как тут! Расселись по столу и тоже желают обедать вместе со всеми.

Только к вечеру устраиваются они на ночлег на потолке кухни. И набиваются, как сельди в бочку,

в потолочные щели. О, как мама Эмиля ненавидела мух!

— Несчастные вы черти летучие, в гроб вы меня вгоните! — сказала она. — Надо бы мне купить клейкую бумагу-мухоловку.

Папа Эмиля так испугался ее слов, что даже подпрыгнул. Клейкая бумага-липучка стоила 10 эре один листок. Подумать только! Неужто мама Эмиля на самом деле вбила себе в голову, что ей нужны такие листки?

— Ну уж нет, спасибочки! — съязвил он. — обойдемся нашей мухоловкой-сачком.

Папа был в таком ужасе от грозящей траты денег, что в этот вечер сам стал выгонять из кухни мух; обычно это делала Лина. В одной рубашке, держа в руках мухоловку, развевающуюся над его головой, он бегал по кухне, пугая несчастных мух, которые расселись на потолке и как раз собрались спать. На дровяном же ларе сидели страшно довольные Эмиль с Идой и смотрели во все глаза на папу. Ну и веселое представление он устроил! Мама тоже смотрела на папу, но вид у нее был невеселый. Почему ей нельзя купить липучки? Ведь все женщины в Лённеберге уже обзавелись ими, купили себе сколько надо!

Папа Эмиля, увидев ее угрюмое лицо, приостановил на миг свои прыжки.

— До чего ж ты все-таки чудная, Альма! — сказал он. — Вынь да положи тебе сейчас же все самое дорогое да модное! Счастье, что в этом доме есть хоть один человек, у которого хватает смекалки беречь денежки! — А потом добавил как бы в шутку: — Более ловкого и более дешевого ловца мух, нежели нижеподписавшийся Антон Свенссон, тебе

никогда не найти! Ты посмотри, как замечательно я это делаю!

Он помчался по кухне, размахивая мухоловкой, так что испуганные насмерть мухи, жужжа, разлетелись во все стороны. Ясное дело, несколько мух попало в мухоловку, но не очень много. Мама Эмиля, презрительно фыркнув, вышла из кухни и уселась на крыльцо сеней, чтобы остыть. Такой спектакль она больше смотреть не желала!

Папа между тем носился по кухне со своей мухоловкой и не сдавался до тех пор, пока не ударился большим пальцем о дровяной ларь. Тогда-то ему и расхотелось ловить мух.

— Гм, а кстати, пора нам ложиться спать! — сказал он. — Самое время!

Мухи думали абсолютно то же самое и спокойно расселись снова по своим местам в щелях потолка.

И все-таки папа твердо решил: липучек в его доме не будет! Мама Эмиля каждый день ахала да охала из-за мух, но не думайте, что это его трогало.

— Ну тебя с твоими липучками! — говорил он маме. — Начни только швыряться деньгами и покупать что попало — этак мы по миру пойдем! И кончится все для нас нищенским посохом!

Нищенским посохом! Ничего ужасней этого Эмиль в жизни своей не слышал! Нищенский посох — это, наверно, палка, на которую опирались обнищавшие люди в прежние времена, когда они таскались по всей округе и попрошайничали. Подумать только, а что если в один прекрасный день он увидит, как его мама и папа с посохом в руках бродят по усадьбам в Лённеберге, выпрашивая кусок хлеба? Да, в таком случае ему и маленькой Иде тоже придется, конечно, нищен-

ствовать вместе с ними! А все из-за того, что мама растратила их деньги на липучки!

Эмиль стал подготавливать маленькую Иду к тому, что их ожидает.

— Но я смогу вырезать тебе маленький нищенский посох! — сказал он ей в утешение.

Ида громко заревела. Ясно, что она не хотела никаких нищенских посохов, и Эмилю стало ее жалко.

— Не плачь, — сказал он. — Я уж как-нибудь все улажу!

Эмиль долго не спал в тот вечер и без конца раздумывал.

«Уж кто горазд на выдумки, так это Эмиль! Такого головастого и хитрющего парня во всем мире не найдешь!» — говаривал обычно Альфред, и это была истинная правда.

И вот теперь Эмиль лежал в своей кроватке и думал изо всех сил — так, что у него раскалывалась голова.

«Во-первых, жалко маму, ведь ей так и не видать этих липучек. Во-вторых, она все равно их купит рано или поздно, уж я-то знаю. И тогда будет жалко папу, которому придется побираться с нищенским посохом в руках. Но, — подумал он, — если все равно придется побираться, то ведь мне лучше было б, к примеру, взяться за нищенский посох уже теперь и выклянчить денег, чтобы купить липучки до того, как мы обнищаем. Да, смотри-ка, стоит только пораскинуть мозгами, как все устраивается. Так я и знал!»

На другой день Эмиль забрался в заросли орешника на коровьем выгоне и принес оттуда подходящую ветку. Из нее он вырезал себе в столярной один

из самых красивых на свете нищенских посохов. Во-обще-то Эмиль умел обращаться с поделочным ножом так, что любо-дорого смотреть! Да, потому что после каждой озорной проделки он вырезал одного деревянного человечка за другим. У него на полке в столярной скопилось их уже 324. Вот и нищенский посох был сработан рукой мастера — сразу видно. Эмиль украсил весь посох разными вензелями и тонкими завитушками, а как раз посреди завитушек он вырезал так красиво: «НИЩЕНСКИЙ ПОСОХ ЭМИЛЯ СВЕНССОНА». Попрошайничать с таким посохом — одно удовольствие.

Но, конечно, все в Лённеберге знали Эмиля как облупленного — все его выходки и проделки. Поэтому он понимал, что ни один человек во всем приходе ему и гроша ломаного не даст.

«Но вот если они не узнают меня, тогда, может... — думал он. — Мне надо чуточку измениться!..»

На другой день было воскресенье, и Эмиль решил, что вот сегодня все и произойдет. Его мама, и папа, и маленькая Ида поехали в церковь, Альфред спал в людской, а Лина сидела на крыльце и настырно распевала во все горло, чтобы заставить его проснуться:

Зачем завлек мое младое сердце,
Зачем меня заставил полюбить?
Зачем меня ты разлюбил так быстро,
Зачем, зачем покинул ты меня?

А Эмиль тем временем оставался один в горнице. Он сразу же начал переодеваться, чтобы превратиться в нищего ребенка. Это ему прекрасно удалось. Он сам чуть не заплакал, когда увидел себя в зеркале

в отцовской шляпе с широкими, опущенными вниз полями, прикрывавшими ему глаза, и в старом отцовском пиджаке, волочившемся чуть ли не по полу. Из-под пиджака высовывались голые грязные мальчишеские ноги. И таким же черным от сажи было его лицо, словно у него в разнесчастной его бедности не хватало средств даже на то, чтобы купить мыло и умыться. Такого душераздирающе нищего ребенка в Лённеберге никогда прежде не видывали, уж это точно, и Эмиль сказал осуждающе:

— Тот, кто не подаст мне такую милостыню, чтоб ее хватило хотя бы на одну липучку, тот просто скотина, да еще к тому же и бессердечная!

Но разве можно надеяться на этих скупердяев из Лённеберги? И Эмиль надумал начать с пасторской усадьбы. Он точно знал, что жена пастора дома. Пастор был в это время в церкви и читал проповедь, а его домочадцы тоже должны были отправиться туда, хотя бы они того или нет. Но все в приходе, и Эмиль в том числе, знали, что жена пастора с места двинуться не может, так как у нее болит нога.

«Она добрая и к тому же еще плоховато видит, — подумал Эмиль. — Никакого риска, что она меня узнает».

В это прекрасное воскресное утро жена пастора сидела под высокой рябиной на пасторском дворе и скучала. Ее больная нога лежала на скамеечке, а рядом, на маленьком столике, стояли сок и булочки. Она страшно устала сидеть без дела. И поэтому очень оживилась, увидев маленького мальчика, который как раз входил в калитку с нищенским посохом в руках. Ах, как ужасно живет этот несчастный нищим детям! И как они одеты! К этому ребенку надо быть добрее!

Эмиль остановился на почтительном расстоянии от пасторши и запел:

Я нищ и гол, я бос и наг,
Но весел я всегда...

Это была прекрасная и благочестивая песня, которую Эмиль выучил в воскресной школе. И когда он спел ее целиком, у жены пастора в глазах стояли слезы.

— Подойди ко мне, дружок, — сказала она. — Тебе в самом деле живется так трудно?

— Да, могу поклясться! — ответил Эмиль.

— Дома у вас, верно, нищета? Есть ли у вас какая-нибудь еда?

Эмиль покачал головой:

— Не-а... большей частью мухи!

— Вы едите мух?! — в ужасе вскричала пасторша.

— Не-а... пока еще нет, — чистосердечно признался Эмиль. — Но, может, и придется еще их есть!

Раньше ему это и в голову не приходило, но Эмиль с необычайной легкостью мог внушить себе любую дурость. И в самом деле, кто знает, что приходится есть несчастному нищему ребёнку?! Теперь и у Эмиля на глазах выступили слезы.

«Этот мальчишка битком набит всякими выдумками и дурацкими проделками!» — не раз говаривала Лина. И она была права. Потому что в эту минуту, стоя на пасторском дворе, Эмиль совершенно явственно ощущал себя несчастным нищим ребенком, которому вскоре придется есть мух. И от одной мысли об этом он громко заревел.

— Милое, дорогое дитя! — сказала пасторша, и не успел Эмиль досыта нареветься, как она сунула ему в кулачок двухкрановую монету.

Две кроны! Это же целых двадцать липучек! Теперь-то он мог выбросить нищенский посох! И он тут же отшвырнул его прочь.

По доброте сердечной пасторша также предложила Эмилю сок и булочки — на дорожку, как говорят.

— Вкусно? — спросила она.

— Куда лучше, чем мухи, это уж точно! — ответил Эмиль.

Назавтра он отправился в лённебергскую лавку и накупил целых двадцать липучек. На обратном пути он от радости весело подпрыгивал на бегу. Какая гигантская неожиданность для мамы с папой, и уж ничуть не меньше для мух!

Везло ему, этому Эмилю! Как раз в тот самый день родители его были приглашены на пир в другом конце прихода и должны были вернуться домой только поздно вечером.

«Ну теперь-то я успею! — подумал Эмиль. — Только сперва надо, чтобы все эти типы заснули. Ну Лина, да Ида, да еще целый рой мух!»

К счастью, все они были уже по-вечернему сонными. Вскоре на своем кухонном диване уснула Лина, в своей кроватке в детской — маленькая Ида, а в своих щелях на потолке — мухи.

Тут Эмиль принялся за работу. В кухне была тьма кромешная, но он зажег керосиновую лампу над столом. Лина храпела во сне и ничего не замечала. Так что Эмиль мог спокойно заниматься чем ему вздумается.

Сначала он натянул целую сеть веревок по всей кухне на достаточной высоте, а потом растеребил свой богатейший запас липучек.

«Что и говорить, клейкая работенка да липкая, — подумал он, доставая липучки из тесных коробочек и

развешивая их на веревках. — А вообще — это пустяки, лишь бы все получилось так, как я задумал».

Так все и получилось на самом деле. Когда Эмиль управился со своей работой, вся кухня напоминала колонный зал, где колоннами были свившиеся липучки. Да, да, здесь стало куда лучше, чем в любой другой кухне в Лённеберге, где висела всего-навсего одна жалкая липучка, которой ловили мух! Ну теперь-то уж каттхультовские мухи все до единой будут обмануты сразу, одним махом. Когда мухи проснутся завтра рано утром, они по простоте своей подумают, что все это бурое, клейкое, развешанное на длинных веревках по всей кухне — гигантский завтрак, который приготовили только для них. И не успеют они сообразить, какие они дуры, как все до единой будут беспощадно пригвождены к липучкам. «Ясное дело, их даже немножко жалко, — думал Эмиль, — но ведь никто не звал их в Каттхульт, так что пусть пеняют на себя». И Эмиль ликовал, представляя, как обрадуется мама. Папа, верно, тоже будет доволен, раз у них в Каттхульте теперь столько липучек, да еще совершенно бесплатно. Ведь он не заплатил за них ни одного эре, да и по миру с нищенским посохом ему идти тоже не придется.

Эмиль погасил лампу и лег в постель, радостный, в предвкушении нового дня. Завтра, рано утром, когда его мама и папа выйдут на кухню выпить чашечку кофе, над Каттхультом разнесутся ликующие крики, уж это точно!

Да, тут на самом деле послышались крики, и это глубокой темной ночью! Но крики эти вовсе не были ликующими. Сначала раздался такой страшный вопль, что дом содрогнулся. Это произошло в тот миг, когда папа Эмиля запутался в первой же клей-

кой ленте, на которую наткнулся. А потом раздался еще более ужасающий вопль, когда он, пытаясь сорвать с себя первую клейкую ленту, почувствовал, как вторая, словно змея, обвила его шею. Затем послышались душераздирающие крики мамы Эмиля и Лины, когда они рванулись к папе, чтобы помочь ему, а вместо этого липучки приклеились к их волосам, залепили им глаза и заодно еще разные другие места. И тогда громко, на весь дом, перекрывая жалобные возгласы женщин, раздался дикий крик папы:

— Э-э-э-миль!

Ну а что было с Эмилем? Он уже спал! И вообще вскоре на каттхультовской кухне воцарилась тишина. Ведь вся эта троица, которая сражалась там в темноте с клейкими лентами, теперь окончательно запуталась в них и уже больше не кричала. Папа, мама и Лина молча и ожесточенно боролись за то, чтобы высвободиться из липких пут.

— Ну кому бы пришло в голову, что они вздумают сунуться на кухню посреди ночи! — возмущался Эмиль.

Это было, когда он на другой день рассказывал обо всем Альфреду. Эмиль как раз вернулся домой из пасторской усадьбы, куда отвел его за руку отец, чтобы он вернул обратно две кроны и попросил прощения за то, что обманул пасторшу.

— Но разве вы, фру пасторша, не могли вычислить, что это непременно *должен был быть* только Эмиль и никто другой? — спросил папа Эмиля.

— Нет, мы поняли это, лишь когда нашли нищенский посох, — ответила пасторша — эта добрая душа — и ласково улыбнулась.

— Хочешь получить свой посох обратно? — спросил Эмиля пастор.

Но мальчик покачал головой.

— Тогда мы сохраним эту безделицу на память о тебе, — сказал пастор и тоже ласково улыбнулся.

К тому времени, когда Эмиль с папой вернулись домой, мама сожгла все клейкие ленты до одной. А все каттхультовские мухи по-прежнему радостно и назойливо жужжали у нее под носом: ни одна из них ничуть не пострадала.

— Ты прав, Антон, — призналась мама Эмиля. — Не надо было нам никаких липучек. Вообще-то, если разобраться, то именно так и мучат животных. Да, уж я-то знаю, каково это, когда накрепко приклеиваешься к липучке.

Но вот в Каттхульте настало время обеда.

Все собрались вокруг стола, и мухи тоже. Эмиль с огромным аппетитом уплетал брюквенное пюре, а остаток дня просидел в столярной, вырезая своего триста двадцать пятого деревянного старичка.

Один день сменялся другим, лето кончилось, и наконец настала зима. Мухи исчезли. Но Эмиль остался и со свежими силами совершал все новые и новые проделки. Недаром говорила Лина:

— Что летом, что зимой у нашего Эмиля на уме одни проказы!

«Нечего жадничать!» — заявил Эмиль из Лённеберги

На хуторе Каттхульт в Лённеберге, где жил тот самый Эмиль — ну да, ты знаешь его, — в воскресенье после Рождества был пир, и приглашены были

все жители Лённеберги — от мала до велика. Матушка Альма, мама Эмиля, славилась своими вкусными блюдами. Даже пастор и пасторша охотно бывали на пирах в Каттхульте. Не говоря уж об учительнице, которая была просто сверхсчастлива, когда вместе со всеми пригласили и ее. Ведь это куда веселее, чем сидеть одной в школе длинным воскресным снежным днем.

Да, снега в тот день выпало много. Альфред, каттхультовский работник, все утро проездил на снегоочистителе, а Лина, служанка в Каттхульте, тщательно вымела крыльцо сеней, чтобы в башмаки гостей не набилось слишком много снега.

Услыхав звон колокольчиков, Эмиль и его маленькая сестренка Ида бросились к окну кухни. Уже начали подъезжать на своих санях гости. Только учительница прикатила на финских санках, потому что у нее не было ни собственных саней, ни лошади. Но она все же радовалась, как жаворонок, это было видно издалека.

— Сдается мне, будет весело, — сказала маленькая Ида.

Ее папа, который как раз выходил навстречу гостям, проходя мимо, погладил ее по головке.

— Да, будем надеяться, — сказал он. — Еще бы не весело, ведь все эти пиры влетают нам в копеечку!

— «В копеечку»! Ничего не поделаешь, — сказала мама Эмиля. — Нас ведь всюду приглашают, так что теперь — наш черед.

И в самом деле, это был веселый, хотя и не совсем обычный пир. И во многом — благодаря учительнице. Она была молодая, жизнерадостная и страх до чего находчивая. И когда все выпили по чашечке ко-

фе, с которого начинался пир, и не знали, чем можно бы еще заняться в ожидании, пока подадут еду, учительница сказала:

— Пойдемте на двор, поиграем немного в снежки.

Такой дурусти, да еще на пиру, в Лённеберге никогда и не слыхивали. Все удивленно посмотрели друг на друга, а папа Эмиля сказал:

— Поиграть в снежки? Это что еще за дурацкая затея?

Но Эмиль тут же выбежал из дому и ринулся прямо в снег. Вот это жизнь так жизнь, эх! За ним длинной вереницей выбежали все дети, которые были на пиру, — тоже очень оживившиеся. А учительница, в плаще и галошах, отважная и дерзкая, как полководец, уже стояла в дверях, готовая выйти во двор.

— А что, никто из родителей не желает пойти с нами? — поинтересовалась она.

— Мы, верно, еще не совсем чокнутые, — ответил папа Эмиля.

Но Лина была достаточно чокнутая и готова на все. Она тайком выбралась из дому, когда никто не видел, и с сияющими глазами кинулась играть в снежки. И как раз тогда, когда всего нужнее была на кухне.

Матушка Альма за голову схватилась, увидев, как Лина, утопая в снегу, надрываясь от хохота, в каком-то дичайшем угаре расшвыривает во все стороны снежки. Никогда еще ни одна служанка не вела себя так на пиру в Лённеберге.

— Антон, — сказала мама Эмиля мужу, — сейчас же пойди и приведи Лину. Ей надо нарезать хлеб, а не играть в снежки.

Папа Эмиля, ворча, натянул сапоги. Разве можно допустить такое безобразие, когда сам Антон Свенсон, церковный служка, устраивает пир!

И он тоже вышел на заснеженный двор. Уже начало смеркаться, а легкий снежок все продолжал падать. Никто не обратил на папу Эмиля ни малейшего внимания. Все только горланили и смеялись. А хуже всех вела себя Лина. Ну и, понятно, Эмиль. Он швырялся снегом во все стороны, так что казалось, будто вьюга метет. Внезапно он так сильно и метко запустил снежком в окошко овчарни, что раздался страшный звон: стекло разлетелось на мелкие осколки.

— Э-э-э-миль! — закричал тут же его папа.

Но Эмиль ничего не видел и не слышал.

И тут вдруг папа тоже получил сильный и меткий удар. Это невозможно себе даже представить: снежок попал прямо в разинутый рот папы Эмиля. А Эмиль этого даже не заметил.

До чего же жалко было церковного служку из Каттхульты! Он не мог больше кричать на Эмиля и не мог призвать к ответу Лину, хотя и то, и другое было крайне необходимо. Единственное, что мог выдать из себя папа, было:

— Эх-эх-эх!

Что ему, бедняге, делать? Учительница заметила его, когда он промчался мимо нее, и радостно закричала:

— Ой, как хорошо! Батюшка Антон тоже хочет поиграть с нами в снежки?!

Тогда совершенно обезумевший папа Эмиля быстро юркнул в столярную и там попытался вытащить снежок изо рта. Но ничего не получилось! Снежок застрял во рту, как пушечное ядро. Снежки-то Эмиль лепил крепкие!

«Ладно, буду стоять здесь как чучело, пока он не растает», — подумал папа Эмиля, кипя от злости.

Но в это время мимо пробежал в снежной круговерти Эмиль, и он заметил вдруг отца.

— А, папа! Почему ты тут стоишь? — спросил Эмиль.

— Эх-эх-эх, — прокряхтел его папа.

— Что с тобой? — удивился Эмиль. — Ты никак заболел?

Тут папа Эмиля, схватив сынишку за воротник, швырнул его в столярную. И, издав последний кровожадный вопль: «Эх-эх-эх!» — он заложил дверь на засов, оставив Эмиля один на один с самим собой — осознавать, что натворил он на этот раз.

Папа же Эмиля, окончательно измученный залетевшим ему в рот снежком и нуждаясь хоть в какой-нибудь помощи и утешении, пробрался окольным путем на кухню.

Мама Эмиля стояла у плиты среди котелков и сковородок и готовила соус для телячьего жаркого. А услышав, что дверь за ее спиной отворилась, она, конечно же, решила, что явилась Лина. Она повернула голову, чтобы сказать служанке пару теплых слов. Но на пороге стояла вовсе не Лина.

Угадай, закричала ли мама Эмиля от ужаса, увидев в дверях привидение? Да, ясное дело, это было привидение, с вытаращенными глазами и разинутой пастью, в которой светилось что-то страшно белое! О, как безумно стонало это привидение:

— Эх-эх-эх!

Мама Эмиля испугалась так, что вся тоже побелела. Но потом-то она увидела, кто это! Это был ее Антон, и никто иной!

Он беспомощно тыкал пальцем в то, что торчало у него во рту. И когда мама Эмиля поняла, что это — снежок, она разразилась диким хохотом.

— Старый ты дурень! Играть в снежки, как мальчишка! Совсем, что ли, рехнулся?

Но в ответ раздалось лишь «Эх-эх-эх!», звучащее с такой угрозой, что она не решилась больше вымолвить ни слова.

Между тем Эмиль сидел в столярной. Там было уже довольно темно, и он не мог вырезать деревянного старичка, как он обычно делал после очередной проделки.

«Ничего, я вырежу его завтра!» — подумал он.

Эмиль оглядел всех своих старичков, которые теснились на полке. Их было теперь уже несколько сотен, а новые появлялись один за другим по мере того, как Эмиль совершал свои новые проделки.

Были такие люди, которые охотно купили бы некоторых его старичков. Например, пастор. А одна богатая дама из Виммербю пыталась выторговать всю его коллекцию. Но Эмиль не желал ничего продавать. К тому же Альфред советовал ему сохранить своих старичков, пока Эмиль не станет взрослым.

— Подаришь их своим детям, если у тебя будут хоть какие ни на есть, — посоветовал Альфред.

— Ясное дело, будут, это точно, — заверил его Эмиль.

Теперь, сидя в столярной, он страшно радовался своим старичкам. Но вдруг неожиданно явилась маленькая Ида и выпустила его на свободу.

— Пора обедать, — сказала маленькая Ида.

Да, и вправду, пора обедать! Пора наесться до посинения. Сначала гостей ожидал огромный шведский стол со множеством сортов селедки и колбас,

солений и варений, и омлетов, и прочих лакомых блюд. Затем телячье жаркое с картофелем и сливочным соусом, а под конец сырная лепешка с вишневым вареньем и взбитыми сливками.

Первой на всех пирах накладывала себе еду жена пастора. Так поступила она и на этот раз. А затем уже другие лённебержцы налетели на стол, как стая голодных ворон.

Все ели и ели без конца, ели так, что можно было задохнуться или лопнуть. А потом они просто сидели за столом, отяжелевшие и неподвижные, почти не в состоянии разговаривать друг с другом.

Однако учительнице это было не по душе. Теперь ей захотелось, чтобы все играли в разные игры.

— И никому не удастся улизнуть! — заявила она. — Все должны участвовать в игре!

Потому что это хорошо, когда родители играют со своими детьми. Да, это, по правде говоря, просто необходимо, уверяла она.

И она в самом деле заставила всех плясать вокруг елки. Даже солидные старики-крестьяне и толстые матушки-крестьянки бегали, согнувшись, вокруг елки и пели так, что просто гром гремел:

Виппен-типпен пек лепешки,
Пек лепешки я,
Собралась у нас в пекарне
Целая семья.

Мама Эмиля также отплясывала живо и в свое удовольствие. Потому что раз уж так необходимо играть со своими детьми, она хотела, в самом деле, сделать все, что в ее силах. Папа Эмиля не плясал. Но он стоял там и смотрел на пляшущих, и вид

у него был очень довольный. Частично оттого, что он с помощью мамы Эмиля и небольшого количества теплой воды освободился от злосчастного снежка. А частично оттого, что гости его так радовались и были так оживлены.

Но настоящее веселье было еще впереди. Потому что, когда все наплясались вволю, учительница решила, что теперь, пока они отдыхают, им надо играть сидя. Она знает одну такую игру — очень веселую, сказала учительница. Игра называлась «Поеду в город и раздобуду себе женишка!». А теперь все должны научиться, как играть в эту игру.

— Сядь сюда, Лина! — пригласила служанку учительница, показав на стул, поставленный ею посреди горницы.

Лина не знала, что из этого получится, но уселась, хихикая, на стул, как ей и велели.

И тогда учительница сказала:

— Теперь говори: «Поеду в город и раздобуду себе женишка!»

Лина еще громче захихикала, но послушно повторила эти слова. И посмотрела на Альфреда, сидевшего в углу.

Тут Альфред поднялся.

— Пожалуй, надо мне сходить на скотный двор, посмотреть, что там и как, — произнес он.

И мигом, не успели оглянуться, как он уже скрылся за дверью, да, да! Он боялся, что попадет-ся! И все-таки он и не подозревал, какая это коварная игра.

Учительница достала откуда-то старую меховую шапку и нахлобучила ее Лине на глаза. Для того, чтобы Лина вообще ничего не видела.

— И так, — сказала учительница, — ты была в городе и раздобыла себе женишка! — И она показала пальцем на пастора.

Подумать только, как она посмела!

— Это он? — спросила учительница.

— Откуда мне знать? — отчаянно прыснула со смеху Лина прямо в шапку.

— Ты должна сказать «да» или «нет», — рассердилась учительница. — Я буду тыкать пальцем во всех этих господ подряд, и одному из них ты должна сказать «да»!

Тут она показала пальцем на торпаря из Кроки.

— Это он? — спросила учительница.

И Лина тотчас же попалась на удочку и в неразумии своем сказала «да».

Тогда учительница стащила с нее шапку и сказала, что теперь Лина должна подойти и поцеловать торпаря из Кроки.

— Никогда в жизни! — заявила Лина.

— Тогда тебе придется заплатить штраф в десять эре, чтобы откупиться, — возразила учительница. — Такая уж это игра!

Но папе Эмиля игра прилась не по вкусу.

— Никогда ничего подобного не слышал! — возмутился он. — И это таким вот дурацким фокусам обучают у вас в школе?!

Но все, кто был на пиру, сочли игру очень веселой. Теперь абсолютно все до единого желали видеть, как Лина целует торпаря из Кроки. Да, да, ведь у нее не было десятиэровой монетки, чтобы откупиться.

— Была не была, — решила Лина и отпустила поцелуй с такой быстротой, что он никому не доставил радости, и меньше всех — торпарю из Кроки.

Но в дальнейшем дело пошло куда лучше. Потому что началось то, что в дальнейшем во все времена стало называться в округе «великий поцелуйный пир в Каттхульте».

— Все должны участвовать в игре! — снова заявила учительница, и все целовались и были счастливы. Но когда подошла очередь пастора, папа Эмиля аж весь затрясся, — не слишком ли далеко зашла вся эта игра? А вообще-то пастору выпало на долю поцеловать маму Эмиля.

Но он всего-навсего взял ее руку и поцеловал так учтиво и благородно, что мама Эмиля почувствовала себя чуть ли не королевой.

А потом меховую шапку нахлобучили на глаза торпарю из Кроки.

— Я поехал в город раздобыть себе невесту, — с глубокой надеждой и ожиданием сказал он. Но, стянув с себя шапку и увидев, что ему надо поцеловать пасторшу, он решительно заявил: — Ну уж нет, плачу сколько угодно, только чтоб откупиться!

Какие злые слова! Потому что даже самые-пресамые уродливые и чрезмерно толстые пасторши расстраиваются, если кто-нибудь так говорит.

Учительница, конечно, тоже расстроилась, когда торпарь из Кроки так опозорил жену пастора. Но она попыталась сделать вид, что его попытка откупиться пришлась весьма кстати.

— Понятно, милый батюшка из Кроки думает о бедняках из богадельни! — нашлась учительница. — Надеюсь, что многие здесь заплатят штраф, и тогда у нас будет немного денег на табачок и кофе для бедняков.

Больно дошлая была эта учительница!

Но игра продолжалась, и все, особенно молодые парни и девушки, были страшно довольны ею.

Под конец настала очередь Эмиля нахлобучить на глаза шапку.

— Я поехал в город раздобыть себе невесту! — задорно сказал он.

Но когда учительница указала ему на нескольких девочек, а Эмиль только и повторял все время «нет», она взяла да и указала ему на пасторшу.

— Это она? — спросила учительница.

— Да, вот эта как раз по мне! — ответил Эмиль.

Тут все начали громко хохотать, а когда Эмиль сорвал с себя шапку, он понял — почему. Наверно, они думали: «Это ж надо рехнуться, ему в невесты — пасторшу, нет, это слишком!» А вообще-то, может, они думали, что пасторша вообще уже никому в невесты не годится. Наверно, она и сама так думала, поскольку лицо у нее было багрово-красное, а вид такой, будто ей стыдно.

— Вон оно как... — протянул Эмиль.

Он медленно подошел к пасторше и стал прямо перед ней; видно было, что он чуть колеблется. А гости так и покатывались с хохоту, им было жутко смешно. Но никто бы не сказал, что пасторше это пришлось по душе, да и пастору тоже.

— Бедный Эмиль! — пожалела мальчика жена пастора. — Разве у тебя нет десяти эре, чтобы откупиться от меня?

— Ясное дело, есть! — заявил Эмиль. — Но я и не подумаю откупаться! — И мигом вскарабкался на колени к пасторше.

Тут все даже икнули от удивления: что это с мальчишкой, никак чокнулся?

Но Эмиль сидел как ни в чем не бывало. Он ласково посмотрел пасторше в глаза, а потом вдруг обнял ее за шею и крепко поцеловал восемь раз подряд.

Тут снова раздался взрыв хохота — еще громче, чем прежде. Но Эмиль спокойно сполз с колен пасторши — он нацеловался всласть.

— Нечего жадничать! — заявил он. — Раз у меня теперь есть невеста, значит, есть! Никуда не денется!

— Хи-хи-хи! — надрывался торпарь из Кроки, хлопая себя по коленям. Да и все гости до единого хохотали просто неудержимо. Ну уж этот Эмиль, подумать только, устроить представление с самой пасторшей! Хотя, конечно, получилось страшно весело! Так думали абсолютно все.

Но папа Эмиля очень разозлился: ведь никому не дозволено так вести себя у него на пиру!

— А ну замолчите! — приказал он. — Нечего смеяться! — И положил свою грубую ручищу на головку Эмиля. — А это ты вроде по любви сделал, Эмиль! Ты — хороший мальчик... иногда.

— Конечно, он хороший! — поддержала папу Эмиля пасторша. — Самый лучший во всей Лённеберге!

Лицо Эмиля озарила улыбка. Он так радовался, что готов был подпрыгнуть до потолка. И вовсе не потому, что его похвалила пасторша. А потому, что так сказал о нем его папа. Подумать только, его папа считает, что он — Эмиль — хороший! Подумать только, он считает так — пусть хоть один раз в жизни!

Но настал вечер, было уже поздно. Пир подошел к концу, а пастор затянул обычный свой псалом, тот,

который всегда пели в Лённеберге, когда пора было разъезжаться по домам.

От нас уходит светлый день,
К нам не вернется он... —

благоговейно запели гости; теперь все они наигрались до изнеможения.

И еще на этом самом пиру они придумали пословицу, которая потом долгое время повторялась в Лённеберге:

«„Нечего жадничать!“ — заявил Эмиль, когда целовал пасторшу».

Пурга кончилась. И когда сани одни за другими, звеня колокольчиками, спускались вниз с каттхультовских горок, стоял ясный, красивый зимний вечер, а дорога была хорошая и накатанная. Альфред с Эмилем, стоя на конюшенной горке, смотрели, как все гости отправляются в путь, а последними — пастор с пасторшей.

— Как-то немного непривычно мне целовать пасторш, — задумчиво произнес Эмиль. — Но раз дело сделано, значит, сделано!

— Целых восемь раз! — восхитился Альфред. — Разве нужно было столько?

Эмиль в раздумье глянул вверх, на звезды. Нынешним вечером они так ярко сияли над Каттхультом!

— Кто знает, — сказал он под конец, — может, мне больше никогда в жизни не придется целовать ни одну пасторшу! А надо попробовать все, что только есть на свете!

— Да, может статься, так оно и будет, — согласился Альфред.

На другое утро Эмиль отправился в столярную, чтобы вырезать деревянного старичка, которого не успел сделать вчера вечером. Теперь он принялся за работу. И ему показалось, что старичок получился очень хороший. Ну просто вылитая пасторша!

Эмиль оглядел своих деревянных старичков. Ведь он так радовался им! И он вспомнил, что сказал ему однажды Альфред. О детях, которые, может, у него когда-нибудь будут. Поэтому он взял обрезок доски среднего размера и гладко-гладко обстрогал ее. Затем он крепко прибил ее к стенке над полкой с деревянными старичками.

«Она будет висеть тут до скончания мира», — подумал он.

И столярным карандашом начертал на доске свою волю:

МОИ ДОРОГИЕ ДЕТИ!
ЭТИХ СТАРИЧКОВ
ВЫ МОЖЕТЕ ОСТАВИТЬ СЕБЕ
НА ПАМЯТЬ О ВАШЕМ ОТЦЕ
ЭМИЛЕ СВЕНССОНЕ.

КАТТХУЛЬТ,
ЛЁННЕБЕРГА.

Бойкая Кайса и другие дети

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

Бойкая Кайса

не хотелось бы, чтобы вы увидели дом, где жила Бойкая Кайса. О, это был такой маленький и аккуратный домик, что можно было подумать, будто там живут гномы или домовые. Дом этот стоял на узенькой, кривой, мощенной булыжником улочке в самой бедной части города. Да, это в самом деле была улица бедняков, и всё дома на ней были ненамного богаче дома Бойкой Кайсы.

Дома Бойкой Кайсы, говорю я? Конечно, хозяйкой дома была не Кайса, а ее бабушка. Бабушка пекла марципановых свинок и продавала их по субботам на рынке. Но я называю этот домик домом Бойкой Кайсы. Когда я проходила мимо, она часто сидела на каменной ступеньке этого дома. У нее были самые карие и веселые глаза и самые румяные щеки на свете. И вид у нее был... ну, как вам сказать? Вид у нее был удивительно бойкий. Именно бойкий! Именно поэтому бабушка и прозвала ее Бойкой Кайсой. Бабушка говорила, что Кайса выглядела такой бойкой уже в тот день, когда ее, трехмесячную, принесли к бабушке в корзине и

сказали, мол, бери ее и расти, больше у нее никого нет.

Ах, какой симпатичный был этот маленький домик! На улицу глядели два маленьких окошка, и в них часто можно было увидеть курносый нос и веселые карие глаза. За домом лежал огороженный высоким зеленым забором маленький садик. Если это можно назвать садиком, ведь там хватало места только одной вишне и несколькими кустам крыжовника. Конечно, там был еще маленький зеленый газончик, где бабушка и Кайса пили кофе по утрам, если стояла теплая и солнечная погода. Правда, кофе пила одна бабушка, Кайса только макала кусочки сахара в бабушкин кофе. И еще она бросала хлебные крошки воробьям, скакавшим по садовой дорожке возле клумбы, на которой росли подснежники.

Кайса считала, что бабушкин дом очень хороший, хотя и маленький. По вечерам бабушка сидела на кухне за столом и вырезала конфетные обертки из бумаги, а Кайса укладывалась спать на кухонный диванчик и читала молитву:

Со свечкой золоченой и книгою святой
летит над домом ангел в короне золотой.
Молитву он читает и просит Бога он,
чтобы приснился людям отрадный, сладкий сон.

Кайса была очень довольна, что их дом облетает ангел, от этого она чувствовала себя как-то спокойнее. Ей только было непонятно, как это ангел несет сразу и золоченую свечу, и открытую книгу. Ей бы хотелось поглядеть, как он это делает. И потом, как он перебирается через забор? Кайса часто смотрела

в окошко, выходящее в сад. Может, ей все-таки посчастливится увидеть ангела? До сих пор это ей не удавалось, — наверное, он пролетал, когда Кайса уже спала.

Когда случилось то, о чем я сейчас расскажу, Бойкой Кайсе еще не исполнилось семи лет. В том, что случилось, не было ничего удивительного. Бабушка поскользнулась на кухонном полу и повредила ногу, такое часто случается. Но надо же было этому случиться, когда до Рождества оставалась всего одна неделя! Как быть с марципановыми свинками, которых нужно продать на большой рождественской ярмарке? Кто же продаст их, когда бабушка лежит в постели и не может шевельнуть ногой — хоть кричи от боли! Кто запечет рождественский окорок, купит рождественские подарки и наведет порядок в доме?

— Я! — сказала Кайса.

Я уже говорила, что это была бойкая малышка.

— Ах-ах-ах! — сказала бабушка, лежа в постели. — Ты не сможешь это сделать, детка. Придется просить фру Ларссон, чтобы она взяла тебя к себе на Рождество. И узнаем, нельзя ли положить меня в больницу.

Тут Бойкая Кайса вовсе расхрабрилась. Неужто она будет жить у Ларссонов? А бабушка ляжет в больницу? И они не будут праздновать Рождество вместе, как всегда? Нет уж, ни за что, решила Кайса, почти семи лет от роду, с самыми красивыми и веселыми глазами на свете.

И она тут же принялась готовиться к Рождеству. Сначала ей нужно было спросить у бабушки, как к нему готовиться. Она только знала, что нужно

перевернуть весь дом вверх дном, чтобы мебель стояла как попало и везде был бы ужасный беспорядок. Потом нужно поставить все на место, и тогда будет Рождество.

Бабушка сказала, что в этом году окна к Рождеству мыть не надо. Но Кайса и слушать об этом не хотела. Какое же Рождество без чистых занавесок и вымытых окон? Пришла фру Ларссон и помогла Кайсе немного. Она вымыла пол в маленькой кухне и в маленькой комнате, ведь в доме была только одна комната. Она вымыла также окна. А все остальное сделала Кайса. Вы бы только посмотрели, как она хлопотала в доме, повязав голову платком и зажав в кулаке тряпку. Вы даже представить себе не можете, до чего она была бойкая. Кайса повесила на окна чистые занавески, постелила половики на пол в кухне, вытерла пыль с мебели. Потом настало время варить для бабушки кофе и жарить картошку с колбасой. Ей пришлось самой растопить плиту. Еще повезло, что плита была хорошая. Кайса положила в плиту щепки и газету, зажгла их и подула. Потом она стала прислушиваться, беспокоясь, затрещали ли щепки. Да, еще как затрещали! Бабушка напилась кофе и, покачивая головой, сказала:

— Ах ты мое дорогое дитячко, что бы я стала делать без тебя!

Кайса села к бабушке на постель с запачканным сажей носом и стала макать кусочки сахара в бабушкин кофе. А после снова принялась за уборку.

Ну а что же было с марципановыми свинками? С теми, что были уже готовы для продажи на рынке? Кто же их продал? Ну конечно, Бойкая Кайса!

Хотя она не умела ни сосчитать их, ни взвесить на маленьких весах, как это делала бабушка, стоя у маленького прилавка на рынке. Но Кайса знала, как выглядит монетка в пятьдесят эре. Бабушка села в постели, взвесила марципановые свинки и разложила их по мешочкам. По сто грамм в каждый мешочек. Каждый мешочек стоил пятьдесят эре.

За три дня до сочельника¹ открылась рождественская ярмарка. В это утро Кайса встала рано и подала бабушке кофе в постель.

— Дочка моя, — сказала бабушка. — Сегодня холодно, ты отморозишь нос.

А Кайса засмеялась. Она уже была готова к большому замечательному походу с марципановыми свинками. Ах, как тепло она нарядилась! Надела под пальто две теплые кофты, надвинула на уши меховую шапку, повязала на шею шерстяной платок, надела на руки красные рукавицы, а на ноги — огромные бабушкины соломенные башмаки, чтобы не потрескались ногти на ногах. И взяла на руку корзину, полную марципановых свинок.

— До свидания, бабушка! — сказала Бойкая Кайса и окунулась в зимнюю темноту. На улицах уже было много народу. Ведь наступила рождественская ярмарка!

Было в самом деле холодно. Кайса спешила на площадь, а под ее соломенными башмаками скрипел снег. Вскоре на востоке красиво заалела заря. Занимался погожий день.

Добрая фру Ларссон поставила бабушкин прилавок на обычное место. Кайсе оставалось только

¹ Сочельник — вечер накануне Рождества.

расставить марципановые свинки. Торговки на площади смотрели на Кайсу, разинув рты:

— Никак Матильда спятила! Послать ребенка на ярмарку!

— Вот и послала! — ответила Бойкая Кайса.

Когда она расставляла своих марципановых свинок на прилавке, изо рта у нее валил пар, а карие глазки сияли от нетерпения.

— Это самая маленькая-премаленькая торговка, какую я когда-либо видел! — воскликнул бургомистр, проходя мимо по дороге в ратушу.

Он купил два мешочка с марципановыми свинками и дал Кайсе блестящую крону¹.

— Э, нет! — сказала Кайса. — Мне нужны две денежки по пятьдесят эре.

Бургомистр засмеялся и дал ей две монеты по пятьдесят эре.

— Вот возьми, — сказал он. — Между прочим, крону можешь тоже оставить себе.

Но Кайса не согласилась.

— Мне нужны две монетки по пятьдесят эре, — сказала она, — по одной за каждый мешочек. Мне бабушка так велела.

У Кайсы было много покупателей. Все хотели купить конфеты у самой маленькой продавщицы. К тому же бабушкины марципановые свинки были самые лучшие: красные и белые, вязкие и вкусные. Деньги она складывала в ящик из-под сигар, монеты так и сыпались в него. Но только пятидесятиэровые, других Кайса не признавала.

¹ Крона — денежная единица в Швеции. Эре — мелкая монета. В кроне сто эре.

Другие торговки на ярмарке немного позавидовали, видя, как прекрасно идут дела у Кайсы. Сама Кайса была до того рада и весела, что едва могла стоять на месте. О, она могла бы заниматься этим все время: варить целые миллионы свинок и стоять на рынке каждый день!

Бабушка лежала в постели, она только что задремала, как в комнату ворвалась Кайса. Она высыпала содержимое ящика из-под сигар бабушке на одеяло и показала ей пустую корзинку. Не осталось ни одной марципановой свинки.

— Ах ты дорогая моя деточка, — как всегда, сказала бабушка. — Что бы я делала без тебя!

А что было делать с рождественскими подарками? Бабушка не могла ничего купить заранее, у нее не было денег, и она собиралась купить подарки после рождественской ярмарки. А теперь она лежала и даже шевельнуться не могла. Ведь Кайсе так хотелось получить куклу. И не любую куклу, а самую красивую на свете, которая продавалась в магазине Сёдерлундов на Чюркгатан¹. Бабушка и Кайса много раз любовались ею. А бабушка по секрету попросила фрёкен Сёдерлунд не продавать ее, пока не кончится рождественская ярмарка. На кукле было кружевное платье, она умела закрывать глаза, и вообще другой такой куклы было просто не найти.

Но не могла же бабушка послать Кайсу купить себе самой рождественский подарок! И все же бабушка нашла выход! Она написала Сёдерлундам секретную записку. На ней так и было написано:

¹ Церковная улица (шв.).

секретно. Вообще-то это было лишним, ведь Кайса не умела читать. С этой запиской Кайса помчалась к Сёдерлундам. Фрёкен Сёдерлунд внимательно прочитала записку и велела Кайсе подождать в соседней комнате, где пахло очень странно. Она посидела там немного, потом фрёкен Сёдерлунд подала ей большой пакет и сказала:

— Иди прямо к бабушке, да не урони пакет.

О нет, Кайса не уронила пакет, она только крепко сжимала его. Кайса надеялась, что в пакете та самая кукла, но уверена в этом не была.

Кайса тоже купила подарок для бабушки — красивые перчатки, о которых бабушка давно мечтала.

Верил кто-нибудь, что Кайса с бабушкой будут праздновать Рождество? Тогда ему нужно было бы заглянуть в сочельник в их маленькие окошки. Он увидел бы чистые занавески, постеленные на пол половики и красивую елку, которая стояла возле бабушкиной постели. Кайса сама купила ее на рынке и украсила свечками, флажками, яблоками и марципановыми свинками. Он увидел бы, как Кайса сидела у бабушки на постели, а на покрывале лежали пакеты с подарками. Он увидел бы, как сияли глаза Кайсы, когда она развернула пакет и увидела куклу. Но еще ярче засияли ее глаза, когда бабушка развернула свой пакет.

А на большом круглом столе горела свеча в красном подсвечнике и была поставлена рождественская еда, которую приготовила Кайса. Хотя, конечно, бабушка подсказывала ей, как все надо делать.

Кайса пела бабушке рождественские песни, а бабушка качала головой и повторяла:

— Какое прекрасное у нас Рождество!

Когда Кайса наконец улеглась на свой кухонный диванчик, она была такая сонная, что ей тут же хотелось уснуть. Сонным голосом она прочитала молитву про ангела, который летит над домом, и бросила быстрый взгляд в садик. За окном шел снег, и все было ослепительно белым.

— Ах, бабушка! — крикнула Кайса. — Ты знаешь, что в нашем саду полным-полно ангелов?

Бабушка лежала в комнате, окна которой выходили на улицу. Но она покачала головой и сказала:

— Да, да, в саду полным-полно ангелов.

Минуту спустя Кайса уснула.

Укротитель из Смоланда

Это — рассказ об огромном быке по имени Адам Энгельбрект, который однажды, в пасхальный день, вырвался на волю. Быть может, он и сейчас еще гулял бы на свободе, если бы не... — да, так вот, послушайте!

Адам Энгельбрект был настоящий великан, и жил он на скотном дворе с целым стадом толстых коров и множеством маленьких славных телят. Вообще-то Адам Энгельбрект был добрым и кротким быком, добрым и кротким был также старый скотник, который ухаживал за животными на скотном дворе. Звали его Свенссон, и он был такой добрый, что как-то раз, когда Адам Энгельбрект нечаянно наступил ему на ногу, Свенссон не решился его отогнать. Он спокойно стоял, ожидая, пока Адаму Эн-

гельбректу самому придет в голову мысль сдвинуться с места.

Почему бык внезапно становится бешеным? Почему у Адама Энгельбректа сделалось такое дурное настроение в тот пасхальный день много-много лет тому назад? Этого никто никогда не узнает. Может, кто-либо из телят промычал ему какую-нибудь дерзость на своем телячьем языке, а может, коровы раздражили его? Свенссон, во всяком случае, не мог понять, почему Адам Энгельбрект среди бела дня сорвался с привязи и помчался во весь опор, страшно топая, по узкому проходу в хлеву. Выражение глаз у него было таким ужасным, что Свенссон не посмел остановиться и спросить: может, Адам Энгельбрект чем-то недоволен? Вместо этого Свенссон с быстротой молнии выскочил из дверей хлева. За ним в диком бешенстве мчался Адам Энгельбрект.

Перед скотным двором была лужайка, окруженная забором. Свенссону удалось в последнюю минуту выскользнуть через калитку и запереть ее под носом разъяренного быка Адама Энгельбректа, который с явным удовольствием готовился вонзить рога в своего старого друга.

Как уже говорилось, был пасхальный день и во дворе сидел за столом хозяин с семьей; они спокойно завтракали, а потом собирались пойти в церковь. День стоял на редкость погожий, а малыши так радовались, быть может, не столько тому, что пойдут в церковь, сколько тому, что наденут новые сандалии, и еще тому, что светит солнце. А после обеда они задумали построить маленькую водяную мельницу в весеннем ручье, который течет в роще, где цветут подснежники. Но из этого ничего не вышло.

Да, ничего не вышло, а все из-за Адама Энгельбректа.

Бешено мыча, бегал он взад-вперед по скотному двору. Свенссон, стоя у забора и все еще дрожа от страха, беспомощно смотрел на него. Вскоре собрались там все: хозяйева и их маленькие дети, служанки, работники и статары, чтобы посмотреть на беснующегося быка. А вскоре по всей округе распространилась весть: бык из Винеса вырвался на волю и носится, словно разъяренный лев, по холму, на котором стоит хлев. Отовсюду, изо всех крошечных лачуг и с торпов, сбежались люди, чтобы принять участие в этом диковинном представлении. Все были очень оживлены в ожидании увлекательного зрелища, которое вносило такое разнообразие в длинный и тихий пасхальный день.

Калле из Бекторпа был одним из первых, кто примчался во всю прыть, так быстро, как только позволяли ему его тоненькие ноги семилетнего мальчишки. Да, он был маленький торпарский мальчишка из Смоланда, точь-в-точь такой же, как тысячи других, такой же сопливый, такой же голубоглазый, с такими же льняными волосами.

Уже битых два часа разгуливал Адам Энгельбрект на воле. И никто все еще не мог придумать, как заставить его прийти в себя и успокоиться. Хозяин решил подойти к нему на авось. Войдя прямо в калитку, он сделал несколько решительных шагов по направлению к быку. Ой, ой, этого ему ни в коем случае не следовало бы делать! Потому что Адам Энгельбрект надумал свирепствовать и буяннить в этот пасхальный день и отступаться не желал. Наставив рога, он ринулся на хозяина, и не умей тот

так хорошо бегать, неизвестно еще, чем бы все это кончилось. Теперь же в нарядных праздничных брюках хозяина зияла огромная дырка, появившаяся в тот самый миг, когда ему быстрым прыжком удалось вырваться через калитку. Зрители смотрели друг на друга и молча ухмылялись.

Дело было скверное! В хлеву начали мычать коровы. Настало время их доить. Но кто осмелится перейти площадку скотного двора и войти в хлев? Никто!

— Подумать только, а вдруг Адаму Энгельбректу вздумается разгуливать здесь и злиться вечно, всю нашу жизнь? — рассуждали малыши.

Грустная мысль пришла им в голову. Как тогда играть в прятки на скотном дворе зимой по вечерам?

Пасхальный день занялся всерьез, засияло солнце. Адам Энгельбрект был по-прежнему разъярен. Стоя у ограды, люди озабоченно держали совет. Может, подойти к быку с длинной палкой и крепко зацепиться за кольцо в его носу? Этого бешеного? Дальше ждать было нельзя. В хлеву мычали коровы, вымя у них было переполнено молоком.

Светило солнце, голубело небо, на березах появились первые мелкие кудрявые листочки, все было так приятно, как только может быть в пасхальный день в Смоланде. Но Адам Энгельбрект был по-прежнему разъярен.

На заборе сидел Калле, маленький сопливый торпарский мальчишка из Смоланда, всего семи лет от роду.

— Адам Энгельбрект, — сказал он, — иди сюда, я почешу тебя между рогами!

Сказал он это на смоландском наречии, единственном, скорее всего, языке, который понимал Адам Энгельбрект. Но если бык даже и понял мальчика, то не желал послушаться. Даже и не подумал. А только все время злился. На скотном дворе слышался лишь тоненький мальчишеский голосок, непрерывно повторявший:

— Иди сюда, я почешу тебя между рогами!

Быть может, долго злиться не так уж и весело, как это думал Адам Энгельбрект. И он начал колебаться. А поколебавшись, стал приближаться к забору, где сидел Калле. И торпарский мальчишка Калле почесал его между рогами своими маленькими грязными пальцами. И не переставая говорил какие-то короткие добрые фразы.

Казалось, Адаму Энгельбректу было несколько неловко стоять так спокойно, позволяя мальчишке себя почесывать. Но он все же стоял. Тогда Калле крепко схватил его за кольцо в носу и тут же перелетел через забор.

— Ты что, рехнулся, парень?! — раздался чей-то голос.

А Калле направился уже прямо к дверям хлева, медленно и с достоинством ведя за кольцо Адама Энгельбректа. Адам Энгельбрект был большой-пребольшой бык, а Калле был маленький-премаленький торпарский мальчишка, и, переходя скотный двор, они составляли весьма трогательную пару. Те, кто видел эту картину, никогда ее не забудут.

Матадора во время боя быков в Испании и то не могли бы приветствовать более громкими криками одобрения, чем Калле, когда он возвращался обратно из хлева, где оставил Адама Энгельбректа в его

стойле. Да, громкие крики одобрения и две кроны наличными, да еще два десятка яиц в кульке стали наградой юному укротителю быка.

— А я привык к быкам, — объяснил Калле. — Они слушаются, если с ними говорить ласково.

И, повернувшись на каблуках, он отправился в Бекторп с двумя кронами в кармане штанишек да еще с кульком яиц в руках. Отправился, очень довольный этим пасхальным днем.

Так он и шел, смоландский укротитель быка, среди светлых-пресветлых, светло-зеленых берез.

Золотая девонька

У Евы нет мамы! Но у нее есть две тетки. Тетя Эстер, которая вернулась домой из Америки, и тетя Грета, мама Берит. А Берит — это двоюродная сестра Евы.

Вообще-то у Евы, конечно, есть мама. Но какая радость от этого, если она лежит в больнице и ее нельзя даже навестить. Приходится жить у своих теток. Потому что папа Евы — штурман на корабле и нельзя брать золотую девоньку с собой, когда плаваешь в чужие страны. Это мама называла Еву золотой девонькой.

— Маленькая ты моя золотая девонька, — говорила она и целовала Еву в затылок.

Тетя Эстер не называет Еву золотой девонькой и не целует ее в затылок. И тетя Грета этого тоже не делает. Тетя Грета целует только Берит. Она спрашивает, не замерзла ли Берит, не хочет ли она выпить сока и так далее. Она никогда не спросит, не замерзла ли Ева. Еве она говорит:

— Сбегай посмотри, не пришла ли почта! Принеси утюг! Не клади локти на стол! Высморкайся!

А тетя Эстер, которая носит полосатую шелковую блузку и выглядит такой «вернувшейся домой из Америки», говорит:

— Ева, сбегай принеси мою сумку! Принеси мне вязанье! Сегодня твоя очередь вытирать посуду!

Для Берит никогда не настает очередь «вытирать посуду». Берит слабенькая, осенью она пойдет в школу, летом ей надо хорошенько отдохнуть. А как противно вытирать посуду! И для чего это всегда такая прорва тарелок?

Ева неохотно идет в кухню, а Берит сидит в беседке и злорадно улыбается. Иногда случается, большая тарелка выскользнет у Евы из рук и разобьется. Тогда приходит тетя Грета и сильно трясет ее за плечи. А Берит снова злорадно улыбается. Тетя Эстер ласково похлопывает Берит по щеке и спрашивает, не замерзла ли она, не надо ли ей надеть кофту.

— Ева! — кричит тетя Эстер. — Принеси сюда кофточку Берит.

— Она сама может ее взять! — отвечает Ева и сердито смотрит на Берит, которая сидит в беседке.

— Фу, как нелюбезно! — кричит тетя Эстер. — Ведь ты стоишь на кухне, а кофточка лежит там на диванчике!

Ева кладет полотенце, берет кофту и идет в беседку. Берит злорадно улыбается.

— Ах, мне вовсе не холодно, — говорит она, — не надо мне никакой кофты.

Ева бросает кофту на качели и уходит.

— Ты слышишь, мне не нужна кофта! — кричит Берит ей вслед. — Унеси ее назад!

Тогда Ева оборачивается. Она ничего не отвечает, показывает Берит язык и уходит.

— Никогда не видела такого строптивного ребенка, — говорит тетя Эстер тете Грете.

— Она во всем похожа на Лену, — отвечает тетя Грета. — Маленькой та была точно такая, разве ты не помнишь?

— Да, да, она и сейчас строптива, хотя и лежит в больнице, — говорит тетя Эстер, качая головой. — Мне думается, она никогда не поправится. И придется тебе мучиться с девчонкой. Не могу же я взять ее с собой, когда поеду назад в Америку.

Ева стоит в кухне и все слышит. О, как бы ей хотелось пнуть ногой тетю Эстер, которая говорит, что мама никогда не поправится. Конечно, мама поправится и приедет за своей золотой девонькой.

— Ева вовсе не подходящая компания для Берит, — говорит тетя Грета в беседке. — Они не могут играть вместе, все время ссорятся.

И в этом тетя Грета права. Они все время ссорятся. Тети идут собирать клубнику к обеду, а двоюродные сестры играют в беседке. Ева держит в руках Фиу Лису. Фиа Лиса — кукла Евы. Когда-то она была очень красивая, тело из розового трикотажа, волосы кудрявые, золотистые. Теперь уже трудно догадаться, что она когда-то была розовая. Она теперь почти черная, а от золотистых волос остались одни клочки. Но Ева любит ее, ведь Фиа Лиса — единственное, что у Евы осталось от того времени, когда ее называли золотой девонькой и целовали в затылок.

Берит тянет к кукле руку и хватает ее за остатки волос.

— Дрянная кукла, паршивая кукла! — поет она презрительно тоненьким голоском.

Тут Ева толкает Берит изо всех сил. Та начинает реветь, и обе тетки мчатся со всех ног к своей крошке Берит.

Тетя Грета грубо хватает Еву за руку и тащит ее в зеленый сарайчик, где стоят бочки для воды и прочий садовый инструмент.

— Вот, будь добра, стой здесь, пока не исправишься, — говорит она и запирает дверь.

Берит перестает реветь. Она улыбается, довольная. А Ева всхлипывает, стоя в сарайчике. Фиу Лису тетя Грета вырвала у нее из рук. Кукла лежит на садовой дорожке и смотрит в небо.

— Паршивая, грязная кукла, — говорит Берит и ставит ногу в сандалии ей на живот.

На следующий день погода стоит жаркая. Жара такая, что Берит и Ева не в силах бежать, как всегда, наперегонки к купальне. Они молча плетутся к озеру вместе с тетками по широкой лужайке. Ах, какая жарища!

— Видно, будет гроза! — говорит тетя Эстер.

«Только бы не было грозы», — думает Ева и на всякий случай надевает на голову купальное полотенце.

— Ты что, не можешь нести полотенце как следует? — раздраженно спрашивает тетя Грета. — Метешь им коровьи какашки.

— А Берит несет полотенце на руке, как надо.

Берит злорадно улыбается и аккуратно поправляет свое полотенце.

Они купаются, а в это время над лесом появляется большая темная туча. Но солнце все еще печет, и жара стоит такая, что тяжело думать.

— Зачем только было идти купаться, — говорит тетя Эстер, — после этого только больше разгорячишься и устаеть.

— Когда придем домой, я растянусь в тени и буду отдыхать, — говорит Ева Берит.

Туча все растет и растет. Вот она уже затянула все небо.

— Что у нас на обед сегодня? — спрашивает тетя Эстер.

— Котлеты и ревеневый кисель, — отвечает тетя Грета, развешивая купальники на веревке, привязанной к яблоням.

Потом она идет к грядкам и срезает ремень. Берит и Ева улеглись на траве за кустом жасмина. Там, в тени, так хорошо! «Вот бы так лежать все время», — думает Ева. Фиа Лиса лежит рядом с ней.

Тетя Грета собралась варить ревеневый кисель. Но подумать, какая досада: в доме не оказалось картофельной муки. Ну просто ни ложечки. А без картофельной муки киселя не сварить. Она растерянно смотрит по сторонам, выглядывая в окно, видит темную тучу на небе и девочек под кустом жасмина. Она колеблется, но только одно мгновение.

— Ева! — кричит она. — Давай-ка сбегай в магазин за картофельной мукой.

Ева закрывает глаза. Она хорошо слышала слова тетки, но думает, что если она будет лежать не шевелясь, с закрытыми глазами, то тетя Грета забудет о ней. Или, может, случится какое-нибудь

чудо. Может, тетя Грета в конце концов найдет где-нибудь в шкафу несколько кило картофельной муки.

— Ева, ты что, не слышишь? — снова кричит тетя Грета. — Сбегай в магазин за картофельной мукой.

Ева с трудом встает.

— Ну вот, — говорит тетя Грета, — нечего корчить гримасы. Ты забыла, что твоя очередь идти в магазин. Берит ходила в прошлый четверг.

Да, это правда, Берит была в магазине в прошлый четверг. Но она ездила туда на велосипеде, сидела позади тети Греты. Ева готова была бы ездить на велосипеде за картофельной мукой хоть каждый день, что может быть лучше!

Но в магазин идти так далеко, а сегодня так жарко, и она так устала.

— Но, Грета, — говорит тетя Эстер, — гроза надвигается.

Еве страшно. Она ни за что не хочет оставаться одна во время грозы.

— Тогда я возьму с собой Фиу Лису, — говорит она.

С Фиу Лисой она все-таки будет не одна. Но тетя Грета не разрешает ей брать Фиу Лису. Нельзя идти в магазин с такой грязной куклой.

— Уж только не с такой замарашкой! — говорит Берит, лежа под жасминовым кустом.

Покраснев от обиды, готовая разреветься, Ева берет Фиу Лису и сажает ее на веранду, чтобы кукла не промокла, если пойдет дождь.

— Не расстраивайся, Фиу Лиса, мама скоро придет, — шепчет она кукле.

И Ева уходит. Нелегко идти по пыльной дороге, ноги кажутся такими тяжелыми.

«Когда я вырасту, — думает Ева, — то ни за что не буду покупать картофельную муку».

Какое небо черное! Ева чувствует себя маленькой и беззащитной.

И вот гроза началась. Как раз когда Ева дошла до большой сосны, на полдороге к магазину, ударил гром. Ах, какой страшный удар! Ева кричит в ужасном испуге. И тут полил ливень. Пыльная дорога сразу же превращается в огромную лужу, и капли дождя барабанят по ней. Ева бредет по луже. Ее коротенькое голубое платье прилипло к телу. С мокрых волос стекает вода. Из глаз тоже падают капли, нет, не капли, а целый водопад безудержных слез обиды, отчаяния, одиночества, страха. Над ней сверкают молнии, гремит гром, а она икает от страха при каждом ударе. Она пускается бежать. Нет, мама говорила, что во время грозы нельзя бежать.

Ах, если бы мама была здесь! Если бы только мама была здесь! Она обняла бы Еву, и они бы вместе спрятались под кустом. Мама защитила бы свою золотую девоньку, сказала бы, что это вовсе не опасно. Мама, ох, мама.

Ева не перестает громко плакать.

Но вот гроза кончилась, и Ева подошла к магазину.

— Так ты говоришь, полкило картофельной муки? — спрашивает фру Сванберг, которая стоит за прилавком.

Она смотрит на маленькую, промокшую насквозь девочку.

— Пожалуйста, вот тебе картофельная мука. Как раз подходящая погода, чтобы гнать за ней бедного ребенка!

Почти всю дорогу домой Ева бежит бегом. Зубы у нее стучат от холода. На дороге, как раз против дома тети Греты, что-то лежит. Это ее Фиа Лиса! Ева с плачем бросается к ней. Что они сделали с ее дочкой? Ее милая маленькая дочка тоже мокла под дождем. Ева обнимает ее, прижимает к себе, целует ее грязный затылок.

— Не плачь, моя маленькая золотая девонька! Не бойся. Мама с тобой.

Тетя Грета вытерла стулья и стол в беседке. Она с тетей Эстер пьет послеобеденный кофе. Берит пьет сок. Она злорадно улыбается, вспоминая куклу, которую она бросила рядом с канавой.

И тут кто-то появляется на садовой дорожке. Маленькая фигурка в мокром голубом платье. Это Ева — золотая девонька! В одной руке она держит мешочек с картофельной мукой, в другой — Фиу Лису. Губы ее плотно сжаты, глаза — круглые, как два шара.

И что же делает теперь золотая девонька? Что-то ужасное, о чем страшно рассказывать. Такое неприличное, что ее тетки подпрыгивают от возмущения. Они этого никогда не забудут! Будут говорить об этом даже после того, как Ева переедет домой к своей маме, которая называет ее золотой девонькой и целует в затылок.

Вот так золотая девонька! Да такое просто нельзя прощать! Разве можно так себя вести! Ничего себе золотая девонька!

Так что же она сделала тогда?

Она прошла по садовой дорожке, подошла к столу в беседке, посмотрела с ненавистью на теток и швырнула мешочек с картофельной мукой на поднос так, что чашки забренчали, а потом сказала спокойно и отчетливо:

— А теперь я плевать на вас хотела!

Несколько слов о Саммельагусте

А теперь я расскажу тем, кому хочется слушать, о маленьком смоландском мальчонке, которого звали Самуэль Август. Самуэль Август? Нет, нет, нет, это невозможно! Нельзя же так окрестить малыша! А вот его родители взяли да так и окрестили. Правда, случилось это давным-давно, еще до того, как малышей стали нарекать и Ян, и Кристер, и Стефан. А вот этого так и называли, Самуэль Август.

В тот день, когда крестили мальчика, в Смоланде намело столько снега, что и дорогу-то было не разглядеть. Ехали наугад, туда, где, казалось, пролегает дорога. И родители Самуэля Августа, пускаясь в этот долгий путь, верно, думали, что совершают великий подвиг, пробиваясь в церковь со своим орущим в санях мальчонкой. Быть может, именно поэтому они взяли и нарекли его столь роскошным именем.

Когда же Самуэль Август стал постарше и братья называли его по имени, то оно звучало всего лишь как «Саммельагуст». А было у него четыре брата. Видели бы вы лачугу, в которой все они жили! Там была лишь горница да кухня. Когда все мальчишки

разом являлись домой, жизнь в лачуге была ключом.

В горнице был большой открытый очаг. Зимними вечерами возле него сидели все братья и грелись. Но в очаге не было вьюшки, которая сохраняла бы благодатное тепло, когда выгорает огонь. Там была лишь большая дыра, выходящая прямо в трубу. Саммельгауст впервые в жизни увидел луну, когда, стоя на каменной плите у очага, заглядывал под нависавший над очагом колпак. Прямо посреди дыры наверху светил месяц! До чего ж весело смотреть на луну из горницы!

Зимними вечерами в лачуге бывало холодно. Каждый вечер отец Саммельгауста нагревал овчины перед очагом, а потом закутывал в них своих пятерых мальчуганов, когда они ложились спать. Им было тепло и уютно. Но представь себе, каково вылезать из овчины по утрам! Ведь в доме было до того холодно, что в бочке на кухне замерзала вода! Отец Саммельгауста брал обычно пестик от ступки и разбивал в бочке лед. С этого и начиналось зимнее утро.

Вот эта-то ступка с пестиком и была самой любимой игрушкой Саммельгауста. В те времена в таких вот маленьких лачугах в Смоланде игрушек не водилось. Саммельгауст называл ступку «большой поезд», а пестик — «маленький поезд» и катал их по полу. Но, ясное дело, он играл так, когда был совсем маленьким. Когда же он стал чуть постарше, кругом нашлось столько всякого другого, чем можно было развлечься!

Зимой Саммельгауст с братьями катались на санках. У немногих детей в Швеции были такие горки, чтобы кататься на санках, какие были у этих

мальчиков. Лачуга стояла так высоко на холмах, а по дороге к станционному поселку, в полумиле¹ от них, возвышалось несколько совершенно ужасных горок. Да, это наверняка были одни из самых крутых горок в Швеции. С них-то и съезжали мальчики на дровнях. Дровни — это такие большие сани, на которых возят бревна.

Подумать только, как это Саммельгауст и его братья не разбились насмерть, не докатились до смерти! Вы должны знать, что кое-где дорога шла вдоль крутых обрывов, так что мальчики катились на одной высоте с верхушками растущих на дне обрыва деревьев. Надо было уметь вести дровни. Примерно посредине горки дорога делала по-настоящему крутой поворот. Подумать только, если бы они не смогли вовремя повернуть! Тогда дровни, продолжая путь, въехали бы прямехонько в верхушки этих деревьев. Но Саммельгауст и его братья умели вовремя повернуть! В другом месте дорога, сжатая с обеих сторон двумя огромными скалистыми глыбами, превращалась в маленькое и узкое горное ущелье. Это место носило веселое название: Ущелье Сырной Лепешки. Почему оно так называлось? Спроси что-нибудь полегче! Но сырные лепешки обычно подают к столу на пирушках в Смоланде, так что это, верно, просто-напросто красивое название. И Саммельгауст с братьями бодро и весело проезжали Ущелье Сырной Лепешки, никогда не думая о том, что встретят здесь, к примеру, почтовую повозку и тогда может случиться страшная беда. Потому что в Ущелье Сырной Лепешки невозможно разминуться, а при такой скорости остановить дровни нельзя.

¹ Шведская миля составляет 10 километров.

Но зима не вечна, наступало и лето — долгое, теплое, чудесное лето, когда на горках краснела земляника, от елей и сосен пахло смолой, а в поросших белыми кувшинками озерцах ловили раков.

И по мере того как проходили лета и зимы, Саммельгауст подрастал, а ноги у него становились все длиннее и длиннее. Как он умел бегать, этот мальчик! Однажды, когда Саммельгауст шел по проселочной дороге, его догнала какая-то повозка.

— Можно мне поехать с вами? — спросил Саммельгауст.

Потому что так спрашивают всегда, когда на дороге появляется повозка. Но крестьянин, сидевший в повозке, не желал иметь дело со всякой малышкой.

— Нет, нельзя, — ответил он и хлестнул лошадь.

Лошадь помчалась. А за ней помчался и Саммельгауст. Он бежал рядом с повозкой, он все бежал, бежал и бежал, а крестьянину никак не удавалось уехать от него. Саммельгауст все время держался рядом с повозкой. Так что крестьянин мог видеть, что Саммельгаусту вовсе незачем заискивать перед ним, если ему нужно быстрее добраться до места.

— А ты, малый, здорово бегаешь, — под конец сказал крестьянин.

— Да, — согласился с ним Саммельгауст и, совершенно запыхавшись, остановился.

Было на свете нечто такое, о чем Саммельгауст мечтал больше всего. Он мечтал о кроликах. Он хотел иметь двух маленьких хорошеньких белых кроликов: кролика и крольчиху. Чтобы они выросли и народили крольчат, целую кучу крольчат, и чтобы ни у кого во всем Смоланде не было бы столько крольчат, сколько у него, у Саммельгауста. Все лето

проходил он, мечтая об этом. Он так горячо, так искренне, так пылко мечтал о кроликах, что просто удивительно, как это пара кроликов не выросла у него на глазах прямо из-под земли.

Саммельагуст знал, где можно купить кроликов: далеко-далеко в одной из усадеб соседнего прихода. Об этом ему рассказал работник Пера Юхана из Верхнего Селения. Но каждый кролик стоил 25 эре¹. Целых 50 эре — где же Саммельагусту взять такие бешеные деньги? С таким же успехом он мог пожелать себе луну с неба. А просить у отца с матерью было без толку. В те времена в крохотных лачугах Смоланда водилось так мало денег! По вечерам Саммельагуст молил Бога явить чудо. Ведь Бог может послать Саммельагусту какого-нибудь подходящего миллионера. Всем хорошо известно, какие они, эти миллионеры! Расхаживают повсюду с карманами, битком набитыми деньгами, и то и дело то тут, то там теряют по 25 эре.

Но Бог не послал ему миллионера. Он послал ему торговца-оптовика Сёренсена.

Однажды в субботний полдень, в июле, Саммельагуст сидел среди цветов подмаренника у обочины и ни о чем не думал. А может, он думал о тех самых кроликах, которых ему никогда не видать, потому что об этом он думал частенько. Вдруг он услышал вдали топот конских копыт и вскочил на ноги, чтобы отворить ворота. Одни из того множества ворот, которые запирали смоландские дороги в те времена, когда люди не так спешили, как теперь, и когда не было никаких автомобилей.

¹ Эре — монетка, грош (шв.).

И тут появился в своей красивой пролетке, запряженной парой лошадей — Титусом и Юлле, и с кучером на облучке, торговец-оптовик Сёренсен. Оптовик слыл важной персоной в округе. У него был магазин в поселке при станции, большой магазин. А сейчас он ехал в гости к звонарю в церковный приход. На всех горках Титус и Юлле старались изо всех сил. Но теперь они добрались уже до дома Саммельгауста, и наконец-то все самые крутые горки остались позади. А дальше ровная дорога вела прямо в приход, совершенно ровная дорога со множеством ворот. И вот здесь, у самых первых ворот, стоял маленький белокурый мальчуган и, вежливо поклонившись, широко распахивал ворота. Торговец много раз ездил по этой дороге и знал, как трудно кучеру соскакать с облучка у каждых ворот. Высунувшись из пролетки, торговец приветливо улыбнулся Саммельгаусту.

— Послушай-ка, ты, — сказал он. — Хочешь поехать со мной в приход и отворять по дороге все ворота подряд? Получишь пять эре за каждые.

В глазах Саммельгауста прямо-таки потемнело. 5 эре за каждые ворота! Да за такие-то деньги он поедет куда угодно и будет отворять ворота до скончания века.

Он вскочил в пролетку. Правда, в глубине души он сильно сомневался в том, что торговец сдержит обещание: может, это просто такая шутка, которую иногда придумывают взрослые. Но как бы то ни было, даже прокатиться в пролетке — целое приключение. А может статься, торговец и в самом деле сдержит свое обещание. Всю дорогу до самого прихода Саммельгауст лихорадочно открывал ворота. Перед

каждыми воротами он вел в уме счет — голова его шла кругом. На дороге длиной в полмили было тринадцать ворот, тринадцать благословенных ворот.

— Ну, — сказал торговец, когда они подъехали к церкви. — Сколько тебе причитается? Ты должен подсчитать сам.

Но Саммельгауст не мог заставить себя назвать эту безбожную сумму.

— Пять умножить на тринадцать, — сказал торговец. — Сколько получается?

— Шестьдесят пять, — прошептал бледный от волнения Саммельгауст.

Это была не шутка. Торговец-оптовик вытащил свое большое портмоне и положил блестящую монету в 50 эре, монету в 10 эре и монетку в 5 эре в загорелую дрожащую ладошку Саммельгауста.

Саммельгауст поклонился так низко, что его светлая челка почти коснулась пыльной проселочной дороги.

А потом он помчался домой. Все полмили он пробежал, перепрыгивая все тринадцать ворот подряд. Никогда никто так легко не бежал по этой дороге.

Дома его, томясь от нетерпения, поджидали братья. Они видели, как Саммельгауст с шиком отъезжал в пролетке торговца-оптовика.

Ну а кто это так быстро бежит на повороте дороги, что пот капает у него с лица? Неужто это бедный смоландский мальчишка по имени Саммельгауст? Нет, это богатый человек, надутый денежный мешок, солидный скупщик кроликов, почти оптовик — Саммельгауст!

Какое торжество! Братья толпятся вокруг Саммельгауста, осыпая его вопросами! Какое счастье

разжать кулак и показать им свое огромное, неслышанное богатство!

Рано утром, в воскресенье, Саммельгауст поднялся с постели для того, чтобы основать свою кроличью ферму. Ему предстояло пройти больше мили к той самой усадьбе в соседнем приходе, где продавались кролики. Он так торопился поскорее отправиться в путь, так мечтал о своих кроликах, что даже не подумал взять с собой несколько бутербродов.

День оказался долгим, долгим оказался и его путь. Лишь поздним вечером Саммельгауст вернулся домой. За целый день у него крошки во рту не было. Он только шел и шел. Он так устал, что почти падал.

Зато в корзине он нес кроликов. Двух маленьких белых кроликов. Стоили они 50 эре. И все же Саммельгауст уже не был бедняком, у него оставалось 15 эре, чтобы промотать их в приступе безумной расточительности в наступающем году.

Что можно еще рассказать о Саммельгаусте? Пожалуй, больше ничего. Но мне кажется, хорошо, что Саммельгауст заработал эти 65 эре. О, как прекрасно, что в Смоланде в стародавние времена на дорогах было столько ворот!

Что-нибудь «живое» для Каля-Колченожки

Старшая сестра Анна Стина и младшая — Малявка сидели на кухне под откидным столом. Это прекрасное место для малышей, которые хотят, чтобы

им никто не мешал. Сидишь как будто бы в своей отдельной комнатке. Одна лишь Снурра¹, черная кошка, то и дело являлась к ним и ласково терлась о Малявку. Но ей сестры всегда были рады. А иногда, если не хватало кукол, Малявка пеленала Снурру и укладывала ее спать. Но Снурре почему-то не нравилось лежать на кукольной кровати, хотя Малявка пела ей колыбельную. Анна Стина говорила, что кошки любят песни, а раз так говорила старшая сестренка, значит, это чистая правда. Ведь Анна Стина все знала и все умела, и всему, что сама Малявка умела, она научилась от Анны Стины. Только одному она научилась сама: свистеть сквозь передние зубы. А считать до двадцати, узнавать все буквы, читать молитву, кувыряться и залезать на вишню ее научила Анна Стина.

Анна Стина сидела, закусив косичку. Она это делала всегда, когда о чем-то думала.

— Малявка, ведь до Рождества осталась всего одна неделя! Что если у Снурры ничего не получится? Вот беда-то будет на нашу голову!

Малявка посмотрела на нее, вытаращив испуганно глаза.

— А как это беда на нашу голову? Кто ее нам положит?

— Да ну тебя, это только так говорится, — отвечала Анна Стина.

И тогда Малявка поняла. Ведь иногда Анна Стина говорила: «Я лопну от злости». А сама никогда не лопалась. Значит, «беда на нашу голову» — это тоже не опасно. Один раз Малявка осторожно спро-

¹ Снурра — юла, волчок (шв.).

сила сестру, громкий ли будет хлопок, когда она лопнет. Анна Стина ответила, что Малявка глупая девчонка и ничего не понимает.

Анна Стина строго посмотрела на Снурру и сказала:

— Ну так отвечай! Будут у тебя котята или нет? Если ты не собираешься приносить их до сочельника, можешь вообще не приносить!

— Не надо так говорить, Анна Стина! — попросила Малявка. — А вдруг тогда она не захочет их приносить? А я так люблю котят.

— А кто их не любит? А больше всех их любит Каль-Колченожка. Но теперь все зависит от Снурры.

Можно было подумать, что Снурра поняла слова Анны Стины, она с недовольным видом ушла из кухни.

— Давай пойдем повеселим Каля-Колченожку, — предложила Анна Стина.

Малявка поцеловала на прощание Викторию, куклу с закрывающимися глазами, и приготовилась идти с Анной Стиной веселить Каля.

Каль-Колченожка жил в доме маляра наверху, под самой крышей. А маляр — это папа Анны Стины и Малявки. Каль-Колченожка и его мама снимали маленькую-премаленькую комнатку и маленькую-премаленькую кухню на чердачном этаже. Каль-Колченожке было шестнадцать лет. Когда он был маленький, он сильно заболел, а после у него отнялись ноги. Мама его ходила по людям «убирать», и Каль лежал целыми днями один, так что его нужно было иногда немножко развеселить.

— Ни одна живая душа и не подумает повеселить Каля, — сказала довольная Анна Стина.

Они вскарабкались по крутой лестнице и постучали в дверь. Увидев Анну Стину и Малявку, Каль-Колченожка очень обрадовался.

— Мы пришли тебя развеселить, — сказала, запыхавшись, Малявка.

— Спасибо, — ответил Каль. — Ну давайте, веселите!

— Ты рад, что скоро Рождество? — спросила Анна Стина в виде короткого вступления.

— Ясное дело, рад.

— «Ясное дело», — рассердилась Малявка. — Да это просто замечательно!

— Какой рождественский подарок ты хотел бы получить? Как всегда, что-нибудь живое?

— Да, — ответил Каль-Колченожка, вздыхая, — что-нибудь живое. Но ничего живого мне никто никогда не дарит.

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказала загадочно Анна Стина.

— Да, это мы еще посмотрим, — эхом повторила Малявка.

И девочки начали шептаться.

— А все-таки, что живое тебе хочется получить? — продолжала Анна Стина. — Например, кошку? Или собаку? А может быть, маленькую змейку?

Она старалась запутать Каля, чтобы он не догадался.

— Фу, зачем мне змея! — возмутился Каль. — А вот котенка или щенка...

Он мечтательно вздохнул. Ему давно хотелось, чтобы у него на одеяле лежал маленький теплый комочек. Тогда ему не пришлось бы все время быть одному.

— Может, тебе все-таки подарят маленькую змейку, — сказала Анна Стина.

И обе девочки захохотали так сильно, что чуть не подавились.

Но подумать только, до чего же вредная эта Снурра. День шел за днем, а котята все не появлялись. Анна Стина и Малявка пекли пряники, варили тянучки и вышивали крестом платок для мамы и все время ждали котят.

Ночью Снурра спала в мастерской маляра. Каждое утро она выходила оттуда, и Анна Стина с Малявкой кормили ее завтраком. Но за два дня до сочельника Снурра вдруг исчезла. Девочки ждали ее напрасно. Снурра пришла только к ужину. Анна Стина толкнула Малявку в бок и показала большим пальцем на Снурру. Малявка ничего не поняла.

— Все ясно, — прошептала Анна Стина.

И тут Малявка заметила, что Снурра выглядит совсем по-другому. А это означало, что у нее родились котята. Малявка так обрадовалась, что пролила на скатерть немножко черничного киселя.

Но обрадовались сестры слишком рано. Ясно было, что Снурра принесла котят. Но куда она их дела? Это была умная кошачья мама, она знала, что нужно подождать несколько дней, прежде чем Анна Стина и Малявка начнут нещадно тискать ее детей. Ах, откуда ей было знать, как важно им было получить ее котят до сочельника!

— Мы ее перехитрим, — сказала Анна Стина.

И девочки принялись караулить Снурру. А кошка не торопилась. Поев, она улеглась возле кухонной плиты и весело замурлыкала. Первые десять минут Анна Стина и Малявка терпеливо сидели рядом

с ней. Еще десять минут они играли с куклами, поглядывая то и дело на Снурру. Потом пришла мама и спросила девочек, не хотят ли они ей помочь: снять ножом меренги с противня. Они, конечно, с радостью согласились. Ведь ломаные меренги им разрешалось съесть. Но вот меренги были сняты, а Снурра все не появлялась.

— Я просто лопну от злости, — сказала Анна Стина.

И они побежали в мастерскую искать котят. Но там они даже хвоста Снурры не увидели! Сёдерквист, папин помощник, стоял и малевал красивые розы на дверцах шкафа. Малявка спросила его, не видал ли он Снурру. Нет, ответил Сёдерквист, малюя красивую загогулину, никаких кошек он не видел.

Так где же ее искать? В сарае? Или в прачечной? Нет, кошки и след простыл.

Недовольная Анна Стина уселась читать библейские истории. Но Малявка не желала так легко сдаваться. Подумать только, а вдруг она сама найдет котят! Она нахмурила брови и стала думать. Где ей еще искать? Она поднялась на чердак мастерской. Лезть туда по крутой лесенке было для крошки Малявки делом опасным. Здесь стояли пустые ящики, картонные коробки, валялись палочки и доски. А на куче стружек уютно разлеглась Снурра с тремя черными котятами.

— Как мы их назовем? — спросила Малявка чуть позднее, когда она и Анна Стина, торжествуя, притащили котят в кухню.

Анна Стина бросила взгляд на страницу книжки, которую только что читала.

— Садрак, Месхак и Абедного, вот как мы их назовем. Как тех троих в горячей печи¹. Этот вот, с белым пятнышком на лбу, будет Садрак. Он самый хорошенький. Мы подарим его Калю-Колченожке.

— Значит, у него будет наконец что-то живое! — мечтательно сказала Малявка.

Каль-Колченожка сидел один почти весь сочельник. Его мама должна была прийти только поздно вечером. Начало смеркаться, Каль собирался уже было зажечь свет. И тут послышался знакомый топот ног по лестнице.

— Вот идут ангелочки меня повеселить, — сказал сам себе Каль и с надеждой поглядел на дверь.

И в самом деле в дверях показались два ангелочка. Ведь только у ангелов бывают такие сияющие глаза и круглые, румяные щеки.

— Вот тебе что-то живое! — с восторгом крикнула Малявка и протянула ему корзинку.

— Открой ее! — воскликнула Анна Стина. — Не бойся, там не змея.

Каль-Колченожка, мечтавший о чем-нибудь «живом», радостно прижал к груди маленького черного Садрака. Теперь ему не придется лежать в полном одиночестве.

Мама терпеливо объяснила своим девочкам, что нельзя держать в доме так много кошек. И теперь в саду маляра под вишней стоит маленький белый

¹ По библейскому преданию еврейские юноши, брошенные по приказу вавилонского царя Навуходоносора в раскаленную печь и спасенные ангелом. В русском переводе Библии: Азарий, Ананий и Мисаил.

крестик. А на нем химическим карандашом довольно криво нацарапано: «Здесь покоятся Месхак и Абеднего, оплакиваемые Анной Стиной, Малявкой и многими другими кошками».

Кто выше!

— Эй, ты, мелочь пузатая! Мелочь!!

Резко, протяжно и ликующе пронзил этот крик вечернюю тишину.

Тот, кто, очевидно, и был мелочью пузатой, поднялся на грядке с клубникой и стал внимательно всматриваться в соседний сад. Но враг не показывался. Зато снова прозвучало как вызов:

— Э-эй, ты, мелочь пузатая!

Тогда тот, кто был на грядке с клубникой, разозлился всерьез.

— Иди сюда, ты — трусишка! — воскликнул он. — Иди сюда и скажи мне это в лицо... Слабб?

Белокурая голова с быстротой молнии вынырнула из густой листвы вяза, росшего возле соседнего забора.

— А вот и не слабб! — откликнулся белокурый и вызывающе плюнул через забор. — А вот и не слабб! Мелочь пузатая!!

По всему селению пронеслось, словно лесной пожар: Альбин и Стиг снова принялись за свое! И несколько мгновений спустя все окрестные мальчишки уже стояли в напряженном ожидании на дороге.

Да, Альбин и Стиг снова принялись за свое. Они занимались этим каждый вечер. Они занимались

этим давным-давно. Они соперничали. Соперничали почти целых девять лет. То есть с тех самых пор, когда лежали в колыбельках.

— Подумать только, у Стига уже вырос первый зуб, — гордо сказала мама Стига маме Альбина, когда мальчикам было по шесть месяцев. После чего мама Альбина пошла домой и сунула указательный палец в ротик Альбина. Но нащупала лишь мягкую, беззубую десну.

— Подумать только, Стиг уже может стоять, если только есть за что держаться, — сказала несколько месяцев спустя мама Стига маме Альбина.

Мама Альбина пошла домой, вытащила его из колыбели и поставила возле дивана на кухне. Но маленькие кривые ножки Альбина подогнулись, и он с криком рухнул на пол.

— Подумать только, Стиг ходит уже так хорошо, что впору маршировать, — еще несколько месяцев спустя сказала мама Стига.

Тогда мама Альбина ринулась со своим мальчиком к доктору, чтобы узнать, не болен ли чем-нибудь крошка Альбин.

Конечно же, он ничем не был болен.

— Все дети начинают ходить в разное время, — сказал доктор.

Но вот настал праздник и на улице мамы Альбина.

— Подумать только, Альбин говорит уже «прогноз погоды», хотя ему не больше двух лет, — сказала она маме Стига.

— Скажи «прогноз погоды», — решительно велела та сыну.

— Де-де, — сказал Стиг.

Это означало «дедушка» и было совсем не то же самое, что «прогноз погоды».

Мало-помалу Альбин и Стиг начали ходить в школу. Они сидели за одной партой и, собственно говоря, должны бы стать лучшими друзьями. Но о какой дружбе может идти речь, когда они все время состязались друг с другом. И оба старались во что бы то ни стало переплюнуть друг друга, потому что так уж повелось с тех самых пор, когда они были совсем маленькими. До чего же трудно им жилось! Если учительница ставила Альбину «хорошо» по арифметике, то Стиг свирепствовал, точно лев. Он сидел дома и считал, считал без конца, пока глаза не вылезали у него на лоб. А если Стиг отличался в гимнастике, пройдя на руках вокруг школьного двора, то Альбин потом полдня надрывался за скотным двором, повторяя этот трюк.

То, что Альбин сидел теперь на дереве и кричал «мелочь пузатая» Стигу, было вызвано тем, что Стиг в тот же самый день прыгнул на пять сантиметров выше Альбина во время состязания, устроенного окрестными мальчишками на лугу, у церкви. Это раздосадовало Альбина и задело его до самой глубины души; и самое меньшее, что он мог сделать, это кричать: «мелочь пузатая».

Стиг гневно взглянул вверх на вяз и сказал:

— Тебе бы лучше потренироваться в прыжках в высоту, чем сидеть на дереве и обзывать старших.

Старшим был не кто иной, как Стиг. Он родился на два дня раньше Альбина.

— Плевать мне на прыжки в высоту, — сказал Альбин. — По крайней мере, прыжки в высоту снизу вверх. Но держу пари, что переплону тебя в прыж-

ках сверху вниз. Я не побоюсь спрыгнуть вниз с этой ветки, а тебе слабó!

И Альбин спрыгнул. Стиг тотчас перелез через забор, взобрался на вяз и повторил подвиг Альбина.

Мальчишки, стоявшие на дороге, с интересом наблюдали за ходом событий. Одни болели за Альбина, другие за Стига.

— Давай, давай, Альбин! — кричал один из «альбинистов».

— Эй, Стиг! — кричал болельщик Стига.

Тогда Альбин влез на крышу отхожего места.

— Я не побоюсь спрыгнуть отсюда! — закричал он Стигу.

И спрыгнул. Стиг презрительно фыркнул. С крыши отхожего места он-то мог бы спрыгнуть и в двухлетнем возрасте, заверил он.

— Но я не побоюсь спрыгнуть с самого высокого штабеля досок, наверху, у лесопилки, — продолжал он.

Мальчишки гурьбой повалили к лесопилке и восторженно смотрели, как Стиг прыгает вниз с самого высокого штабеля досок.

Альбин размышлял. Что бы ему теперь придумать?

— А я не побоюсь спрыгнуть с моста, — сказал он, но голос его звучал не очень уверенно.

— Bravo, Альбин! — закричали альбинисты. И вся орава устремилась к мосту, чтобы посмотреть, как Альбин прыгает оттуда.

— Давай, Стиг! — кричали болельщики Стига.

Стиг судорожно глотнул воздух. Прыгать с моста было жутко высоко. Что бы такое придумать почище Альбина?

— Я не побоюсь спрыгнуть с крыши самого высокого дровяного сарая, — сказал он под конец.

— Спичку не переплюнешь! — горланили его болельщики.

Стиг достал лестницу и влез на крышу сарая. Он посмотрел вниз. От высоты кружилась голова.

— Ха-ха, слабó тебе, трусишка! — заревел Альбин.

После прыжка он спокойно лежал уже некоторое время, чтобы в животе все снова успокоилось.

Альбин совершенно растерялся. В чем-то он должен был переплюнуть Стига, того, кто побил его рекорд, прыгнув выше на пять сантиметров.

В полдень пошел дождь. И тут, стоя у дровяного сарая, Альбин увидел, как маленький дождевой червь, привлеченный сыростью, вылез из щели. Альбина осенило.

— Я не побоюсь съесть дождевого червяка, — сказал он. — А тебе слабó!

И раз, он проглотил червяка.

— Bravo, Альбин! — закричали альбинисты.

— Стиг тоже может сожрать червяка! — закричали болельщики Стига и принялись услужливо искать для него червяка.

Стиг побледнел. По-видимому, червяк не был его излюбленным лакомством. Но его болельщики вскоре появились с дождевым червяком, которого нашли под камнем.

— Слабó тебе, трусишка! — кричал Альбин.

Тогда Стиг съел червяка. После этого он исчез за деревом. Потом мало-помалу появился опять. Но вид у него был смущенный.

— Сожрать червяка может любая мелочь, — сказал он. — А я спрыгнул с крыши дровяного сарая. А тебе слабó.

— Мне — слабó?! — возмутился Альбин.

— Ему — не слабó! — орали альбинисты.

— Ясное дело, слабó! — кричали болельщики Стига.

— Я не побоюсь спрыгнуть с крыши хлева, — заявил Альбин. Но ему стало холодно, когда он произносил эти слова.

— Bravo, Альбин! — орали альбинисты.

— Да куда там! Слабó ему! — говорили болельщики Стига.

Лестницу подтащили к хлеву. Из соображений безопасности ее поставили у той стены, которая не просматривалась из дома. Могло ведь случиться и так, что мамам Стига и Альбина вряд ли пришлось бы по вкусу именно такое состязание.

У Альбина дрожали ноги, когда он лез по ступенькам лестницы. И вот он уже на крыше хлева. Он смотрит вниз, в бездну. Какими маленькими кажутся там, внизу, мальчишки! Сейчас-сейчас он прыгнет! Нет, это просто ужасно! Он переводит дух и молит Бога, чтобы ноги поднялись сами собой. Но ноги его не слушаются.

— Он боится! — торжествующе воскликнул Стиг.

— Покажи ему, как это делается! — заорали болельщики Стига. — Спрыгни сам с крыши хлева, Спичка, пусть он лопнет от стыда!

М-да, это было не совсем то, о чем мечтал Стиг. Он ведь уже спрыгнул с крыши сарая, может, хватит с него.

— Спичке, точно, слабó! — кричали альбинисты. — Подумаешь, крыша сарая, это раз плюнуть: Альбин спрыгнул бы с нее тысячу раз, правда, Альбин?

— Ну да! — закричал с крыши хлева Альбин. Хотя в душе понимал, что никогда больше не захочет прыгать ниоткуда, даже с крыльца.

Тут Стиг тоже полез на крышу.

— Мелочь пузатая, — ласково сказал ему Альбин.

— Сам ты — мелочь пузатая, — огрызнулся Стиг.

Потом он глянул вниз и лишился дара речи.

— Прыгай, Альбин! — орали альбинисты.

— Прыгай, Спичка! — кричали болельщики Стига.

— Стиг непременно себе что-нибудь сломает! — горланили альбинисты.

— И не стыдно тебе, крошка Альбин?! — вопили болельщики Стига.

Стиг и Альбин закрыли глаза. Разом шагнули они в пустоту.

— Как это, в конце концов, случилось? — удивленно спросил доктор, наложив шину Стигу на правую, а Альбину на левую ногу. — Две сломанные ноги в один и тот же день!

Стиг и Альбин пристыженно поглядели на него.

— Мы соревновались, кто прыгнет выше, — пробормотал Стиг.

Потом они лежали рядом, каждый на своей больничной койке, и упрямо смотрели каждый в свою сторону. Но как бы там ни было, они вдруг покосились друг на дружку и начали хихикать, несмотря на свои сломанные ноги. Сначала они просто хихикали, но их все сильнее и сильнее разбирал смех. И вдруг они так громко расхохотались! На всю больницу! И тогда Альбин спросил:

— Ну и что в этом, собственно говоря, такого хорошего — прыгать с крыши хлева?

А Стиг расхохотался так, что едва смог произнести:

— Знаешь, Альбин! И зачем мы только слопали этих дождевых червяков?

Старшая сестра и младший брат

— Ну, — сказала старшая сестра младшему брату, — теперь я расскажу тебе сказку. Может, хоть ненадолго перестанешь проказничать?

Малыш сунул указательный пальчик в часы, желая взглянуть, остановятся ли они. И они остановились. А потом сказал:

— Ладно! Начинай!

— Понимаешь, — начала старшая сестра, — жил был король. И сидел он на троне с короной на голове...

— Вот чудак! Держать деньги на голове! — перебил ее малыш. — Я всегда кладу свои кроны¹ в копилку.

— Фу, какой ты глупый, — сказала сестра, — я сказала не с кроной, а с короной.

— А-а... — протянул малыш, взял графин с водой и плеснул воды на пол.

— ...У короля был маленький сын, и однажды король сказал принцу, что он, верно, тяжело болен и ему очень худо.

¹ Деньги (*шв.*). «Крона» и «корона» по-шведски произносятся одинаково.

— А откуда королю знать, что принцу очень худо? — спросил малыш и полез на стол.

— Так это же королю было худо, — нетерпеливо заметила старшая сестра.

— Так бы и сказала. А ему дали касторку?

— Кому? Королю?

— Ясное дело, королю, — сказал малыш. — Если и в самом деле худо было ему, зачем же давать касторку принцу?

— Не болтай глупости, — рассердилась старшая сестра. — В сказках касторки не бывает.

— Да ну? — удивился малыш и стал дико раскачивать лампу над столом. — Это нечестно. Я-то принимаю касторку всегда, когда болею.

— ...Раз королю было так худо, он и сказал принцу, что пусть он отправляется в дальние страны и привезет оттуда яблоко...

— Разве можно собирать яблоки, когда тебе так худо? — удивился малыш.

— С ума сойти! — ответила сестра. — Ведь это принц должен был отправиться в дальние страны и привезти яблоко.

— Так и говори, — продолжал малыш, чуть сильнее раскачивая лампу. — Только зачем ему отправляться в дальние страны? Неужели поближе не нашлось какого-нибудь сада, где можно стянуть несколько яблок?

— Ты что, не понимаешь? Яблоко то было не простое, а волшебное. И если кто заболит, стоит ему только понюхать это яблоко, и он уже здоров!

— А по мне хватило бы и касторки. И не надо было бы швырять деньги на дорогие билеты, чтобы попасть в дальние страны, — сказал малыш и

сунул палец в дырку чулка так, что она стала чуточку больше.

— Принц не поехал поездом, — объяснила старшая сестра.

— Да? Ну а пароходом плыть ничуть не дешевле.

— Он не ехал поездом и не плыл пароходом. Он летел.

Наконец младший брат чуточку заинтересовался.

— На ДЦ-6А? — спросил он, на мгновение прекратив ковырять дырку в чулке.

— Он не летел на ДЦ-6А, — недовольно ответила сестра. — Он летел на ковре.

— Еще чего выдумала! По-твоему, ты можешь вдалбливать мне все, что хочешь, всякую муть?!

— Но это так и было, — заверила старшая сестра. — Он уселся на ковер и сказал: «Лети, лети в дальние страны!» И ковер полетел по воздуху и над морем.

— И ты в это веришь? — снисходительно спросил малыш. — Я тебе докажу: там и капельки правды нет!

Спрыгнув со стола, он уселся на маленький коврик из лоскутков, лежавший перед открытой дверцей печки.

— Лети, лети в дальние страны! — велел он.

Но коврик по-прежнему лежал на месте.

— Ну что? — обрадовался малыш. — Так я и знал. На ковре и полпути до Сёдертелье не пролетишь, не говоря уж о дальних странах.

— Раз ты такой глупый, я не стану рассказывать тебе сказки, — оскорбилась сестра. — Ты что, не понимаешь? Это же был не такой коврик, как наш! Это был волшебный ковер, сотканный индийским магом.

— А ка́кая разница, соткан ковер тощим индийцем¹ или толстым шведом? — удивился малыш.

— Хватит болтать глупости, — рассердилась сестра. — Маг — это все равно что волшебник. Принц летел на ковре — и все тут. Он летел, и летел, и летел...

— Ты рассказываешь так подробно, что король сто раз успеет помереть, прежде чем принц доберется домой с яблоком, — сказал малыш. — Вообще-то я думаю, что принц сам сгрыз яблоко на обратном пути.

— Конечно нет, — объяснила старшая сестра. — Это был добрый принц и вовсе не такой глупый, как ты. Сперва ему пришлось победить могущественного волшебника в тех дальних странах! Волшебник сказал принцу: «Сейчас здесь прольется христианская кровь!»

— Христианская кровь? — спросил малыш. — А что это такое? — Верно, он думал: «Кровь из носа». — Будь я на месте принца, я бы как дал ему по носу! Он бы сразу христианскую кровь увидел!

— До чего неинтересно рассказывать тебе сказки! — рассердилась сестра.

— Это жутко веселая сказка, — признал малыш.

— Понимаешь, когда принцу наконец удалось убить волшебника, он прижал яблоко к груди...

— Как мог волшебник прижать яблоко к груди? — спросил малыш. — Ведь он же был мертвый?

— О! — воскликнула сестра. — О! Это же принц прижал яблоко...

— Принц прижал яблоко к груди волшебника? А зачем? Лучше бы он взял его и смылся.

¹ По-шведски слово «магер» означает и «маг», и «тощий».

— С ума сойти! — закричала старшая сестра. — Принц прижал волшебника, нет, что я говорю, я хочу сказать, яблоко прижало... Фу, ты совсем запутал меня своей глупой болтовней, противный мальчишка!

— Вот я расскажу тебе, как все было на самом деле, — сказал малыш. — Сначала принц прижал яблоко к лицу волшебника, и тогда волшебник взял ковер, прижал его к лицу принца и сказал: «Лети, лети в дальние страны!» И тогда принц уселся на яблоко и полетел в Сёдертелье, а потом ковер примчался верхом на волшебнике, который был такой тощий маг, что сразу выздоровеешь от одного его запаха, а король, который уже умер от твоей болтовни, прижал волшебника к груди принца, и тогда ковер съел яблоко, и все они жили долго и счастливо.

— Никогда больше не стану рассказывать тебе сказки, — пообещала старшая сестра.

— Вот и хорошо, — обрадовался младший брат.

Пелле переезжает в сортир

Пелле рассердился. До того рассердился, что решил уйти из дому. Как можно жить в доме, где к тебе так плохо относятся?

Это случилось сегодня утром, когда папа собирался идти в контору и не мог найти свое «вечное перо».

— Пелле, ты опять взял мою ручку? — сказал он и больно схватил Пелле за руку.

Пелле часто брал папину ручку, но только не сегодня. Сегодня папина ручка была в кармане папиного

костюма, висевшего в шкафу. А Пелле тут был ни при чем. А папа так больно схватил его за руку! А мама? Мама, конечно, была на стороне папы. Нет, этому надо положить конец! Надо переезжать отсюда. Но куда? Он может сесть на корабль и уплыть в море, где большие волны, и умереть там. Тогда они его пожалеют! Поедет в Африку, где ходят дикие львы. Подумать только, папа придет домой из конторы и, как всегда, спросит:

— Где мой маленький Пелле?

А мама заплачет и ответит:

— Его съел лев.

Так им и надо, раз они такие несправедливые!

Но Африка очень далеко. Пелле решил переехать куда-нибудь поближе, чтобы увидеть, как мама с папой будут о нем плакать. Пелле надумал переехать в сортир — это маленькая красная пристройка во дворе, на двери у нее нарисовано сердце. Туда он и переедет. Он тут же начал собираться, складывать свои вещи: мячик, губную гармошку и еще свечку, ведь через два дня Рождество, и Пелле собирался встречать его в сортире. Он зажжет свечку и будет играть на губной гармошке «И снова Рождество». Песенка будет звучать печально, и папа с мамой услышат ее.

Пелле надевает свое красивое голубое пальтишко, меховую шапку и рукавицы. Потом берет в одну руку бумажный мешок с мячиком, губной гармошкой и свечой, а в другую — книжку и нарочно идет через кухню, чтобы мама его видела.

— Пелле, что это ты так рано собрался гулять? — спрашивает мама. Пелле не отвечает, только пренебрежительно фыркает носом. Гулять! Ха-ха! Ничего, после узнает.

Мама замечает, что Пелле наморщил лоб и что глаза у него потемнели.

— Что с тобой, милый Пелле? Куда это ты собрался?

— Переезжаю.

— А куда же?

— В сортир, — отвечает Пелле.

— Да что ты, сынок! И долго ты там собираешься жить?

— Всегда, — говорит Пелле и кладет пальцы на ручку двери. — Пусть папа винит кого-нибудь другого, когда не может найти свое «вечное перо».

— Милый, дорогой Пелле, — говорит мама, обнимая его. — Оставайся лучше у нас. Мы бываем иногда несправедливыми, но мы крепко, очень крепко любим тебя.

Пелле колеблется, но только одну секунду. Потом он решительно отталкивает мамину руку, бросает на нее последний укоризненный взгляд и спускается с лестницы.

Из окна столовой мама видит, как маленькая голубая фигурка исчезает за дверью с нарисованным сердцем.

Через полчаса до мамы доносятся звуки губной гармошки. Это Пелле играет «Ах, мой прекрасный Вермланд».

Сортир прекрасное место, думает Пелле. По крайней мере сначала. Он разложил аккуратно книжечку, мячик и губную гармошку. Маленькую свечку он поставил на окно. Ах, как печально она будет светить в рождественский вечер. Пусть мама с папой ее увидят из окна столовой.

Как раз у этого окна всегда ставят нарядную елку. Рождественскую елку! И... и подарки!

Пелле, сдерживаясь, глотает слезы. Нет, он не собирается брать подарки от людей, которые считают, что он берет у них «вечные перья».

Он снова принимается играть «Ах, мой прекрасный Вермланд». Но время тянется здесь так медленно. Интересно, что делает мама? Папа, наверное, уже пришел с работы, ведь Пелле уже так давно сидит здесь! Ему интересно было бы заглянуть в дом и посмотреть, плачут ли они. Но какой предлог придумать, чтобы зайти туда? И тут он вспоминает одну вещь. Он быстро поднимает крючок с петли и идет, нет, почти бежит через двор к дому и поднимается по лестнице.

Мама все еще в кухне.

— Мама, — говорит Пелле, — если мне принесут рождественские открытки, скажи почтальону, что я переехал.

— Хорошо, — обещает мама.

Пелле неторопливо идет к двери, ноги кажутся такими тяжелыми.

— Пелле, — говорит мама так ласково, как умеет только она одна, — а что нам делать с твоими рождественскими подарками? Послать их в сортир или ты сам придешь за ними?

— Не надо мне никаких подарков, — сурово говорит Пелле.

— Ах, Пелле! — восклицает мама. — Какое это будет грустное Рождество. Кто же зажжет елку? Кто откроет дверь рождественскому гному без Пелле?

— Вы заведете себе другого мальчика, — говорит Пелле сдавленным голосом.

— Ни за что на свете! — отвечает мама. — Нам нужен только Пелле, Пелле и больше никто. Ведь мы любим крепко-крепко одного только Пелле.

— Правда? — спрашивает Пелле совсем сдавленным голосом.

— Папа с мамой будут сидеть и плакать весь рождественский вечер. И даже не зажжем на елке ни одной свечки. Ах, как мы будем плакать!

Тут Пелле упирается лбом в кухонную дверь и тоже начинает плакать. Он плачет так жалобно, так громко, так отчаянно! Потому что ему жаль маму и папу. И когда мама обнимает его, он прячет голову у нее на груди и плачет еще сильнее, так что мама совсем промокла.

— Я вас прощаю, — шепчет он, всхлипывая.

— Спасибо, милый Пелле, — говорит мама.

Папа приходит много-много часов позднее и, как всегда, спрашивает еще в прихожей:

— Где мой маленький Пелле?

— Здесь! — кричит Пелле и бросается к папе в объятия.

Под вишней

Летним вечером Анн сидит под вишней и смотрит на летающих ласточек. Вишня усыпана белоснежными цветами. Ах, какая она красивая! Ей бы стоять на небе, чтобы маленькие ангелы могли бы качаться на ее ветках. Может, она раньше и стояла на небе, а после Бог перенес ее на землю, чтобы Анн могла сидеть под ней летними вечерами. Кто знает! Может, это замечательное дерево — волшебное и умеет исполнять все желания? А никто этого не знает. Анн решает тут же попробовать. Но сразу много желать не годится, ведь у этого дерева давно никто

ничего не просил, оно отвыкло исполнять желания. Нельзя сразу взять и пожелать... ну, например, маленького пони. Это можно будет пожелать после, когда оно привыкнет делать все, что попросишь. Анн не хочет жадничать и решает попросить что-нибудь полегче.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь сейчас шел по дороге, с кем бы я могла поболтать, — громко говорит она, глядя на белые цветы вишни. Анн ждет. И надо же! Всего через пять минут на дороге появляется тетя. Анн ее не знает. Наверно, она живет поблизости, в пансионате.

Тетя останавливается и смотрит на Анн. Ах, какая красота: хорошенькая маленькая девочка, с мечтательными голубыми глазами, сидит под сказочно прекрасной цветущей вишней.

Анн призывно улыбается ей.

— Добрый вечер, дружок, — говорит тетя, — ты сидишь здесь совсем одна?

— Да, — отвечает Анн, — хочешь посидеть со мной?

Анн знает, что нельзя говорить взрослым «ты». Но если нельзя говорить им «ты», то как же с ними разговаривать? А не говорить взрослым ни слова как-то неловко. И потому Анн, не раздумывая, говорит:

— Ты хочешь посидеть со мной?

Ну конечно, тетя хочет посидеть с Анн. Она с радостью садится на зеленую скамейку рядом с Анн, гладит ее по белокурой голове и говорит:

— Ты выглядишь такой маленькой и одинокой.

— Да, — говорит она, вздыхая, — я одинокая.

— А где же твоя мама? — спрашивает тетя.

— Моя мама умерла.

Наступает тишина.

— Бедный ребенок, — говорит наконец тетя.

Анн показывает на большой белый дом в глубине сада:

— Мамочка жила там, когда была живая.

— Вот как, — участливо говорит тетя.

— Но она родилась не там, — продолжает Анн.

— Вот как, а где же она родилась?

— Никто не знает. Моя мама — подкидыш.

В этом белом доме жили господин и одна госпожа. Это были мои дедушка и бабушка, понимаешь? И вот однажды утром они вышли в сад и нашли маму как раз под этой вишней.

Похоже, что тетя не очень верит этому.

— Да, да, это правда, — живо уверяет ее Анн. — Мама спала под деревом, завернутая в грязное одеяло. У дедушки и бабушки не было детей, и они были рады, что нашли мою маму.

«Да, и не такое случается», — думает незнакомая тетя.

— И узнали они, кто ее туда положил? — спрашивает тетя.

— А как ты думаешь? Точно, узнали, — отвечает Анн.

— В самом деле? И кто же это был?

— Цыгане. Они ехали ночью мимо нашего дома и везли с собой мою маму. Никто не знает, почему они положили ее под дерево. Когда маме было три года, она сидела однажды под деревом на скамейке, вот как мы сейчас. И угадай, что с ней случилось?

— Откуда же мне знать!

— Они снова приехали и забрали мою маму, ясно тебе? Схватили и запихали в свою повозку и помчались так, что только искры из-под колес летели. Ах, как бабушка плакала!

— Мне кажется, ты сидишь и выдумываешь всякие небылицы.

— И вовсе нет. Ведь это моя мама, и я все про нее знаю.

— Но ты вовсе не похожа на цыганочку, — говорит тетя, глядя на голубые глаза и золотистые волосы девочки.

— А я похожа на своего папу.

— Ну и что же потом случилось с твоей мамой?

— Мама научилась петь и плясать и делать всякие фокусы. Повсюду, куда цыгане приезжали, она плясала, а потом ходила с красной шапкой и собирала деньги.

— Надо же! — говорит тетя.

— А в это время дедушка с бабушкой искали маму повсюду, — рассказывает Анн, — у всех-превсех цыган. Но все цыганята похожи друг на друга, и найти ее было очень трудно. Но однажды вечером...

— И что же случилось в этот вечер? — с интересом спрашивает тетя.

— Однажды цыгане опять ехали по этой дороге. И мама сидела в одной повозке. Дедушку и бабушку она забыла. А когда она увидела эту вишню, то громко сказала: «Поглядите, это моя вишня».

Дедушка с бабушкой как раз сидели на этой скамейке и услышали это. Цыгане разбили свой табор вон на том лугу. Ночью дедушка прокрался туда и украл обратно мою маму. Цыганский вожак про-

снулся и выстрелил в дедушку. Но дедушка спрятал маму под пиджак, пустился домой со всех ног и запер дверь на замок.

Незнакомая тетя собиралась было что-то сказать, но в это время на дороге показалась повозка, много повозок. Это катит мимо цыганский табор. Анн бледнеет. Она крепко хватает тетю за руку и кричит:

— Спаси меня! Они хотят украсть меня! Хотят отнять меня от дедушки и бабушки, как отняли маму. Спаси меня!

Тетя тоже пугается. Она думала, что Анн выдумывает небылицы, а теперь не знает, что и думать.

— Спаси меня, — шепчет Анн.

Но прежде чем тетя успевает придумать, что надо делать, Анн проворно карабкается на дерево и прячется в его цветущих ветках.

Цыганские кибитки останавливаются возле тети. Тетя хватается рукой за сердце, видно, что она сильно нервничает. Смуглый человек, сидящий в первой кибитке, помахивая в виде приветствия кнутом, спрашивает:

— Можно нам раскинуть табор вон на том лугу?

Луг вовсе не принадлежит этой тете, но она испуганно кричит:

— Нет, ни в коем случае нельзя! Уезжайте отсюда! Здесь вам останавливаться нельзя.

Цыган злобно цедит сквозь зубы:

— Мы всегда останавливались на этом лугу! Мы люди честные. Ничего не крадем.

«„Ничего не крадем“! — думает тетя про себя. — Только детей воруют».

— Уезжайте прочь! — визжит она.

Цыган ругается, и кибитки катят дальше.

Анн быстро спрыгивает с дерева.

— Молодец, это ты хорошо сделала, — говорит она, одобрительно хлопая тетю по руке. Тетя обнимает Анн за плечи, словно защищая ее. Никто не посмеет украсть эту прелестную малышку, она защитит ее.

— А хочешь знать, что потом случилось с моей мамой? — спросила Анн.

— Конечно хочу, — ответила тетя.

— Знаешь, мама очень любила эту вишню. И однажды вечером, сразу после того, как дедушка украл ее обратно у цыган, она залезла на нее, вот как я сейчас. Только она залезла на самую верхушку. А оттуда она вдруг свалилась и лежала на траве мертвая, белая, как цветок вишни.

— Ах, бедное дитя! — восклицает тетя с грустным видом.

Но вдруг лицо ее заливается краской, и она резко поднимается со скамейки. А Анн этого не замечает.

— На небе много таких вишен, как эта, — говорит Анн мечтательно. — И там мама с другими ангелочками качается на ветках.

— Замолчи! — возмущается тетя. — Как тебе не стыдно выдумывать такую чепуху. Ты что, хочешь, чтобы люди тебе поверили, будто твоя мама умерла маленьким ребенком?! Прощай, маленькая врушка, — говорит она и уходит быстрыми шагами.

— Моя мама правда умерла, когда была маленькая, — сердито кричит Анн ей вслед.

Но она тут же забывает про незнакомую тетю. Ведь она сидит под деревом, которое исполняет же-

лания. Уставясь на цветы вишни, Анн громко говорит:

— Хочу маленького пони!

Она сидит и ждет. Но пони не появляется. Зато в саду появляется другая тетя с такими же мечтательными глазами и золотистыми волосами, как у Анн.

— Ну, малышка, скоро пора спать, — говорит она. — Бабушка и дедушка зовут тебя ужинать.

— Ладно, мама, я иду, — послушно говорит Анн.

Но она уходит не сразу. Цветочные лепестки падают ей на голову, но она не замечает их. Маленькая Анн сидит под вишней и смотрит на летающих ласточек.

Мэрит

Жила-была принцесса, которая потом умерла.

Ей было всего восемь лет, когда она умерла. И в жаркое майское воскресенье, когда принцессу должны были хоронить, одноклассники собрались спеть у ее могилы: «В долинах цветущих, прекрасных сердце покой обретает». Потому что эту песню они репетировали в школе весь весенний семестр¹. И Мэрит пела вместе со всеми.

Мэрит звали ее, эту самую принцессу. А жила Мэрит в маленькой серой лачуге, у самой дорожной обочины.

В маленькой серой лачуге? Фу! Что за чепуха! Какая же она тогда принцесса?

¹ Весеннее полугодие в шведских школах.

А может, она и не была принцессой, может, была всего-навсего обыкновенной маленькой девочкой. Иногда трудно заметить разницу между просто девочкой и принцессой. Тем более что ничего примечательного в Мэрит не было. И ни капельки необыкновенного не было во всей ее восьмилетней жизни. Единственно необыкновенной, если это можно так назвать, была ее смерть.

Но прежде чем дойти до этого, я должна сперва рассказать о том, как однажды, в тот самый первый день в школе, Юнас Петтер был добр к Мэрит. Только не подумайте, что он интересовался девочками. Он совершенно ими не интересовался. С самого первого часа в школе он держался ближе к мальчишкам. Они уже толпились на школьном дворе и боролись, нет-нет, даже и дрались — для порядка — в ожидании, пока зазвенит звонок.

Девочки тихонько толпились в противоположном конце двора и украдкой рассматривали друг друга.

Мэрит держалась немного особняком. Она до этого не знала городских детей, была застенчива, так что первый день в школе был для нее тяжелым испытанием.

Но всему приходит конец, кончился и первый день в школе.

Теперь Мэрит предстояло пройти целые полмили домой, в лачугу, стоящую на чужой земле, но прежде ей надо было зайти в лавку и купить на двадцать пять эре дрожжей — так велела мама.

А кто стоял на крыльце лавки Бергстрёма, торгующего бакалейными и мелочными товарами, как не сам Юнас Петтер?! Потому что именно Бергстрём и был папой Юнаса Петтера!

И вот тогда-то все и случилось. Случилось то невероятное, что Мэрит потом уже никогда не могла забыть.

В ту самую минуту, когда она проходила мимо Юнаса Петтера, он протянул руку и дал ей подарочную коробочку — такую маленькую жестяную коробочку с крышкой, разрисованной цветами. А внутри коробочки были свинки из марципана и маленькое колечко.

Почему Юнас Петтер пошел на такое расточительство, он, верно, и сам не знал. В его круглой голове такая идея возникла, видимо, неожиданно.

Ни единого слова не произнес Юнас Петтер. Только подарил ей коробочку и ушел. Ни единого слова не произнесла и Мэрит. Она была слишком ошеломлена. И еще долго-долго после того, как Юнас Петтер исчез, стояла на крыльце и удивленно глядела на маленькую зеленую коробочку, лежащую у нее в руке.

Наверное, нужно было родиться в лачуге, стоящей на чужой земле, в семье, где кроме тебя шестеро братьев и сестер, которые вечно дерутся из-за лакомств, чтобы понять, какое счастье — получить в подарок маленькую зеленую коробочку. Если тебе редко перепадает даже карамелька, то коробочка со свинками из марципана покажется тебе райским угощением.

Мэрит быстро съела все конфеты до одной. Но коробочку, полученную в подарок с колечком в ней, спрятала. Они стали ее тайным сокровищем, с которым она никогда не расставалась.

Поистине Юнас Петтер и сам не знал, что делает, когда дарил Мэрит эту коробочку. Потому что с того

самого дня Мэрит стала преследовать его с почти нелепым обожанием, которое Юнас Петтер вовсе не оценил. Вообще-то она никогда с ним не разговаривала, только держалась поблизости, но стоило ему взглянуть на нее, как лицо девочки озарилось улыбкой.

Мальчишки дразнили.

— Ха-ха, Мэрит влюблена в Юнаса Петтера! — кричали они.

Юнас Петтер начинал злиться. Но, как ни странно, не на мальчишек, а на Мэрит.

— Чего ухмыляешься! — злобно говорил он ей, и улыбка тут же исчезала с ее губ.

Но это продолжалось недолго. Стоило Юнасу Петтеру посмотреть в ее сторону, как смутившуюся было Мэрит снова охватывал восторг, и она смеялась.

Однажды, перед самым Новым годом, фрёкен¹ читала в классе сказки. Книга сказок, по которой она читала, была очень красивая. И в ней было множество чудесных картинок.

— Смотрите, — громко сказал Юнас Петтер, — сказочная принцесса на картинке — ну прямо вылитая Мэрит!

Все в классе рассмеялись, но согласились с тем, что сказочная принцесса и в самом деле похожа на Мэрит. И фрёкен тоже так думала.

Мэрит, сидевшая за партой, покраснела.

На перемене Юнас Петтер случайно оказался поблизости от Мэрит и сказал чуть презрительно:

— Принцесса Мэрит!

¹ Фрёкен (шв.) — девушка, барышня. Здесь: учительница.

Мэрит снова покраснела.

А Юнас Петтер ушел. У него были важные дела: он то пытался попасть камнем в школьный флагшток, то играл с беззубым мальчиком по имени Гарри.

Но Мэрит еще долго помнила о том, что она похожа на принцессу из книги сказок.

Дни шли за днями, и мало-помалу наступила весна.

Когда наступает весна, какой-то бесенок вселяется в детей.

— Ребята совершенно одичали, — говорят взрослые, когда весной дети не возвращаются из школы вовремя. И взрослые правы. Дети весной дичают, потому что живут чудесной жизнью, в которой нет места времени. И начинается эта жизнь в марте, когда тает снег.

Дети возвращаются из школы, и у них столько дел! А на дороге — сплошные лужи, по которым шлепают так, что брызги летят во все стороны. А иногда лужи и канавы покрываются тонкой корочкой льда, которую разбивают, чтобы услышать, как трещит лед. Подобные дела требуют времени, взрослые должны это понимать и не ворчать, что, мол, еда стынет...

А в апреле становится еще хуже. Во всех рощах текут ручьи. Повсюду шумят настоящие водопады, и нужно глядеть в оба, чтобы перепрыгнуть через них. Иногда же случаются по-настоящему веселые приключения: кто-нибудь упадет в воду и промокнет до нитки! В эту благодатную пору все дети почти никогда не просыхают. Вода в ручьях, к счастью, поднимается гораздо выше голенищ сапог. И когда

кто-нибудь падает в воду и промокает до нитки, в этом бывает что-то особенно праздничное. И детский смех звенит в рощах так же весело, как журчит весенний ручей.

А позднее, в мае, разве кто-нибудь помнит время обеда или ужина? В эту пору во всех усадьбах рождаются ягнята и щенята, луга полны одуванчиков, а солнце тепло пригревает всех индейцев и бледнолицых, которые шмыгают в кустах!

Весна в этот год пришла необычайно рано.

Ах, как радостно было Мэрит в эту ее последнюю весну! Она следовала за Юнасом Петтером по пятам, как маленькая веселая собачонка. И Юнас Петтер был тоже одурманен весной и вместе с ребятами переваливал через горы и перескакивал ручьи.

Подъем в горы — тоже радость, которую лучше всего ощущаешь весной. И вот однажды в мае, в полдень, целый класс стал карабкаться в гору.

Может, это была не такая уж высокая гора. И уж вовсе не вершина Альп, куда надо было подняться, а лишь небольшой бугорок, который возвышался в сосновом бору за школой. Но и там можно было найти ущелья и обрывы, и Юнас Петтер, окрестив гору Гималаями, сказал:

— Осторожно, господа, осторожно!

Но он не предупредил, чтобы и дамы были осторожны. А не мешало бы это сделать: на самой верхушке бугорка лежал большой камень.

— Гляньте-ка, ребята, — сказал Гарри, тот самый беззубый мальчик, — гляньте-ка, этот камень качается.

Ниже по склону шел Юнас Петтер. Он совсем позабыл, что поднимается на Гималаи, потому что на

солнцепоке лежала маленькая ящерица и ее нужно было разглядеть поближе.

Когда семеро мальчишек стоят вокруг камня, который качается на горном склоне, — такой камень непременно должен скатиться вниз.

Так оно и случилось. Со зловещей быстротой покатился камень по откосу и — прямо на Юнаса Петтера!

— Берегись! — закричал Гарри.

Но Юнас Петтер ничего не видел и не слышал.

А Мэрит, стоявшая в нескольких шагах от него, видела, как катится камень и как он приближается к склоненной голове Юнаса Петтера. Того самого Юнаса Петтера, который запросто раздает направо и налево подарочные коробочки!

Нет, камень не докатился до Юнаса Петтера. Путь ему преградила Мэрит.

Это просто удивительно, что камень остановила такая ничтожная преграда. Быть может, так случилось потому, что как раз на этом самом месте торчал твердый край другого камня, к которому и прислонилось маленькое, тонкое тельце девочки.

И оно было раздавлено. Юнас Петтер первым подскочил к Мэрит. На этот раз она была не в силах смеяться. Но она ему улыбнулась. Она слегка улыбнулась ему и закрыла глаза.

Кто может сказать, спасла ли Мэрит жизнь Юнаса Петтера, пожертвовав своей? Кто может знать, убил бы камень другого ребенка, продолжи он свой путь? Никто вообще об этом не задумывался, а меньше всех — Юнас Петтер.

Позднее взрослые спрашивали:

— Как это случилось?

Но дети ничего не могли объяснить. Они не знали, отчего камень вдруг сдвинулся с места или же почему попала под него Мэрит.

— Она только засмеялась и побежала прямо на встречу камню, — сказала одна из девочек.

— Да, она вечно смеялась, эта девчонка, — с досадой произнес Юнас Петтер.

— Посмотрите, что у нее было в кармане передничка, — сказала сестра милосердия, которая уже позаботилась о Мэрит. — Подарочная коробочка! Но она совсем расплющилась. Ах ты, маленькая бедняжка!

Дома, в серой лачуге, не очень-то и заметно было, что Мэрит не стало. В одной кровати, где обычно спало трое детей, теперь осталось двое, это было не очень-то заметно.

И вот настало воскресенье, день похорон Мэрит.

Во главе процессии школьников шел Юнас Петтер со шведским флагом в руках. Было так жарко, что от берез на церковном холме поднимался пар, а весенние первоцветы и ландыши в кулачках детей поникли. Священник отер пот со лба и произнес слова утешения всем, кто оплакивал Мэрит. Конечно, многие плакали. Плакали ее отец и мать, и ее маленькие, одетые в траур братья и сестры, и учительница.

Отдельной стайкой стояли одноклассники Мэрит. «В долинах цветущих, прекрасных сердце покой обретет», — пели они звонкими голосами. Они тоже были опечалены тем, что Мэрит умерла.

Но когда все было кончено, они тут же — все вместе отправились к штабелю дров за школой, что-

бы посмотреть на птичье гнездо, которое нашел там Юнас Петтер.

О! Гнездо было таким прелестным: в нем лежали пять маленьких нежно-голубых яичек. Льянные головы детей придвинулись друг к другу: всем хотелось получше разглядеть яички...

Да, потом они не очень-то и думали о Мэрит.

Спокойной ночи, господин бродяга!

В воскресенье накануне Рождества мама с папой отправились на похороны. Время для похорон было вовсе не подходящее, однако случается, что люди умирают в разгар рождественских хлопот.

Дети остались дома одни. Броде ничего плохого в этом не было. Им велено было сидеть в кухне за столом и вырезать елочные украшения из глянцевой бумаги. Мол, если проголодаются, в кладовой полно еды, наготовленной к Рождеству. И еще у них было целое блюдо с тянучками, замечательными светло-коричневыми тянучками в красивых бумажных формочках. В них было много миндаля, и он так вкусно застревал в зубах. Это твердое, липкое лакомство варили только на Рождество.

Маму беспокоило лишь одно.

— Смотрите, держите дверь запертой. Упаси Боже, не пустите в дом какого-нибудь бродягу.

Потому что в ту пору по дорогам бродило ужасно много бродяг. Бродяги были самые разные. Добрые и тихие, которые садились на стул, не проронив ни словечка. Болтливые бродяги, которые без усталости выдумывали разные небылицы. Пьяницы, которые

иной раз бывали в хорошем расположении духа, а иной раз хватались за нож. А еще — бродяги до того завшивленные, что маме приходилось после них сметать вшей со стула. Мама терпеть не могла бродяг, хотя всегда подавала им большой ломоть хлеба и кусок сала.

Но сейчас дети оставались дома одни.

— Не пускайте в дом бродяг, — были последние мамины слова перед тем, как она вышла из дому и уселась в сани, где папа уже давно сидел, еле сдерживая коней.

Нет, дети и не думали пускать в дом бродяг. Они с удовольствием мастерили бумажные корзиночки. Свен показывал маленьким сестренкам, как надо их плести. Они говорили про рождественские подарки и сошлись на том, что мягкие пакеты никуда не годятся. В мягкие пакеты кладут чулки, рукавицы и прочие пустяки. А в жестких лежат куклы, оловянные солдатики и другие замечательные вещицы, доставляющие детям радость. Они набивали рот тянучками, отчего походили на круглощеких церковных ангелов.

Кухонная дверь была заперта на крюк. Но вот Свену понадобилось выйти на двор, а когда он вернулся, то забыл запереть дверь. Потому что как раз в эту минуту Анна и Инга Стина подрались из-за ножиц и ему пришлось разнимать их.

Стенные часы в спальне пробили семь дребезжащих ударов. И как раз когда они смолкли, раздался стук в дверь.

— Войдите! — поспешил крикнуть Свен. — Нет, нельзя... — добавил он несмело.

Но было уже поздно.

Дверь отворилась, и кто-то вошел. И это был бродяга. Это поняла даже Инга Стина, которая от страха ударилась в слезы.

— Что это с тобой? — спросил бродяга. — Никак у тебя живот разболелся?

Инга Стина заревела еще громче. Свен и Анна сильно покраснели. Свен подошел к бродяге и, заикаясь, промямлил:

— Мы... мы дома одни, так что, господин бродяга, идите своей дорогой.

Сказав это, он тут же понял: никак нельзя было говорить, что они дома одни.

— Хотя мама с папой скоро придут, — добавил он, — совсем скоро.

— Да, они придут с минуты на минуту, — подтвердила Анна и, сказав это, немного успокоилась.

Инга Стина продолжала реветь.

— Вы, я вижу, вырезаете елочные игрушки. Давайте-ка я вам что-то покажу, — сказал бродяга и подошел к кухонному столу.

Он взял ножницы и глянцевую бумагу, сложил бумагу в несколько раз и прорезал в ней дырочки. Потом он развернул ее и... о, какая замечательная кружевная звездочка у него получилась! Прямо волшебник, а не бродяга!

— Вот это да! — сказали дети, вытаращив глаза.

Потом бродяга сплел корзиночку, да такую крошечную, что невозможно было понять, как такие здоровенные ручищи могли сплести такую малюсенькую штучку.

— Какая маленькая-премаленькая корзиночка, — сказала Анна.

— Когда повесишь ее на елку, положишь в нее всего одну изюминку, — объяснил бродяга.

— Подумать только, что вы умеете, господин бродяга! — сказал Свен.

Он нарочно сказал «господин бродяга», решив, что нужно быть как можно вежливее.

— Я еще много чего умею! — воскликнул бродяга. — Я умею колдовать.

— В самом деле? — спросили дети.

— Смотрите сами, — сказал бродяга и вытащил тянучку из уха Инги Стины, которая перестала реветь.

Потом бродяга вытащил по тянучке из ушей остальных ребятишек.

— Вот это да! — сказали они.

— Теперь мне надо поговорить с моим братом, который живет в Америке, — заявил бродяга.

— А как же вы, господин бродяга, будете с ним говорить?

— С помощью моего секретного изобретения. У меня в животе есть аппарат, и через него я слышу, что мой брат говорит!

— Вот это да! — воскликнули дети.

— Привет, Чарли! — закричал бродяга. — Чарли — это мой брат, — объяснил он ребятишкам. — Когда он жил в Швеции, его звали Калле. Привет, Чарли! — снова закричал он.

И подумать только, Свен, Анна и Инга Стина услышали, как чей-то голос в животе у бродяги сказал:

— Привет, Ниссе, какая есть твоя жизнь?

— Да так, помаленьку. Ну а как ты там сам-то?

— Копаю золото, — ответил голос из живота. — Сегодня накопал пятнадцать кило.

— Финос пурос, — произнес бродяга непонятные слова.

— Завтра пошлю тебе в конверте сто далеров¹, — посулил голос.

— Финос пурос, — повторил бродяга, — тогда я куплю себе костюм в красную полоску с маленькими бантиками. Привет, Чарли!

Но Чарли больше ничего не сказал.

— Завтра я получу сто далеров, — сказал радостно бродяга и посмотрел на детей с улыбкой.

— Вот это да! — сказали Свен, Анна и Инга Стина.

На минуту наступила тишина.

— А вы еще что-нибудь умеете, господин бродяга? — вежливо спросил Свен.

— Я могу представить пьяного мужика, которого забрал полицейский, — ответил бродяга и начал представление.

Инга Стина сунула в рот еще одну тянучку, в свой церковноангельский рот. Но бродяга представлял так смешно, шатаясь и петляя ногами по кухонному полу, что Инга Стина расхохоталась, и тянучка застряла у нее в горле.

— Тянучка, — взвизгнула Инга Стина, и лицо у нее посинело. Она отчаянно замахала руками.

— Плюнь! Плюнь! — закричали Свен и Анна. Но тянучка застряла крепко-накрепко.

Тут бродяга в один прыжок оказался рядом с Ингой Стиной. Теперь это был уже не пьяница, еле стоящий на ногах. Он засунул в горло Инге Стине два пальца и вытащил тянучку.

¹ Далер — старинная серебряная монета (шв.).

Инга Стина взвыла и плюнула на клеенку. Потом она улыбнулась и спросила:

— А вы умеете еще что-нибудь, господин бродяга? Представьте еще пьяницу, это было так смешно.

— Я умею петь песни, — ответил бродяга. И он спел очень печальную песню про красивую девочку, которую разорвал лев.

— Мы тоже умеем петь песни, — сказала Анна, и дети спели бродяге песню:

Пророк Иов до Ниневии
идти обязан был пешком,
но, убоившись злой стихии,
ослушался приказа он.
Он к морю на корабль спешит,
но гибель шторм ему сулит.

Бродяга сказал, что ни за что не поступит так, как пророк Иов.

— А еще вы умеете что-нибудь, господин бродяга? — снова спросила Инга Стина. Она хотела спать и начала капризничать.

— Я умею говорить по-арабски, — ответил бродяга.

— Надо же! — воскликнули дети.

— Петчингера, петчинчера бюш, — сказал бродяга.

— А что это значит? — спросил Свен.

— Это значит: я хочу спать.

— И я тоже, — сказала Инга Стина.

Тогда Анна вспомнила, что они еще не ужинали. Она пошла в кладовку и принесла рождественскую колбасу, студень, солонину, рагу, каравай хле-

ба, сладкие хлебцы, хлеб из просеянной муки, масло и молоко.

Они убрали со стола глянцевую бумагу и ножницы и поставили еду.

— Хлеб наш насущный даждь нам днесь, аминь, — сказала Инга Стина, и они приступили к еде.

Бродяга тоже ел. Долгое время он молчал, все ел и ел. Он ел и колбасу, и студень, и солонину, и рагу, и хлеб и запивал еду молоком. А после он съел еще колбасы, студня, солонины и рагу и выпил еще молока. Просто удивительно, сколько он мог съесть. Под конец он рыгнул и сказал:

— Иногда я ем ушами.

— Вот это да! — воскликнули дети.

Он взял кусок колбасы и зачихал его в свое большое ухо.

Дети сидели, ожидая увидеть, как он начнет жевать ушами, но он этого делать не стал. Однако колбаса вдруг куда-то подевалась.

Это был в самом деле удивительный бродяга. Но потом он вдруг замолчал и долго-долго сидел, не проронив ни слова.

— А еще вы что-нибудь умеете? — снова спросила Инга Стина.

— Нет, больше я ничего не умею, — ответил бродяга совсем другим, усталым голосом.

Он поднялся и пошел к двери.

— Мне пора идти, — сказал он.

— А куда? — спросил Свен. — Куда вы пойдете, господин бродяга?

— Прочь, — ответил бродяга.

Но у двери он обернулся и сказал:

— Я еще приду к вам. Приду, когда на неделе будет два четверга. И принесу с собой своих ученых блох, которые умеют прыгать по-сорочьи.

— Вот это да! — сказала Инга Стина.

— Интересно было бы поглядеть на этих блох, — сказал Свен.

Дети вышли на крыльцо проводить его. На дворе стемнело. Простертые к небу яблоневые ветки казались такими черными и печальными. Проселочная дорога тянулась темной бесконечной лентой далеко-далеко и пропадала где-то вдаль, где ничего нельзя было разглядеть.

— Спокойной ночи, господин бродяга, — сказал Свен и низко поклонился.

— Спокойной ночи, господин бродяга, — сказали Анна и Инга Стина.

Но бродяга не ответил. Он пошел прочь и даже не обернулся.

А дети услышали, как внизу, под горкой, закрипели сани.

И вскоре наступил рождественский вечер, веселый, радостный праздник. С твердыми и мягкими пакетами, свечками в каждом углу, запахом елки, лака и шафранных булочек. Ах, если бы такой замечательный день приходил немножко почаще и не кончался бы так быстро!

Но рождественскому вечеру приходит конец! Инга Стина заснула в горнице на диване. Свен и Анна стояли у кухонного окна и глядели в темноту.

В этот вечер во всем Смоланде мела метель. Снег падал на Томтабаккен и Таберг, на Скуругату, Оснен и Хельгашен, да, на леса и озера, выгоны и каменистые пашни, одним словом, на весь Смоланд.

Метель замела также все узкие, извилистые и ухабистые проселки и окаймляющие их изгороди. Наверно, снег падал и на какого-нибудь беднягу нищего, бредущего по дороге.

Анна уже забыла про бродягу. Но сейчас, стоя на кухне и прижав нос к стеклу, она вспомнила о нем.

— Свен, где, по-твоему, этот бродяга нынче вечером?

Свен подумал немного, облизывая марципанового поросенка.

— Может, он идет по дороге в приходе Локневи, — сказал он.

Примечания

«Эмиль из Лённеберги» (Emil i Lönneberga). Повесть. Впервые на языке оригинала — Stockholm, Rabén-Sjögren, 1963. Впервые на русском языке: журнал «Костер», 1969, № 11 — перевод Л. Брауде и Е. Паклиной, выполненный по первому шведскому изданию.

«Новые проделки Эмиля из Лённеберги» (Nya hyss av Emil i Lönneberga). Повесть. Впервые на языке оригинала — Stockholm. Rabén-Sjögren, 1966. Впервые на русском языке: журнал «Костер», 1969, № 12 — перевод Л. Брауде и Е. Паклиной, осуществленный по первому шведскому изданию.

«Жив еще Эмиль из Лённеберги!» (Än lever Emil i Lönneberga). Повесть. Впервые на языке оригинала — Stockholm, Rabén-Sjögren, 1970. Впервые на русском языке: журнал «Костер», 1972, № 10—12 — перевод Л. Брауде и Е. Паклиной, выполненный по первому шведскому изданию.

«Ида и Эмиль из Лённеберги» (Ida och Emil i Lönneberga). Повесть. На языке оригинала первоначально публиковалась в виде трех отдельных рассказов: «När lilla Ida skulle göra hyss» («Как маленькой Иде пришлось стать проказницей») — Första Läseboken, 1982; «Emils hyss № 325» («Проделка Эмиля № 325») — Andra Läseboken, 1983; «Inget knussel, sa Emil i Lönneberga» («Нечего жадничать!» — заявил Эмиль из Лённеберги) — Tredje Läseboken, 1985. На русском языке впервые опубликована в журнале «Искорка», 1992, № 1—3. В книжном варианте в первый раз напечатан Информационно-издательским агентством «ЛИК», 1996. Перевод осуществлен Л. Брауде по книге «Ida och Emil i Lönneberga» — Stockholm, Rabén-Sjögren, 1989.

Все четыре книги об Эмиле из Лённеберги впервые опубликованы вместе как тетралогия также Информационно-издательским агентством «ЛИК», 1996.

«Бойкая Кайса и другие дети». Сборник рассказов. Впервые на шведском языке: Lindgren A. Kajsa Kavat och andre barn. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1950.

Отдельные рассказы этого сборника впервые опубликованы на русском языке (перевод Л. Брауде) — Линдгрэн А. Мэрит. — Искорка, 1988, № 7. Кто выше! — Искорка, 1988, № 12. Укротитель из Смоланда. — Топ-шлеп, 1992, № 2.

В полном составе сборник «Бойкая Кайса и другие дети» на русском языке (перевод Н. Беляковой и Л. Брауде) опубликован впервые в Собрании сочинений Астрид Линдгрэн. Т. 6. СПб.: Изд-во АО «Атос» и «Библиотека „Звезды“», 1994. Перевод всех рассказов сборника выполнен по аналогичному шведскому изданию 1964 г.

Содержание

ЖИВ ЕЩЕ ЭМИЛЬ ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ! *Л. Брауде* 5

Эмиль из Лённеберги

Перевод Л. Брауде и Е. Паклиной 13

ВТОРНИК, 22 МАЯ. Как Эмиль угодил головой в супницу . . . 18

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 10 ИЮНЯ. Как Эмиль поднял на флагшток
маленькую Иду 30

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 8 ИЮЛЯ. Как Эмиль вволю повеселился
на Хультсфредской равнине 44

Новые проделки Эмиля из Лённеберги

Перевод Л. Брауде и Е. Паклиной 63

СУББОТА, 28 ИЮЛЯ. Как Эмиль нечаянно уронил на голову
отцу блюдо с тестом для пальтов и вырезал сотого деревянного
старичка 69

СРЕДА, 31 ОКТЯБРЯ. Как Эмиль добыл коня и перепугал
насмерть фру Петрель и всех жителей Виммербю 86

ПОНЕДЕЛЬНИК, 26 ДЕКАБРЯ. Как Эмиль опустошил
кладовую в Катхульте и поймал Командоршу в волчью яму . . . 114

Жив еще Эмиль из Лённеберги!

Перевод Л. Брауде и Е. Паклиной 147

СУББОТА, 12 ИЮНЯ. Как Эмиль заключил несколько
сногшибательных, но удачных сделок на аукционе в Бакхорве . 152

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 ИЮНЯ. Как Эмиль трижды храбро пытался вырвать у Лины коренной зуб, а потом выкрасил маленькую Иду в фиолетовый цвет	175
ВТОРНИК, 10 АВГУСТА. Как Эмиль посадил лягушку в корзинку с кофе и едой, а потом попал в такую жуткую историю, о которой лучше и не вспоминать	190
МАЛОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДНИ ИЗ ЖИЗНИ ЭМИЛЯ, когда он совершал не только разные мелкие проделки, но и кое-какие добрые дела	218
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 НОЯБРЯ. Как в Каттхульте проходил домашний экзамен, а Эмиль запер отца в Триссовой будке	227
СУББОТА, 18 ДЕКАБРЯ. Как Эмиль совершил великий подвиг и все его проделки были прощены и забыты, а вся Лённеберга ликовала	237

Ида и Эмиль из Лённеберги

<i>Перевод Л. Брауде</i>	261
КАК МАЛЕНЬКОЙ ИДЕ ПРИШЛОСЬ СТАТЬ ПРОКАЗНИЦЕЙ	263
ПРОДЕЛКА ЭМИЛЯ № 325	276
«НЕЧЕГО ЖАДНИЧАТЬ!» — ЗАЯВИЛ ЭМИЛЬ ИЗ ЛЁННЕБЕРГИ	287

Бойкая Кайса и другие дети

БОЙКАЯ КАЙСА. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	303
УКРОТИТЕЛЬ ИЗ СМОЛАНДА. <i>Перевод Л. Брауде</i>	311
ЗОЛОТАЯ ДЕВОНЬКА. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	316
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О САММЕЛЬАГУСТЕ. <i>Перевод Л. Брауде</i>	324
ЧТО-НИБУДЬ «ЖИВОЕ» ДЛЯ КАЛЯ-КОЛЧЕНОЖКИ. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	331
КТО ВЫШЕ! <i>Перевод Л. Брауде</i>	338
СТАРШАЯ СЕСТРА И МЛАДШИЙ БРАТ. <i>Перевод Л. Брауде</i>	345
ПЕЛЛЕ ПЕРЕЕЗЖАЕТ В СОРТИР. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	349
ПОД ВИШНЕЙ. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	353
МЭРИТ. <i>Перевод Л. Брауде</i>	359
СПОКОЙНОЙ НОЧИ, ГОСПОДИН БРОДЯГА! <i>Перевод Н. Беляковой</i>	367
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>Л. Брауде</i>	376

Литературно-художественное издание

АСТРИД ЛИНДГРЕН
Собрание сочинений в 10 томах
Эмиль из Лённеберги

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Татьяна Виноградова, Ирина Киселева
Верстка Владимира Титова
Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 28.02.2002. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 6000 экз.
Усл. печ. л. 24. Изд. № 133. Заказ № 2865.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Уважаемые читатели!

Если Вы являетесь пользователями сети Интернет, то у Вас есть возможность познакомиться с новинками нашего издательства и сделать заказ, не отходя от компьютера.

Предусмотрены выбор книг по аннотированному каталогу с цветными обложками и возможность удобной для вас формы оплаты.

Книги высылаются почтой.

Ждем вас круглосуточно по адресам:

<http://www.top-kniga.ru/>

<http://www.esterum.com/>

<http://www.ozon.ru/>

<http://www.bolero.ru/>

Серия «Планета людей»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопутствовать нашим детям всегда и помогут им вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. В серии «Планета людей» выходят увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми.

Джеймс Крюс. ТИМ ТАЛЕР, или ПРОДАННЫЙ СМЕХ

416 с. 12х20,5 см
переплет
Цена 90 руб.
Лот № 318

Джеймс Крюс, родившийся в Германии в 1926 году, — автор множества книг для детей всех возрастов. Он дважды лауреат немецкой Премии за вклад в детскую литературу (1956, 1964), дважды был удостоен Международной Золотой медали Х. К. Андерсена (1963, 1968). В этой умной и немного грустной повести, насыщенной действием, приключениями и чудесами, герой заключает сделку с господином Тречем (читай наоборот: Треч — Черт), не менее рискованную, чем сделка доктора Фауста с Мефистофелем. Остается добавить, что в этом издании впервые опубликован "очень краткий словарь волшебства и всего-всего сверхъестественного и не совсем обычного".

цены указаны без учета почтовых расходов

**ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«АЗБУКА» МОЖНО ЛЮБЫМ
УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ:**

- ПО ТЕЛЕФОНУ: (812) 3270455
- ПО ЭЛЕКТРОННОМУ АДРЕСУ: AREAL@SPBPOST.RU
- НА СЕРВЕРЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»:
WWW.AZBOOKA.RU
- ПО ПОЧТЕ: 192236 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ А/Я 300 ЗАО
«АРЕАЛ»

**Вы можете выбрать
удобный для вас способ заказа:**

- Наложным платежом с оплатой заказа при получении бандероли в ближайшем почтовом отделении. Обратите внимание, что цены на издания приведены без учета стоимости пересылки вашего заказа по почте.
- По предварительной оплате. Стоимость такого заказа будет на 10% ниже стоимости наложенного платежа. Оплата производится банковским или почтовым переводом. Оформлять такой вид платежа следует только по телефону или электронной почте. Книги будут высланы в течение недели после получения заказа или выхода книги из типографии.

При оформлении заказа укажите:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
 - почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
 - название издательства, имя автора, название книги, номер лота, количество заказываемых экземпляров.
-

По вопросам приобретения книг издательства «Азбука» обращаться

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

В МОСКВЕ:
представительство издательства «Азбука»
тел. (095) 911-99-74

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93

книготорговое объединение «Ониск»
тел. (095) 150-52-11, (095) 110-02-50

В ЧЕЛЯБИНСКЕ:
ЗАО «Корвет», тел. (3512) 36-75-10

В НОВОСИБИРСКЕ:
ООО «Топ-книга», тел. (3832) 36-10-28

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:
ООО «Фазтон-Пресс», тел. (8632) 65-61-64

В ИРКУТСКЕ:
издательство «Востсибкнига», тел. (3952) 34-42-95

В ВОЛГОГРАДЕ:
ООО «Эзон», тел. (8442) 37-25-19

«Книжный Клуб СНАРК» представляет

Самый широкий ассортимент книг
издательства «Азбука»

Информация в Санкт-Петербурге по тел.

050

ISBN 5-352-00133-4

9 785352 001332